

НАУЧНОЕ ОБОЗРЕНИЕ САЯНО-АЛТАЯ

Рецензируемый
научный журнал
Номер 3 (23), 2018
Серия: Филология
Выпуск 11

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор

д-р ист. наук **Тугужекова В. Н.** (Россия)
Зам. главного редактора
канд. филол. наук **Чебочакова И. М.** (Россия)

Ответственный секретарь

канд. ист. наук **Данькина Н. А.** (Россия)

УЧРЕДИТЕЛИ:

Министерство образования и науки
Республики Хакасия
ГБНИУ РХ «Хакасский
научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории»
(ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ»)

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

655017, г. Абакан,
ул. Щетинкина, 23,
ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ»
Телефон: 8 (3902) 22-31-71
e-mail: khaknaukaL@mail.ru
Зав. редакцией:

Данькина Надежда Анатольевна

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Базаров Б. В.
академик РАН (Россия)
Бакчиев Т. А.
д-р филол. наук (Кыргызстан)
Бичелдей К. А.
д-р филол. наук (Россия)
Екеева Н. М.
канд. ист. наук (Россия)
Килли Йылмаз Г.
д-р филол. наук (Турция)
Кузенбай С. А.
д-р искусствоведения (Казахстан)
Леончик С. В.
д-р ист. наук (Польша)
Магайл Ж.
д-р ист. наук (Княжество Монако)
Осава Т.
д-р наук (Япония)
Салата Г. А.
канд. пед. наук (Абакан)
Смолина И. Г. (председатель)
канд. юр. наук (Абакан)
Соегов М.
академик АН (Туркменистан)
Худяков Ю. С.
д-р ист. наук (Новосибирск)
Чистанов М. Н.
д-р филос. наук (Абакан)

НАШ АДРЕС В ИНТЕРНЕТЕ:

<http://www.haknii.ru>

© Министерство образования и науки
Республики Хакасия, 2018
© ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ», 2018

ISSN 2304-7488

Журнал зарегистрирован в ФС по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77 – 48678

Подписной индекс 25199 в каталоге агентства «Роспечать»

СОДЕРЖАНИЕ

Белоглазов П. Е. Возникновение первичных омонимов в хакасском языке.....	4	Толмашова Н.А. Роль Хакасского книжного издательства в сохранении и развитии хакасского языка.....	63
Боргояков В. А., Саражаков Н. Т. О топонимах бассейна реки Ылырсы Аскизского района Республики Хакасия.....	8	Тугужекова Т. Н. Семантико-прагматические и структурно-функциональные особенности прилагательного <i>күрең</i> в хакасском языке.....	66
Боргояков С. А., Боргоякова Т. Н. Политика идентичности и родные языки в системе школьного образования.....	14	Чебочакова И. М. Сөстөрденер чоох: кизи пүдизин таныхтапчатхан сөстөр.....	73
Доможакова О. В. Об изучении хакасского языка в системе общего образования Республики Хакасия в 2017-2018 учебном году.....	27	Чебочакова И. М. О работе Терминологической комиссии при Министерстве образования и науки Республики Хакасия в 2017 году.....	76
Ерленбаева Н. В. Названия птиц, мотивированные характерными действиями и поведением птиц, в алтайском языке и его диалектах.....	30	ПЕРСОНАЛИИ	
Каскаракова З. Е. Словари современного хакасского языка.....	33	Кызласов А. С. Цырен-Доржи Номинханов – исследователь хакасского языка: к 120-летию со дня рождения.....	85
Каскаракова З. Е. О хакасско-русском словаре Н. Г. Катанова.....	36		
Killi Yılmaz G. Codex Cumanicus ve Hakas sözlü geleneğindeki ortak bilmecelelerin dili üzerine.....	38		
Одилов Ё. Противоположность и семантическое развитие слова.....	46		
Сарбашева С. Б., Чочкина М. П. Производственный обряд <i>войлоковаление</i> у алтайцев и особенности благопожеланий <i>алкыш сөс</i>	52		
Сунчугашев Р. Д. Заметки об ойконимах Аскизского района.....	56		

CONTENS

Beloglazov P. Ye.

The occurrence of primary homonyms in
Khakass language.....4

Borgoyakov V. A., Sarzhakov N. T.

About the toponyms in the river basin Ylyrsy
of Republic of Khakassia.....8

Borgoyakov S. A., Borgoyakova T. N.

Identity politics and native languages
in the school system.....14

Domozhakova O. V.

On the study of Khakass language in the general
education system of Republic of Khakassia
in the 2017-2018 27

Yerlenbayeva N. V.

Bird names, motivated by characteristics
of actions and behavior of birds in Altay language
and its dialects 30

Kaskarakova Z. Ye.

Dictionaries of modern Khakass language 33

Kaskarakova Z. Ye.

About the Khakass-Russian dictionary
of N. G. Katanov.....36

Killi Yılmaz G.

On Codex Cumanicus and the language of common
riddles in the Khakassian oral tradition 38

Odilov Yo.

Opposite and semantic development of word 46

Sarbasheva S. B., Chochkina M. P.

Production rite felting by altaians and especialtys
of the good wishes *alkysh ses*.....52

Sunchugashev R. D.

Notes on the oikonyms of Askiz district.....54

Tolmashova N. A.

The role of Khakass book publishing house in
preservation and development
of Khakas language.....63

Tuguzhekova T. N.

Semantic-pragmatic and structural-functional
features of the adjective *kyreng*
in Khakass language.....66

Chebochakova I. M.

Story about words: somatisms.....73

Chebochakova I. M.

About work of Terminological Commission
at Ministry of Education and Science
of Republic of Khakassia in 2017 76

SECTION PERSONALIAS

Kyzlasov A. S.

Tsyren-Dorji Nominkhanov as a researcher
of Khakas language (to the 120th anniversary
since the birth of).....85

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПЕРВИЧНЫХ ОМОНИМОВ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ

П. Е. Белоглазов

УДК 811.512.153

В статье рассматриваются фонетические, лексические и первичные или лексико-грамматические омонимы в хакасском языке, история вопроса, их происхождение и развитие. Первичные омонимы обладают следующими признаками: выражение одного и того же понятия, но в разных грамматических формах слов (и глагол, и имя), парность их форм, звуковое сходство конечных согласных фонем и совпадение их грамматических значений со значениями мертвых или ныне живых аффиксов, что говорит в пользу вторичности их происхождения. Основой омонимических пар служит корень с глагольным значением. Можно предположить, что количество первичных омонимов возрастает по мере удаления вглубь истории языка. Это подтверждается тем, что в словаре М. Кашгарского насчитывается около пятидесяти пар первичных омонимов, то есть больше, чем в любом современном языке. Первичные омонимы постепенно исчезали, заменяясь вторичными производными формами, и теперь первичные омонимы встречаются в виде архаичных форм. В сравнительном аспекте используются данные других тюркских языков.

Ключевые слова: **хакасский язык, лексикология, омонимы, анализ.**

В тюркских языках, в том числе в хакасском, при изучении корневых слов встречается такое явление, как омонимия. Существуют три типа омонимов: 1) фонетические; 2) лексические; 3) лексико-грамматические, их можно условно назвать «первичными». Первый и второй типы характеризуются тем, что при одинаковом звучании двух или более слов их значения отличаются, а у лексико-грамматических омонимов при схожем звучании их значения этимологически не расходятся, различаясь лишь грамматически. Например:

1. Фонетические омонимы (образованы в результате звукового изменения фонетического комплекса корня или корневого слова в ходе истории языка):

пар- (хак.) «идти, двигаться, отправляться, уходить; уезжать, ехать...», *бар-* (др.-тюрк., алт., кир., каз.) «идти (*туда*), отправляться, двигаться, уходить...» и *пар* (хак.) «есть, имеется; существует...», *бар-* (др.-тюрк., алт., кир., каз.) «есть, имеется, наличие...» восходят к разным словам с различной семантикой, ср.: *бар-* (тюрк., як.) «идти (*ехать туда*)», но

баар «имеется, есть», *баарлы* (тюрк.) «имущий»; *ат* (др.-тюрк., хак., алт., каз.) «лошадь, конь, мерин» и *ат* «имя» также восходят к разным словам, ср.: *ат* (тюрк., як., аз.) «конь, лошадь», но *аат* (тюрк., як.) «имя», *ад* (аз.) «имя».

2. Лексические омонимы или полисемические (возникшие на основе полисемии, то есть разные значения одного и того же слова по мере утраты ассоциативной связи между этимологическими представлениями, лежащими в основе этих значений, постепенно отпочковываются и воспринимаются как разные лексические единицы):

пас- (хак.) I «шагать, ступать; двигаться» – *пас-* (хак.) II «давить, надавливать *на что-л.*» – *пас-* (хак.) III «писать» – *пас-* IV (хак.) «замыкать, закрывать»; *чан-* (др.-тюрк.) I «хлестать, стегать» – *чан-* (др.-тюрк.) II «мазать, обмазывать (*глиной, наишлепывая ее на стену*)» – *чан-* (др.-тюрк.) III «плыть (*ишлепая по воде*)».

Образование омонимии из полисемии наблюдается в лексике других языков. Так, отмечалось, что абсолютной границы между

многозначностью и омонимичностью слов нет, так как многозначные по своему происхождению (этимологически) слова с течением времени, с утратой говорящими чувства былой связи значений, могут превращаться для нас в омонимы [1, с. 48].

В качестве лексического (полисемического) омонима древнего образования приведем слово *ат-* (хак.) I «1) стрелять; 2) убивать...» – *ат-* (кир.) «кидать (в цель)», сравните *ат-* (турк., аз.), *ыт-* (як.) «стрелять» – *ат-* (турк., уз.) «кидать (в цель)». Исторически *ат-* «стрелять (из ружья)» развилось от *ат-* «кидать (в цель)».

Фонетические и лексические омонимы – исторически развивающееся явление в языке, так как ни фонетические изменения слов, ни перенос старого значения на новое не прекратились, в то время как третий тип омонимии – первичные омонимы – исторически постепенно ослабевает и исчезает с последующим образованием новых форм слов. Существенное различие между омонимами первого и второго типа с одной стороны, и третьего типа – с другой, заключается в том, что первые при фонетическом совпадении выражают разные значения, тогда как первичные выражают семантически одно и то же понятие, различаясь лишь грамматически, другими словами, первичные омонимы имеют лексико-грамматический характер: *тын-* (хак.) «1) дышать; 2) вдыхать, вбирать воздух» – *тын* (хак.) «1) дыхание; 2) душа»; *тоң-* (хак.) «1) зябнуть, замерзнуть; 2) застывать, леденеть, твердеть от холода» – *тоң* (хак.) «1) мерзлый, мороженный; замерзший, замороженный; 2) твердый, крепкий»; *сис-* (хак.) «1) нарывать; 2) вздуться, вспухать, опухать, отекасть» – *сис* (хак.) «нарыв, фурункул»; *көс-* (хак.) «1) переселяться, переезжать, перебираться, переходить, кочевать, откочевывать (в другое место)» – *көс* (хак.) «1) кочевка, перекочевка; 2) все вещи, перевозимые при кочевке; 3) семья, двор (семейная общность)»; *тат-* (кир.) «пробовать на вкус, вкушать» – *тат* (кир.) «вкус».

Характерной чертой первичных омонимов являются их своеобразная семантика, когда в одном фонетическом комплексе вы-

ражены имя и глагол, различающиеся лишь в контексте или по морфологическим показателям. Постепенное уменьшение их числа с заменой новой, более сложной формой представляет особый интерес в связи с изучением исторического развития ядра словарного фонда языка. Факты совпадения в одном слове имени и глагола давно привлекали внимание исследователей тюркских языков.

Г. Вамбери отмечал, что во многих случаях корни в одних тюркских языках с аффиксом, а в других без него выступают в качестве и имен (существительных), и глаголов [2, с. 17]. П. М. Мелиоранский писал, что в древности разделение корней на глагольные и именные не было так строго проведено в тюркских языках, есть и теперь корни, имеющие двойное значение – глагольные и именные [3, с. 22]. Этот тип омонимов привлекает внимание и современных тюркологов: отмечалось, что в современном киргизском языке есть пережиточные факты совпадения корней некоторых имен и глаголов [4, с. 5].

Попытка объяснить происхождение первичных омонимов в тюркских языках встречается у зарубежных тюркологов. К. Гренбек допускает две возможности совпадения имени и глагола в одном слове: 1) случайное совпадение первоначально различных слов в результате фонетического стяжения звукового комплекса слова; 2) случайное тождество двух различных аффиксов [5, с. 19]. По мнению Б. М. Юнусалиева, совпадение в одном звуковом комплексе имени и глагола нельзя объяснить ни стадильностью развития языков, ни господством случайностей в звуковом изменении слова. Здесь следует видеть строгую закономерность, действовавшую на ранних этапах развития тюркских языков и постепенно идущую на убыль в позднейшие периоды их истории. У М. Кашгарского встречается пример корня, который имел характер первичного омонима: ср. *қа-* «собирать, складывать в ящик, сосуд» и *қа* «сосуд, ящик, футляр». Этот и другие корни с глагольным значением, встречающиеся в эпоху Махмуда Кашгарского в качестве самостоятельного слова, стали основой для образования следующих первичных омонимических пар: *сан-*

«считать» – *сан* «число» (ср. *сан-* (тур.) «считать, думать, полагать» – *сан* (тур.) «число»); *йүк-* «складывать вьюком; грузить, вьючить» (ср. *сүк-* (як.) «наваливать себе на спину») – *йүк* «груз, вьюк, собранные вещи» (ср. *жүк* (кир.) «собранные или сложенные в передней части юрты одеяла, вьюк, груз»); *қап-* «закрывать, схватывать, захватывать» – *қап* «футляр, сосуд, мешок» (ср. *қап* (кир.) «мешок (для зерна)», *қап* (тур.) «сосуд, наружный покров, обложка, футляр», *хаа* (як.) «чехол, футляр») [6, с. 66-67].

Морфологический способ словообразования подтверждается фактами из современных тюркских языков: при помощи аффикса *қ* (*к*, *г*, *д*) образуется имя и глагол от глагольной основы: *қызы-* (кир.) «проявить интерес» > *қызық-* «интересоваться» и *қызық* «интересный» (ср. *қын-* (шор.) «сильно желать *чего-л.*», *хын-* (хак.) «1) любить, обожать *кого-л.*, *что-л.*», *қын-* (тур.) «проявить активность», а также производные *қынық-* (кир.) «войти во вкус, приохотиться, повадиться» и *қынық* (кир.) «привычка, повадка», *хыных-* (хак.) «1) пристраститься; 2) приохотиться; 3) привыкать, повадиться». Аффикс *-қ* придает глагольной основе значение непереходности. Возможно, в древности аффикс *-қ* выражал активность, что прослеживается на глаголах *сық-* «выжимать», *жақ-* «топить», *йүк-* «грузить» и др.

На более ранних этапах истории языков также прослеживается продуктивность омонимичного аффикса *-н*, образующего от глагола то производное имя, то производный глагол, ср. *ба-* (др.-кир.) «связывать, обвязывать» > *бан-* (др.-кир.) «привязывать к себе, обвязываться»; *қо-* (тур.) «класть, помещать; ставить; оставлять» > *қон-* (тур.) «оставляться; ставиться; останавливаться (*на ночлег*); спускаться; садиться (*о птицах*)», но *қой-* в турецком имеет значение переходное, то есть такое же, что и *қо-*. В современных казахском, туркменском и других тюркских языках сохраняются лишь производные формы с ограниченными значениями: *қон-* «ночевать, садиться (*о птицах*)», *қой-* «класть, ставить, положить, оставить», *хон-* (як.) «ночевать, переночевать»; *сы-* (тур., орх., др.-уйг.) «ло-

мать» > *сын-* «ломаться». В других языках бытует лишь вторая, производная форма [6, с. 68]. От *жаа-* (кир.) «идти (*о дожде, снеге, граде*)» образовано имя *жаан* (кир.) «непогода (*дождь, град, снег*)» (ср. *жауын* (каз.), *йагын* (уз.), *йаан* (алт.) «непогода»).

Рассматриваемые омонимичные пары слов лексико-грамматического характера представляют собой исторически производную вторичную форму, образованную путем присоединения аффикса к корню-глаголу, поэтому термин «первичные омонимы» имеет условный характер, также используется и другой термин «лексико-грамматические омонимы». Употребление слова «первичный» подчеркивает распространенность этого явления на более ранних этапах развития тюркских языков. Фонемы *-н* и *-қ* являются характерными для многих других омонимичных пар, встречающихся как в древних письменных, так и в современных живых тюркских языках.

Первичные омонимы обладают следующими признаками: выражение одного и того же понятия, но в разных грамматических формах слов (и глагол, и имя), парность их форм, звуковое сходство конечных согласных фонем и совпадение их грамматических значений со значениями мертвых или ныне живых аффиксов – все это говорит в пользу вторичности их происхождения.

Некоторые лексико-грамматические омонимы, встречающиеся в современном хакасском языке: *тын-* «1) дышать; 2) вдыхать, вбирать воздух» – *тын* «1) дыхание; 2) душа»; *чух-* «прилипнуть, приставать» – *чух* «смола»; *сых-* «выдавливает, выжимает» – *сых* «влага»; *тоң-* «1) зябнуть; замерзнуть, мерзнуть; 2) застыть, леденеть, твердеть от холода» – *тоң* «1) мерзлый, мороженный; замерзший, замороженный; 2) твердый, крепкий...»; *чар-* «колоть, раскалывать, щепать...» – *чар* «берег»; *тіл-* «раздирать, резать *что-л.* пластами, ремнями, узкими полосами, резать *что-л.* на куски (*мясо, кожу и т. п.*)» – *тіл* «анат. язык (*орган вкуса и орган образования звуков речи*)...»; *ой-* «1) долбить *что-л.*, делать углубление в *чем-л.*; протыкать, пробивать; 2) прорубать *что-л.*...» – *ой* «1) низина, долина; 2) впадина, котловина»; *хас-* «1) копать, рыть *что-л.*;

2) добывать *что-л.*» – *хас* «1) берег; 2) край *чего-л.*; 3) обрыв, крутой откос *чего-л.* (*напр. земли*), возвышение; терраса); *хат-* «свивать, скручивать, сучить *что-л.*» – *хат* «слой, ряд»; *хос-* «1) присоединять, прибавлять, добавлять; 2) смешивать...» – *хос* «пара»; *сис-* «1) нарывать; 2) вздуться, вспухать, опухать, отекает; 3) вздуться, пучить» – *сис* «нарыв, фурункул»; *урус-* «1) драться; 2) сражаться» – *урус* «1) драка; 2) сражение»; *очес-* «1) упрямитесь; 2) вредничать; зловредничать» – *очес* «1) упрямото; 2) вредность» и др.

В лексико-грамматической паре: *уор-* (як.) «воровать» – *огыр* (хак.) «вор» встречается случай, когда одна из пары (имя или глагол) омонима функционирует в одном языке или в одной группе родственных языков, в то время как она оказалась утраченной в других родственных языках. Это чаще наблюдается в омонимах односложного типа.

Выводы: лексико-грамматические омонимы (односложные и двусложные) исторически происходят от глагольных корней с помощью формообразующих аффиксов, а их омонимическая внешняя форма объясняется звуковым совпадением двух различных морфем; ср. образующие имя аффиксы *-к*, *-н* и другие, глагольные (залоговые) *-к*, *-н*. Семантическая близость омонимического корневого слова связана с тем, что омонимы происходят из одного и того же корня – глагола (*йу-* «грузить» > *йук-* «грузить», *сук-* (як.) «наваливать себе на спину», *чук* (хак.) «ноша, поклажа, котомка, вьюк, груз, тяжесть») и т. д. Основой омонимических пар служит корень с глагольным значением. Можно предположить, что количество первичных омонимов возрастает по мере удаления вглубь истории языка. Это подтверждается тем, что в словаре М. Кашгарского насчитывается около пятидесяти пар первичных омонимов, то есть больше, чем в любом современном языке. Первичные омонимы постепенно исчезали, заменяясь вторичными производными формами, и теперь первичные омонимы встречаются в виде архаичных форм.

Литература

1. Булаховский Л. А. Введение в языкознание. Ч. II. – М., 1953.
2. Вамбери Г. Этимологический словарь. – Лейпциг, 1876.
3. Мелиоранский П. М. Памятник в честь Кюль-Тегина. – СПб., 1899.
4. Батманов И. А. Грамматика киргизского языка. – Фрунзе, 1940.
5. Гренбек К. Тюркский строй языка. – Копенгаген, 1936.
6. Юнусалиев Б. М. Киргизская лексикология. – Фрунзе, 1955.

О ТОПОНИМАХ БАСЕЙНА РЕКИ ЫЛЫРСЫ АСКИЗСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ

В. А. Боргояков, Н. Т. Саражаков

УДК 811.512.153

В данной статье проанализированы наименования географических объектов, встречающиеся в бассейне реки Ылырсы Аскизского района Республики Хакасия. Это названия географических объектов данной местности, содержащие в себе компоненты *таг*, *хол*, *хыраң*, *чазы*, *арыг*, *мочак*, *суг*. Они в большинстве являются сложными по своему составу, построенными по правилам словообразования хакасского языка, наименованиями уникальных объектов природы. Мотивировка этих объектов связана с отражением отдельных свойств объектов, например, заостренностью вершины горы (*Устыг таг* ‘острая гора’), преобладанием объектов одного вида (*Харагай таг* ‘черно-скалистая гора’), расположением относительно другого объекта (*Харагай суу таг* ‘гора (находящаяся) позади черно-скалистой’), глубиной (*Тирең өзен* ‘глубокий лог’), труднопроходимостью (*Чабал хол* ‘дурной лог’), принадлежностью определенному человеку (*Алексей хол* ‘лог Алексея’, *Аполлон хол* ‘лог Аполлона’), цветом (*Ах хол* ‘белый лог’), целевыми характеристиками (*Пасека хол* ‘лог пасеки’), произрастающими деревьями и кустарниками (*Хара таллар арыг* ‘лес черных тальников’) и т.п. Перечисленные характеристики объектов номинации позволяли их создателям выделять их из ряда других окружающих географических объектов.

Ключевые слова: тюркские языки, хакасский язык, лексика, топонимы, оронимы, гидронимы.

Объектом нашего исследования являются топонимы бассейна реки Ылырсы Аскизского района Республики Хакасия. Территория района относится к числу муниципальных образований, где проживают представители коренной национальности (носители хакасского языка), а также находится село с одноименным названием.

Целью нашего исследования является детальное описание, по возможности, с указанием на мотив номинации топонимов. В бассейне реки Ылырсы имеются разные физико-географические объекты: горы, леса, поля, реки, родники, холмы и т. д., каждый из которых имеет свое наименование. В данной работе мы рассмотрим названия географических объектов, содержащие в себе компоненты *таг*, *хол*, *хыраң*, *чазы*, *арыг*, *мочак*, *суг*. Их географическое положение мы будем описывать в соответствии с удаленностью от населенного пункта и речки Ылырсы.

Сложные наименования природных объектов с компонентом *таг*

В хакасском языке слово *таг* имеет значение ‘гора’; местность Ылырсы отличается гористостью, приведем примеры наименований данных объектов рельефа: *Арсах пил таг*, *Устыг таг*, *Харагай таг*, *Харагай суу таг*.

Арсах пил таг располагается рядом с селом Ылырсы на юго-западной стороне. На восточной стороне горы *Арсах пил* растёт густой смешанный лес, а с западной стороны лесного массива нет. По длине *Арсах пил* около трех километров. В хакасском языке слово *арсах* имеет значения ‘неровный’, ‘торчащий’, ‘выступающий’; слово *пил* – ‘поясница’, ‘пояс, талия, спина’; ‘седловина, перевал’; словосочетание *арсах пил*, таким образом, имеет значение ‘глубокая седловина’. Гора *Арсах пил* имеет посередине две выступающие вершушки, которые визуально схожи с седлом лошади.

Гора *Устыг таг* располагается вниз по течению речки Ылырсы по дороге, ведущей

в село Усть-Чуль, на четвертом километре от села Ылырсы. Гора имеет с юго-западной стороны мелкокаменистый склон, с редкими скалами, без деревьев, с крутым подъёмом, а на ее северо-восточной стороне растут деревья и кустарники, также здесь она имеет крутой подъём, с острой верхушкой. Гора *Устыг таг* названа по своему внешнему виду (переводится как ‘заостренная гора’)

Гора *Харагай таг* располагается рядом с вышеобозначенным объектом, с восточной стороны от деревни Ылырсы через речку Ылырсы. Гора *Харагай* с юго-западной стороны села Ылырсы имеет открытую, обширную площадь и пологий подъём. Вдоль, на вершине, располагаются скалы, а с северо-восточной стороны растёт густой смешанный лес, который к вершине становится еще гуще. *Харагай таг* назван из-за множества аккуратно располагающихся по вершине горы черных скал: *Хара хайа таг* (букв.: черная+скала+гора).

Гора *Харагай суу таг* находится за горой *Харагай* с восточной стороны от с. Ылырсы, на втором километре. *Харагай суу таг* своей формой похожа на гору *Харагай*, но обладает меньшим размером, а названа так потому, что она находится за горой *Харагай*. В хакасском языке *соо* (диал. *суу*) «задняя часть».

Сложные наименования природных объектов с компонентом *хыраң*

В хакасском литературном языке слово *хыраң* обозначает небольшую продолговатую горку или продолжение подножия горы. В говоре жителей села Ылырсы слово *хыраң* также употребляется в значении ‘кладбище’, т.к. хакасы обычно устраивают кладбища на холмах. В местности Ылырсы имеются такие объекты, наименования которых содержат компонент *хыраң*, например, *Пасекадагы тогыра хыраң*, *Частыгдагы тогыра хыраң*, *Частыг хыраң*.

Холм *Пасекадагы тогыра хыраң* располагается на северо-западной стороне, на восьмом километре от села Ылырсы. Он находится на западной стороне от речки Ылырсы, и на восточной стороне от лога Пасека хол. В хакасском языке слово *тогыра* имеет значения

‘поперек’, ‘поперечный’; объект *Пасекадагы тогыра хыраң* назван по своему расположению и положению поперек речке Ылырсы и логу Пасека хол.

Холм *Частыгдагы тогыра хыраң* располагается на северо-западной стороне речки Частыг, на третьем километре от села Ылырсы. Холм находится с западной стороны от ложбины Тирең öзен (межгорье) и с восточной стороны вплотную прилегает к речке Частыг. С южной стороны холма протекает родник, где берёт своё начало ложбина Тирең öзен. Объект *Частыгдагы тогыра хыраң* назван по местности Частыг и поперечному расположению к речке Частыг.

Частыг хыраң расположен с западной стороны от деревни Ылырсы. С южной стороны холма протекает речка Частыг. На горке *Частыг хыраң* находится кладбище села Ылырсы. Жители села, часто используют в своей лексике название горки *Частыг хыраң*, вместо слова *сöөктөр* «кладбище». Холм *Частыг хыраң* назван по речке Частыг.

Сложное наименование природного объекта с компонентом *öзен*

В хакасском языке слово *öзен* имеет значения ‘ложбина’, ‘лог’, ‘местность между двумя горами’. В местности Ылырсы зафиксировано наименование *Тирең öзен*.

Лог *Тирең öзен* – глубокий, он располагается на северо-западной стороне речки *Частыг*, на третьем километре от села Ылырсы. Из него берёт своё начало родник *Хара суу*, который впадает с западной стороны в речку *Частыг*. С обеих сторон большой и глубокой ложбины *Тирең öзен* растёт густой смешанный лес.

Сложные наименования природных объектов с компонентом *хол*

В хакасском литературном языке слово *хол* имеет значения ‘рука’, ‘долина’, ‘сухое русло реки’, ‘лог’. В бассейне реки Ылырсы имеется много логов, приведем их названия: *Алексей хол*, *Апполон хол*, *Ах хол*, *Ирен хол*, *Исаак хол*, *Каарим хол*, *Кичиг чабал хол*, *Күзёнке хол*, *Марачылыг хол*, *Пасека хол*, *Сёма хол*, *Сосха хол*, *Семён хол*, *Суглыг хол*, *Содаң хол*,

Тормозаков хол, Остыг хол, Улуг чабал хол, Харагайлыг хол, Чаглыг хол.

Лог *Алексей хол* расположен в северной стороне местности Ылырсы пазы (начало речки Ылырсы) на девятом километре от села Ылырсы. Лог был назван по имени человека, который когда-то в этой местности имел покос.

Лог *Аполлон хол* находится в северной стороне местности Гурт чазы на втором километре от села Ылырсы. *Аполлон хол* назван, как и вышеприведенный объект, именем жителя деревни Ылырсы, который имел в этой местности покос.

Лог *Ах хол* располагается в западной стороне на втором километре от села Ылырсы. С южной стороны к нему прилегает гора Арсах пил, а с его северной стороны – открытое место *хабырга* (косогор, склон горы). Склон горы в ложбине в ночное время во время полнолуния белеет, поэтому он был назван *Ах хол* ‘белый лог’.

Лог *Ирен хол* находится в северной стороне от речки Ылырсы, где в нее впадает родник Хара суғ с западной стороны, примерно на пятом километре от села Ылырсы. Местность *Ирен хол* названа по имени жителя деревни Ылырсы, который в этом месте заготавливал сено на зиму.

Исаак хол занимает местность в северной стороне у подножия местности Гурт чазы на первом километре от села Ылырсы. По этой местности протекает родник Хара суғ, который впадает в речку Ылырсы. Лог *Исаак хол* назван по имени труженика села Ылырсы Исаака, который имел на этой территории покос.

Каарим хол располагается на северной стороне местности Ылырсы пазы, на восьмом километре от деревни Ылырсы. Лог назван в честь человека по имени Каарим, который здесь заготавливал сено для своего скота.

Кічиг чабал хол находится на западной стороне местности Частыг по руслу речки Частыг, на третьем километре от села Ылырсы. В хакасском языке прилагательное *кічиг* имеет значения ‘маленький’, ‘небольшой’, а *чабал* – ‘плохой’, ‘дурной’. Лог *Кічиг чабал хол* назван по своей небольшой величине и из-за своей

непроходимости.

Лог *Кўзенке хол* расположен на северной стороне русла речки Ылырсы, на седьмом километре от села Ылырсы. Лог *Кўзенке хол* находится с восточной стороны от речки Ылырсы, где растут берёзы и лиственница. Жители села Ылырсы этот лог используют как покос.

Лог *Марачылыг хол* располагается на северо-западной стороне местности Частыг по руслу речки Частыг на пятом километре от села Ылырсы. *Марачылыг хол* расположен с западной стороны от речки Частыг. Первая часть сложного наименования представлена компонентом *марачы* ‘солончак, специальное место, посыпанное солью для приманки зверей’ с аффиксом обладания =*лыг* (букв. ‘имеющий солончак лог’). Здесь находится специальное место, посыпанное солью для приманки диких зверей.

Лог *Пасека хол* располагается на северо-западной стороне, на восьмом километре от села Ылырсы. В ложбине берет своё начало родник *Пасекадагы хара суғ*, который впадает в речку Ылырсы с западной стороны. В этой местности в советское время разводили пчёл.

Лог *Сёма хол* находится в северной стороне, в двухстах метрах от деревни Ылырсы. Лог назван по имени жителя села Ылырсы Сёмы, который имел на этой территории покос.

Объект рельефа *Сосха хол* находится на северной стороне, на первом километре от села Ылырсы. Лог *Сосха хол* располагается с восточной стороны от речки Ылырсы. В этой местности в советский период пасли поросят, поэтому лог назван *Сосха хол* (букв. ‘свиной лог’).

Семён хол расположен на северо-западе в местности Частыг пазы (начало реки), на шестом километре от села Ылырсы. *Семён хол* назван по имени *Семён*. Это был старожил села Ылырсы, имевший здесь покос.

Лог *Суглыг хол* располагается на северо-западе в местности Частыг, на четвертом километре от деревни Ылырсы. Он находится с западной стороны от речки Частыг. В этом месте берут своё начало несколько родников, которые впадают в речку Частыг. Из-за множество родников лог назван *Суглыг хол* (букв.

‘воду имеющий лог’).

Лог *Содаң хол* располагается на южной стороне вниз по течению речки *Ылырсы*, на четвёртом километре от села *Ылырсы*. В хакасском языке слово *содаң* имеет значения ‘куцкий’, ‘кургузый’. Этот лог – короткий, в южной части имеет открытый косогор.

Лог *Тормозаков хол* располагается в северной стороне рядом с местностью *Гурт чазы*, на восьмом километре от деревни *Ылырсы*. *Тормозаков хол* назван по фамилии человека, Тормозакова, который когда-то работал в совхозе директором и имел здесь покос.

Лог *Остыг хол* располагается в северо-западной стороне местности *Частыг* по руслу речки *Частыг*, на шестом километре от села *Ылырсы*. *Остыг хол* расположен с западной стороны речки *Частыг*. В логу растёт смешанный лес, но преобладает осина, поэтому он назван *Остыг хол* (букв.: осину имеющий лог).

Лог *Улуг чабал хол* находится в западной стороне местности *Частыг*, по руслу речки *Частыг*, на третьем километре от села *Ылырсы*. Рядом с ним располагается лог *Кичиг чабал хол*, с восточной стороны от речки *Частыг*. В хакасском языке слово *улуг* имеет значение ‘большой’, *чабал* – ‘плохой’. Местность *Улуг чабал хол* названа так из-за ее размера и непроходимости. Наблюдается номинационное противопоставление размеров двух логов (*Улуг чабал хол* букв. ‘большой плохой лог’ и *Кичиг чабал хол* ‘малый плохой лог’).

Лог *Харагайлыг хол* располагается с восточной стороны местности *Хара сүүт* по дороге в село *Кызлас*, рядом с перевалом *Хырых тыт сын*, на девятом километре от села *Ылырсы*. В данной местности в открытом поле растёт единственное дерево – сосна, по хакасски *харагай*. При этом вокруг этого поля, где растёт одинокая сосна, растут берёзы, лиственницы, и многие другие виды деревьев, но редко встречается сосна.

Лог *Чаглыг хол* расположен в северо-восточной стороне рядом с деревней *Ылырсы* через речку *Ылырсы* у подножия горы *Харагай*.

Сложные наименования природных объектов с компонентом *чазы*

В хакасском литературном языке слово *чазы* имеет значения ‘поле’, ‘степь’. В прилегающей местности даже небольшие открытые места могут называться словом *чазы*. В местности *Ылырсы* имеются поля, имеющие названия *Гурт чазы*, *Пүүт чазы*, *Хара сүүт чазы*, *Чаглыг хол чазы*.

Место *Гурт чазы* располагается в северной стороне, на втором километре от села *Ылырсы*. Оно обширно по занимаемой территории; с западной стороны находятся лога под названиями *Апполон хол*, *Исаак хол*, *Тормозаков хол*, в восточной стороне протекает речка *Ылырсы*, в южной стороне течёт родник *Хара суғ*, который берёт начало в логу *Исаак хол*, с северо-восточной стороны расположена гора *Төрт тас сын*. В северо-восточной части места *Гурт чазы* располагалась летняя стоянка дойного гурта (название переводится как ‘гурт поле=его’).

Место *Пүүт чазы* располагается в южной стороне, на третьем километре от села *Ылырсы*. Оно небольших размеров. С его южной стороны течёт родник *Пүүт хара суғ*, в восточной части протекает речка *Ылырсы*, на западе стоит гора *Арсах пил*, в северной стороне находится покос старика по имени *Пашапчак*. Названа местность по антропониму *Пүүт*.

Место *Хара сүүт чазы* располагается в восточной стороне, на четвёртом километре по дороге, ведущей в село *Кызлас* от деревни *Ылырсы*. Оно имеет большую площадь, по сравнению с перечисленными выше. Место *Хара сүүт чазы* с южной стороны граничит с горой *Чамдых хус* (*хус* – это северная сторона горы, покрытая лесом), с его западной стороны находится хребет *Хара сүүт сын*, на севере перевал *Хырых тыт сын*, с восточной стороны лог *Харагайлыг хол* горы местности села *Илиморово*. В западной части, у подножия хребта *Чикезинче асчаң хара сүүт сын* берёт свои истоки еще один родник.

Место *Чаглыг хол чазы* находится в северо-восточной части на первом километре от села *Ылырсы*. В данной местности с южной стороны располагается гора *Харагай*, покры-

тая смешанным лесом, с западной – ложбины Чаглыг хол и Сосха хол, с северной и восточной стороны оно граничит с окрестностями деревни Картоево. Место *Чаглыг хол чазы* названо так из-за того, что оно приурочено к логу *Чаглыг хол* (букв. ‘жирный лог’).

Сложные наименования природных объектов с компонентом *арыг*

В хакасском литературном языке слово *арыг* имеет значение ‘лес’, обычно это лес в открытой местности на островах, вдоль рек, в нем растут разные деревья, кустарники и другие растения. В окрестностях села Ылырсы представлены следующие наименования леса: *Пүүт Хара таллар арыг*, *Хара сүүт хара таллар арыг*, *Хас алтындагы арыг*, *Частыг арыг*.

Лес *Пүүт хара таллар арыг* располагается вниз по течению речки Ылырсы на третьем километре от села Ылырсы, с южной стороны местности *Пүүт*. В нем растут разные деревья, кустарники, другие растения, но в одном месте произрастает компактно чёрный тальник (*хара тал*), поэтому в названии этого леса присутствует сложное слово во множественном числе *хара таллар* ‘черные тальники’.

Лес *Хара сүүт хара таллар арыг* располагается на восточной стороне села Ылырсы, по дороге в с. Кызлас, на четвёртом километре, в открытой местности *Хара сүүт*, вдоль маленького родника. В этой местности растут разные деревья и кустарники, но бросаются в глаза произрастающие здесь местами низкорослые черные тальники, по-хакасски – *хара таллар*, что получило отражение в наименовании леса *Хара сүүт Хара таллар арыг*.

Лес *Хас алтындагы арыг* располагается рядом с селом Ылырсы, в восточной стороне, вдоль реки Ылырсы, в низовьях лога Чаглыг хол. В этой местности в основном растут черёмуховые деревья. Лес назван по географическому расположению, по его приуроченности к берегу реки (*хас*). *Хас алты* переводится на русский язык как ‘низменность берега’, *Хас алтындагы арыг* – ‘лес, находящийся в низменности берега’.

Лес *Частыг хазындагы арыг* располагается в южной части села Ылырсы, вдоль реч-

ки Частыг. Здесь в основном растут черёмуховые деревья, также можно встретить кусты красной и чёрной смородины и другие растения. *Частыг арыг* назван по названию реки Частыг.

Наименование природного объекта
мочак

В хакасском языке за словом *мочак* закрепилось значение ‘заливные луга’. В данном случае это открытая поляна, которая располагается между двух речек и поливается естественным образом при полноводии. Обычно такие поляны окружены различными деревьями и кустарниками. На них обильно произрастает трава, они используются для заготовки сена.

Луг *Мочак* располагается вниз по течению речки Ылырсы, на третьем километре по дороге в с. Усть-Чуль, на южной стороне от дороги. Это небольшое открытое поле, расположенное между двумя протоками речки Ылырсы.

Сложные наименования природных объектов с компонентом *суг*

В хакасском литературном языке словом *суг* обозначаются вода, река, а также это слово стало компонентом сложного слова *хара суг* ‘родник’. В местности Ылырсы имеются речки *Частыг* и *Ылырсы*, родники *Гурт чазындагы хара суг*, *Пасекадагы хара суг*, *Пүүт хара суг* и множество горных родников (*хара суглар*), которые впадают в эти речки.

Речка *Частыг суг* – небольшая, берёт своё начало в местности Частыг пазы, на северо-западной стороне от села Ылырсы. Протекает на южной стороне села Ылырсы и впадает в речку Ылырсы. В нее впадают родники, с западной стороны вниз по течению *Остыг хол хара суг*, *Марачылыг хол хара суг*, *Суглыг хол хара суг*, *Тирең өзен хара суг*, а с восточной стороны – *Семён хол хара суг*.

Протяженность речки составляет около пяти километров. Первоначальное наименование местности или речки *Частыг* установить не удалось. Возможно, оно мотивировано названием места *частаг* (диал. *частыг*) – ‘весенник, весеннее стойбище’.

Ылырсы суз – небольшая речка – начинается в местности Ылырсы пазы, на северо-западной стороне от села Ылырсы. Речка Ылырсы протекает через село, одноименное с ней, по восточной стороне и впадает в реку Тёя. В речку Ылырсы с западной стороны вниз по течению впадают следующие родники: *Пасека хол хара суз*, *Перецек сапчаң чирдегі хара суз*, *Хара суз*, *Субботин сапчаң чирдегі хара суз*, *Тормозаков хол хара суз*, *Исаак хол хара суз*, *Сёма хол хара суз*, *Частыг суз*, *Пүўт хара суз*, а по восточной стороне: *Кузенке хол хара суз*, *Хара суз*, *Иреп сапчаң хол хара суз*, *Гурт чазы хара суз*, *Чазлыг хол хара суз*, *Харагай таг төзіндегі хара суз*. Протяженность речки до устья составляет около пятнадцати километров. Местность получила наименование от названия реки *Ылырсы*.

Родник *Гурт чазыдагы хара суз* располагается на северной стороне местности Гурт чазы (см. выше), на третьем километре от села Ылырсы. Родник впадает в речку Ылырсы с восточной стороны. Здесь когда-то была летняя стоянка дойного гурта, поэтому родник назван *Гурт чазыдагы хара суз* (букв. ‘родник, находящийся в поле гурта’).

Водный источник *Пасекадагы хара суз* располагается на северо-западной стороне местности Пасека хол, на восьмом километре от села Ылырсы. Он впадает в русло речки Ылырсы с западной стороны. В этой местности в советский период разводили пчёл, поэтому лог назван *Пасека хол* (букв. ‘лог пасеки’), *Пасекадагы хара суз* буквально обозначает ‘родник, находящийся на пасеке’.

Родник *Пүўт хара суз* располагается на южной стороне в местности *Пүўт чазы*, на третьем километре от села Ылырсы. Горный родник *Пүўт хара суз* берёт своё начало у подножия горы *Арсах тил* и впадает в речку *Ылырсы*. Возле родника когда-то была пасека человека по имени *Пүўт*, поэтому родник был назван его именем – *Пүўт хара суз*.

Таким образом, нами рассмотрено три наименования гор, из них наименования *Харагай таг*, *Харагай суу таг* зафиксированы и проанализированы впервые в хакасоведении. Топоним *Устыг таг* встречается по р. Ниня и упоминается авторами В. Я. Бутанаевым и

Р. Д. Сунчугашевым [1; 2]. Наименование *Арсах тил таг* также зафиксировано указанными авторами.

В наименованиях холмов также зафиксировали три оронима, где компонент *частыг* встречен впервые, а определение *тогыра* встречается во многих топонимах Хакасии. Определение *тирең* ‘глубокий’ в наименованиях ложбин встречается во многих топонимах Хакасии. Среди отмеченных нами двадцати наименований девять связаны с антропонимами. Названия, мотивированные именем человека, связаны с хозяйственной деятельностью конкретного человека.

Также рассмотрено по четыре наименования полей/степей и лесов, гидронимы (названия двух рек Частыг и Ылырсы и родников).

Литература

1. Бутанаев В. Я. Топонимический словарь Хакасско-Минусинского края. – Абакан, 1995.
2. Сунчугашев Р. Д. Топонимия Хакасии. – Абакан, 2009.

ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ И РОДНЫЕ ЯЗЫКИ В СИСТЕМЕ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

С. А. Боргояков, Т. Н. Боргоякова¹

УДК 81'272

В статье проведен анализ демографической и языковой ситуации, а также состояния и проблем обучения родным языкам тюркоязычных народов России. На основе данных этноязыковой ассимиляции и демографических процессов проведена типологизация этносов. Выявлено, что если в 90-х гг. XX века трансформационные процессы в государстве привели к расширению изучения родных языков в школе, то в последние годы происходит сокращение количества этнокультурных школ, в первую очередь с обучением на родных языках, а также числа обучающихся в них. Вызовом современной школе стала проблема обучения этническим языкам как государственному языку республик. Обосновано, что одним из ключевых механизмов эффективного языкового образования в контексте политики идентичности является определение общей стратегии развития этнокультурного (этноязыкового) образования в Российской Федерации, его общих целей, принципов и приоритетов. Для улучшения языковой ситуации в регионах Российской Федерации и решения проблем языкового образования и политики идентичности необходимо не только совершенствование нормативно-правовой базы и научного сопровождения этих процессов, но и инициирование социальной ответственности и активности самих народов, конструирование мотивационных механизмов гражданского поведения различных слоев населения.

Ключевые слова: политика идентичности, тюркские народы России, демографическая и языковая ситуация, этнокультурное образование, обучение этническому языку как государственному языку.

¹ Работа выполнена автором в рамках государственного задания 27.12581.2018/12.1, финансируемого Минобрнауки России

В конце XX – начале XXI вв. в России, как и во всем мире, со всей остротой актуализировалась проблема идентичности. Повсеместный всплеск этнической идентичности, интерес отдельных людей и целых народов к своим корням, обусловлен комплексным влиянием на социальные процессы разных групп факторов. Проблемой идентичности сегодня «болеют» страны, общества и люди. Политические лидеры, партии и общественные организации находятся в постоянном поиске эффективных механизмов воздействия на сознание людей, на формирование их идентичности. «Борьба за идентичность» стала ключевым направлением политической мобилизации в современном мире [1, с. 7]. Поэтому любое государство через институты социализации, средства массовой информации и систему образования формирует и укрепляет государственную, национально-гражданскую идентичность. Отмечая важность решения

данной проблемы для страны, В. В. Путин, выступая на Валдайском Форуме 2013 г., сказал: «Вопрос обретения и укрепления идентичности действительно носит для России фундаментальный характер» [2].

Распространение термина «идентичность» и, главное, его введение в междисциплинарный научный обиход связаны с именем Э. Эриксона, который придал понятию «идентичность» статус самостоятельной научной категории. Проблему идентичности он назвал стратегической для США 1940-50 гг. – в ситуации резких расовых и социальных различий, наплыва мигрантов, и рассматривал ее в двух аспектах: «Я-идентичность (природное и индивидуальное) и социальная идентичность (включенность личности в социальные процессы)», а также ввел понятия «кризиса идентичности» и «негативной идентичности» [3].

В российской науке категория «идентичности» приобрела особую значимость в 1990-

х годах в связи с политическими и социокультурными трансформациями в государстве, приведшими своими последствиями к идентификационному кризису в обществе и актуализации проблемы этнической идентичности.

Сегодня идентичность стала тем универсальным концептом, с помощью которого принято описывать современное общество и его структуру, социальные отношения, коллективные и индивидуальные поиски смысла бытия [4, с. 5].

В самом общем смысле, идентичность понимается как тождественность индивида или группы самим себе, как совокупность характерных особенностей, как интегрирующее свойство личности или группы.

Этническая идентичность включает в себя самоотождествление с этнической группой, представление о своей группе («образ мы»), о языке, культуре, истории этнической группы, территории ее проживания, интересах группы, а также эмоциональное отношение к ним, и при определенных условиях готовность действовать во имя этих представлений (Л. М. Дробижева).

Вытеснение в гуманитарных науках понятием «идентичность» в ее «национальном», «этническом», «этнокультурном» и др. проявлении таких привычных терминов, как «самосознание», «менталитет», «национальный характер» и др., актуализирует необходимость определения ее сущности и соотношения с научными категориями, ранее более или менее успешно выполнявшими функции анализа и типологизации социокультурных феноменов.

Наиболее всеобъемлющим концептом, характеризующим духовную сферу человека и широко используемым в научной, политической и публицистической литературе, является *сознание*. Несмотря на то, что совпадение смысловых контуров между понятиями *идентичности* и *сознания* велико, поскольку идентичность одновременно часть и продукт сознания, его работы, этническую идентичность и этническое самосознание не следует отождествлять между собой. По мнению исследователей, термин «сознание» оставляет неясным влияние на когнитивный процесс фактора *подсознания*, роль и значение которо-

го в происхождении тех или иных элементов картины мира после работ З. Фрейда невозможно недооценивать. Между тем понятие идентичности изначально предполагает психологический процесс *самоопределения*, в котором неизбежно бывает задействовано и под-сознание, и таким образом это понятие, в отличие от «сознания», лишено в какой-то мере неопределенности и двусмысленности [5, с. 34]. Поэтому сегодня все сильнее утверждается точка зрения, что для характеристики процессов самоопределения и самоотнесения с определенной общностью термин «этническая идентичность» является более продуктивным.

Этническое бессознательное – это подавленный или вытесненный большинством людей данной этнической группы материал, который передается человеку по наследству от предыдущих поколений. Главной характеристикой бессознательного является слитность человека и мира (человека и этнической группы) в одно неразрывное целое. Еще К. Г. Юнг «обратил внимание на то, что мы рождаемся не только с биологическим наследием, но и с психическим» (цит. по [6, с. 19]). В каждом обществе существуют вырабатываемые и наследуемые им ментальные конструкции – первичные формы общих коллективных воззрений, которые К. Г. Юнг в своей теории коллективного бессознательного обозначил термином *«архетип»*. Архетипы – наиболее глубинные, архаические слои психологии людей, порожденные условиями жизни, существовавшими в древние времена, значение которых не утрачивается и в позднейшие эпохи. Они лежат в основе мифов, стереотипов, традиций, существующих в массовом сознании. Так, например, культурными архетипами сибирских народов, специфика которых обусловлена особенностями их культурно-исторического развития и формированием соответствующих общественных идеалов и ценностей, являются *почитание старших, гостеприимство, скромность, сдержанность, стыдливость, социабельность и конформизм* (зависимость от мнения и требования группы, следование за общественным мнением, низкая самостоятельность, ориентация на соци-

альное одобрение) и др.

Архетипы могут сохраняться в подсознании и в той или иной мере оживать и актуализироваться на уровне сознания, если социальная действительность подает к этому какой-либо повод. Нарушение баланса взаимодействия между сознательным и бессознательным уровнями идентичности может выражаться в изменении содержания этнической идентичности и ее структуры [7, с. 41-43]. Поэтому они становятся немаловажным элементом формирования различных вариантов идентичности и нередко используются при осуществлении политики идентичности.

Разделение понятий *идентичности* и *сознания* психологи (Г. У. Солдатова, Т. Г. Стефаненко) в первую очередь проводят с точки зрения осознанности принадлежности индивидов к этнической общности. Этническая идентичность достигается индивидом в процессе конструирования социальной реальности на основе социально предписываемой этничности и содержит в себе кроме осознаваемого более глубокий неосознаваемый слой. Поэтому этническая идентичность – результат когнитивно-эмоционального процесса самоопределения индивида в конкретном социальном контексте и социальном пространстве относительно многих этносов. Это не только осознание, но и понимание, оценивание, переживание своей принадлежности к этнической общности. Причем смысл данного понятия наилучшим образом отражает термин *переживание* [8, с. 230].

Другим понятием, с которым у *идентичности* много единства, является *менталитет*. Менталитет есть фундаментальный слой коллективного поведения, деятельности, эмоционального реагирования на различные ситуации, присущие данному этносу или устойчивому сообществу.

«*Национальный менталитет* – это система взаимосвязанных образов, включая бессознательное, которые лежат в основе коллективных представлений нации о мире и о своем месте в мире. Эти образы устойчивы к изменению, большинство из них передаются в генотипе и оказывают значимое влияние на конфигурацию других компонентов наци-

онального психического склада» [9, с. 25]. Менталитет не поддается сознательным усилиям по его изменению и поэтому он в гораздо меньшей степени способен учитывать динамизм современного общества. При этом он является по своей сути не индивидуальной, а групповой характеристикой и отражает специфику отношения к миру тех или иных групп. Такое понимание и определение национального менталитета позволяет не смешивать его с понятиями «национальное самосознание», «национальная идентичность». В отличие от «идентичности», «менталитет вряд ли может претендовать на универсальность, т.к. оно (понятие) применимо лишь к этнической общности» [9, с. 21].

В какой-то степени этот недостаток присущ и другим категориям, определяющим этнические особенности какого-либо народа: *национальному характеру, мировоззрению, картине мира и др.*

Понятие *национальный характер* в обыденной жизни используется для описания устойчивого набора личностных черт представителей какого-либо народа (трудолюбие, коллективизм, религиозность, практичность и т.п.), а в научном контексте – комплекса норм, ценностей, установок, стереотипов, мифологем, устойчиво присутствующих в жизни того или иного этноса и отличающего его от других этносов. Этот показатель психического склада нации детерминирован, с одной стороны, компонентами генетического уровня (менталитет, темперамент), а с другой – социальными факторами. Человек не рождается с уже готовым национальным характером, а становится представителем национальной общности лишь в ходе воспитания в конкретной национальной и социальной среде. По сути, через термин *национальный характер* выражается один из уровней применения категории *менталитет* [5, с. 35]. Т. Г. Стефаненко даже ставит знак равенства между национальным характером и национальным менталитетом [8, с. 126].

Рассмотренные понятия, характеризуя разные стороны и уровни психического склада нации, хорошо «работают» в стабильных, устоявшихся условиях. Современные ситу-

ации ускоренных общественных перемен побуждают прибегнуть к применению многомерной и более широкой научной категории, такой как идентичность. Эта категория, помимо качества системности, обладает еще тем преимуществом, что она акцентирует на исследовании *мотивационной стороны* идентификационного выбора.

Как показывает исторический и культурный опыт, гражданин России не может иметь «простую» идентичность, его идентичность может быть только многоуровневой, которая представляет собой сбалансированное взаимодействие нескольких ключевых идентичностей. В контексте социокультурной модернизации российского общества стратегически важным является реализация идеи формирования и укрепления у подрастающего поколения многосоставной идентичности, включающей *этническую идентичность* (императив сохранения этнокультурного разнообразия и этнокультурной идентичности) – *локальную идентичность* (самоотождествление человека со своей «малой родиной») – *гражданскую идентичность* (российская (национальная) идентичность) – *российскую цивилизационную идентичность* (пространство русского мира, скрепляемое русским языком) [10, с. 12].

Формирование и развитие многосоставной идентичности не означает параллельное существование «автономных» идентичностей, и множество идентичностей личности не являются их механическим соединением, а предполагает их взаимодействие, интеграцию и взаимную трансформацию. В зависимости от конкретной ситуации может произойти актуализация любого из них или же возникнуть комбинация идентичностей. Безусловно, объединяющим является общая российская идентичность. Ее укрепление является одним из основных направлений государственной национальной политики. Причем формирование общероссийской идентичности не предполагает постепенного замещения в иерархии идентичностей этнической идентичности общенациональной гражданской.

Проблема самоидентификации отражает гармоничное взаимодействие разных уровней

идентичности и то, что человек может вбирать в себя множество идентичностей. Важно понимать, что человек становится «вполне человеком», когда осознает свою идентичность.

Создание и конструирование идентичности – это процесс, в котором участвует множество разноуровневых субъектов, среди которых особое место занимает политика в сфере образования. Образование помимо своей базовой функции – развития личности и формирования системы знаний, необходимых, прежде всего, молодым людям для адаптации к взрослой жизни, «ответственно» за развитие и трансляцию идей и смыслов, передачу культурных кодов и систем ценностей, формирование единого культурного и политического пространства страны. Поэтому политика в сфере образования рассматривается как элемент *политики идентичности*, которая трактуется как политика государства и негосударственных субъектов политического процесса по формированию национальной, гражданской, территориальной идентичностей. Политика идентичности, помимо образования, включает в себя такие направления, как *символическая политика*, *политика в сфере культуры*, *политика языка* и *политика памяти* [1, с. 73].

Для многоэтнической и поликультурной России, в которой проживают представители 193 народов, и они говорят на почти трёх сотнях языков и диалектов, одной из главных стратегических задач национальной политики государства и, следовательно, политики идентичности, является языковая политика. Основой государственной языковой политики является стратегия формирования и укрепления, сбалансированного русско-национального и национально-русского двуязычия, при котором обеспечивается знание русского языка как государственного всем населением и поддерживается изучение *родных языков*¹ народов России.

Поддержка и развитие языкового и культурного разнообразия – это не только одно из главных условий и факторов обеспечения

¹ В статье термин «родной язык» (в значении «нерусский») используется как эквивалент термину «этнический язык» или «материнский язык», а также термину «национальный язык» советского времени.

межнационального согласия и укрепления государственности страны, но и вопрос сохранения этнокультурной идентичности народов, образующих российское общество. Учитывая, что язык как важнейшая составная часть культуры является, по словам Д. С. Лихачева, «творцом и созидателем народа», а «культура – это то, что в значительной мере оправдывает перед Богом существование народа и нации» [11], данная проблема очень чувствительна для общества, и ее решение имеет не только социокультурную, но и политическую значимость.

Поэтому эффективная языковая политика государства предполагает согласование общественных интересов в решении языковых проблем как важного условия укрепления межнационального согласия и «нейтрализации значимости языка как фактора раскола общества» [12].

Однако в последние годы деятельность органов власти как на федеральном, так и на региональном уровнях в реализации цели языкового образования вызывает острые дискуссии в обществе, что свидетельствует о наличии серьезной проблемной ситуации по данному вопросу. Во многом это связано с декларативным характером целевых ориентиров этноязыкового образования, неопределенностью ее базовых принципов, программируемых мер и ресурсного обеспечения.

Для совершенствования языкового образования необходим комплексный и системный анализ статистических данных о языковой ситуации в регионах страны, количестве школьников, изучающих родные языки, их отношении к изучению языков, а также обобщение опыта языкового образования в контексте национальной (языковой) политики государства на разных этапах его развития. Так как языковая и образовательная ситуация в регионах разная, то характеристика состояния языков народов России и их типологизация являются одним из важных условий модернизации языкового образования и разработки механизма ее реализации.

В данной статье приведены результаты анализа состояния родных языков тюркоя-

зычных народов России по данным переписей населения, официальной статистики Министерства образования и науки Российской Федерации, а также опроса Министерств образования и науки регионов, проведенных в 2017 году.

Результаты переписей населения России показывают, что за 1989-2010 гг. на фоне негативных демографических процессов в стране численность представителей тюркской языковой группы в целом увеличилась на 7,2% (с 11 035,73 тыс. до 11 833,24 тыс.) [13, с. 126]. Демографическая ситуация среди них по сравнению со славянами (-9,5%) и финно-уграми (-26,7%) выглядит вполне позитивно.

Незначительный их прирост на фоне ускоренного роста нахско-дагестанских народов (+69,1%) объясняется, прежде всего, сокращением численности чувашей (-19,0%), хакасов (-9,2%) и татар (-3,8%). Наибольшее увеличение населения среди тюркоязычных народов наблюдается у представителей Северного Кавказа: кумыков (+81,5%), карачаевцев (+45,3%), балкарцев (+44,2%) и ногайцев (+40,7%). Чуть меньший прирост населения за этот период произошел у тувинцев (+28,0%), у саха (якутов) (+25,7%) и у башкир (+17,8%).

Сокращение численности татар, чувашей и хакасов связано как с низким уровнем их демографического воспроизводства – малым уровнем рождаемости и высоким уровнем смертности, так и ассимиляцией или потерями от смены характера идентификации. Процессы глобализации и усилия государства по формированию единой политической нации приводят к изменениям культурных ориентаций людей и их самоидентификации в качестве представителей доминирующего этноса – русских, или как представителей общероссийской гражданской нации.

Среди тюркских народов в 1989-2010 годы доля владеющих русским языком, кроме тувинцев, заметно выросла. По уровню владения русским языком большинство из них можно отнести к группе с хорошим уровнем владения русским. Если по данным 2010 года среди нерусского населения России этот показатель равнялся 96,2%, то среди тюркских

народов (без учета представителей КМНС) он чуть ниже – 94,2%. Так, доля, владеющих русским языком, у тувинцев равна 82,8%, саха (якутов) – 89,6%, кумыков – 92,5%, алтайцев – 94,1%, ногайцев – 94,6%, карачаевцев

– 95,3% и балкарцев – 96,2%. Более «русскоязычными» являются башкиры – 97,0%, татары – 97,4%, чувашаи – 98,4% и хакасы – 98,7% (табл. № 1).

Таблица №1

Данные, характеризующие языковую ассимиляцию тюркских народов Российской Федерации (по результатам переписи населения 2010 г.)

Народы	Доля народа, владеющего русским языком, %	Удельный вес лиц, владеющих данным языком, %	Доля народа, считающего родным язык своего этноса, %	Коэффициент этнолингвистической ассимиляции (Кэла)*
Приволжский федеральный округ				
татары	97,4	80,6	79,2	0,208
башкиры	97,0	72,7	71,6	0,284
чувашаи	98,4	72,6	70,9	0,291
Северо-Кавказский федеральный округ				
кумыки	92,5	84,7	98,2	0,018
карачаевцы	95,3	92,2	97,6	0,023
балкарцы	96,2		97,8	
ногайцы	94,6	84,0	94,2	0,058
Сибирский и Дальневосточный федеральный округ				
саха (якуты)	89,6	94,1	93,3	0,067
тувинцы	82,8	96,1	98,4	0,016
алтайцы	94,1	75,1	85,0	0,15
хакасы	98,7	58,4	65,5	0,345

Таким образом, в настоящее время в России сужения сфер использования русского языка не происходит, и среди нерусского населения сохраняется общая тенденция расширения русскоязычия.

Однако повышение уровня владения русским языком сопровождается усилением процессов языковой ассимиляции нерусских народов страны. Об этом свидетельствуют рост числа их представителей, признающих родным русский язык, и уменьшение числа людей, считающих родным язык своего этноса.

Самыми обрусевшими в языковом отношении среди представителей разных языковых групп страны являются финно-угорские народы (без учета КМНС). Так, например, среди карел, имеющих наиболее высокие показатели языковой ассимиляции среди финно-угров, за период с 1989 г. по 2010 г. доля лиц, считающих родным язык своего народа,

снизилась с 48,6% до 26,8%.

Среди тюркоязычных народов по степени языковой ассимиляции можно выделить две группы. У этносов первой группы этническая самоидентификация и родной язык практически полностью совпадают. К ней относятся кумыки, у которых этнический язык считают родным 98,2% населения, балкарцы – 97,8%, карачаевцы – 97,6%, ногайцы – 94,2%, тувинцы – 98,4% и саха (якуты) – 93,3%. Причем среди кумыков, балкарцев и ногайцев с 1989 г. по 2010 г. даже произошло увеличение доли населения, считающего родным язык своего народа. Этим народам удалось остановить и даже повернуть вспять процессы этноязыковой ассимиляции.

Для народов этой группы в основном характерно русско-национальное двуязычие. Двуязычие в пользу этнического языка, когда доминирует количество людей, лучше владеющих языком своей национальности, чем русским, т.е. национально-русское двуязычие

* Кэла=1 – X/P, где X – численность представителей этноса, считающих родным языком язык своей национальности; P – общая численность этноса на рассматриваемой территории.

наблюдается только у тувинцев и саха (якутов).

Вторая группа представлена, в первую очередь, крупными по численности народами, имеющими многовековые контакты с русскими. Это татары, башкиры, чувашаи, а также – алтайцы и хакасы. Для народов этой группы характерно *асимметричное русско-национальное двуязычие*. Среди них наблюдается тенденция смещения языковых предпочтений в сторону русского одноязычия, и наименьший уровень этноязыковой компетенции отмечается у младшего поколения. Высокий уровень языковой ассимиляции характерен для хакасов, а затем – чувашей, башкир, татар и алтайцев. Так, среди хакасов по итогам Всесоюзной переписи населения 1959 года 90,2% населения считали родным язык своего народа, а в 1989 году – 76,1%. По итогам Всероссийской переписи населения 2010 года этот показатель снизился до 65,5%. При этом доля хакасов, владеющих родным языком, еще меньше – 58,4% [13, с. 140].

В целом, как показывают проведенные расчеты «коэффициента этнолингвистической ассимиляции» (*Кэла*) [14], среди тюркских народов России низкий уровень языковой ассимиляции характерен представителям Северного Кавказа, а также тувинцам и саха (якутам), и относительно высокий – хакасам, чувашам и башкирам. Самыми «нерусифицированными» являются тувинцы, а самыми «русскоязычными» – хакасы (табл. № 1).

В первую очередь, языковая ассимиляция обусловлена демографическими факторами: «чем менее дисперсна группа и чем выше ее доля в населении «своей» республики, тем лучше владение, шире использование и благополучнее положение нерусского языка» [15, с. 298].

Так, близкие по социокультурным характеристикам народы республик Южной Сибири – тувинцы, алтайцы и хакасы, но различающиеся тем, что доля тувинцев в «своей» республике равна 82,0%, алтайцев – 33,9%, а хакасов – 12,1%, имеют существенно разные показатели языковой ассимиляции. Причем, среди хакасов доля проживающих за предела-

ми своего региона в два раза больше (12,8%), чем среди тувинцев (5%).

Немаловажную роль в ассимиляционных процессах играет исторический фактор – время вхождения территории проживания этнической общности в состав Российского государства. Например, Тыва вошла в состав России по историческим меркам недавно: в 1944 г., в отличие от Алтая и Хакасии, интегрированных в состав Российской империи на три столетия раньше – в 18 веке. Или выделяющиеся по уровню владения родным языком народы Северного Кавказа вошли в состав Российского государства гораздо позже, чем уступающие им по этому показателю народы Приволжского федерального округа – татары, башкиры и чувашаи.

Развитие экономики, образование, урбанизация и полиэтническая структура населения регионов (в том числе за счет межэтнических браков) превратились в важный фактор социально-культурной и языковой ассимиляции народов второй группы. Однако происходящий процесс языковой ассимиляции в пользу русского языка обусловлен не только факторами объективного характера, но и субъективными – появлением языкового нигилизма среди представителей коренных народов и распространением среди них представлений о языке меньшинства как о непрестижном и бесперспективном.

В этой связи, важнейшим фактором, обуславливающим скорость языковой и социокультурной ассимиляции, является степень «пассионарности» этноса (по Л. Н. Гумилеву), уровень национального самосознания и достоинства его представителей. Язык – это не только один из главных показателей «народного духа» и столпов культуры, но и инструмент нациестроительства. Не случайно автор широко известного труда о «воображаемых сообществах» – нациях, Б. Андерсон отдает первенство языковым факторам как решающему началу в национальной консолидации [16]. Поэтому происходящие процессы утраты представителями коренных народов России этнического языка, традиционных этнических и семейных ценностей, свидетельствуют об ослаблении этнической идентично-

сти и внутриэтнической солидарности.

В условиях социокультурного доминирования одного этноса, когда взаимодействие национальных общностей приводит к неблагоприятным результатам социального сравнения (а формирующаяся этническая идентичность негативна), человек может выбрать стратегию дистанцирования от своей группы принадлежности и присоединиться к более высоко оцениваемой им группе, т.е. ассимилироваться. Другой подход предполагает, что индивид будет стремиться к тому, чтобы его группа стала позитивно отличной от других (при этом неважно, произойдет ли это в действительности или же человек меняет свои критерии оценки – по принципу «какая-никакая, но своя») и выберет интеграционную стратегию с сохранением своей этнокультурной идентификации. Поэтому для преодоления ассимиляционных тенденций в социокультурном развитии этноса значимыми становятся «пассионарные» усилия его представителей, общественных и политических лидеров.

Необходимо отметить, что в соответствии с общей логикой исторических событий выбор представителями малочисленных народов более мощного русского языка как средства коммуникации и в итоге добровольная языковая ассимиляция свидетельствуют о переходе автохтонных народов России на новый этап своего развития. Признание представителями нерусских народов родным русского языка является «культурной жертвой» в процессе их интеграции в общероссийскую цивилизацию. При этом смена родного языка для большинства из них не означает утрату этнической идентичности. В то же время существующая корреляция между этноязыковой ассимиляцией и негативными демографическими процессами, например, среди хакасов, чувашей и татар, является явным свидетельством, что вслед за отказом от этнического языка происходит и смена идентичности.

В постсоветской России для защиты и развития языков и культур ее народов был принят ряд специальных мер, в которых государство взяло на себя обязательства по защите всех родных языков и гарантировало

право граждан на получение основного общего образования на родном языке, а регионам предоставило возможность строить систему образования с учетом местных условий.

Главным результатом модернизации национальной школы России в соответствии с новой нормативно-правовой базой был переход от единой унитаризованной советской школы на русскоязычной основе к дифференцированному спектру *этнокультурных школ* с восстановлением у многих народов преподавания на родном языке и расширением в содержании образования национальной культуры. Возвращение в 1990-х гг. в школу родных языков привело к значительному их увеличению как в качестве языков изучения, так и языков обучения.

В настоящее время в решении вопроса регулирования изучения в системе образования этнических языков, в том числе республиканских государственных, региональные законодательства обладают определенной вариативностью.

В ряде республик были приняты нормативно-правовые акты, на основании которых в образовательные программы школ было введено обязательное изучение республиканских государственных языков как учебного предмета (Башкортостан, Татарстан, Чувашия, Саха (Якутия) и др.). В других республиках изучение государственного языка стало обязательным для детей, для которых этот язык является родным (Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкесия).

В третьей группе республик (Алтай, Крым, Хакасия, Тыва) в соответствии с имеющимися нормативными положениями в общеобразовательных организациях должны быть созданы условия для изучения республиканского государственного языка с учетом пожеланий родителей и детей. Такой характер организации языкового законодательства, по мнению экспертов, с одной стороны, способствует сохранению межэтнического согласия, а с другой – снижению социальной престижности и востребованности родного языка у подрастающего поколения.

Как показывает практика, «норма обязательности» не гарантирует достаточный

уровень и качество языкового образования, а также достижения 100-процентного охвата школьников данного региона обучением республиканскому государственному языку.

Так, в 2016/2017 учебном году в Республике Башкортостан изучение государственного башкирского языка было организовано для 87,1% обучающихся, а доля школьников, изучающих его как родной язык, равнялась 63,4% от общего количества.

В Татарстане, где вопрос обучения государственному татарскому языку во всех образовательных организациях стал фактором раскола общества, его изучали 438,5 тыс. школьников коренной национальности (100% охват изучения родного языка) и 203,6 тыс. школьников нетатарской национальности¹. Если исходить из того, что доля татарского населения в республике по переписи 2010 года составляет 53,2%, то приблизительно около половины школьников нетатарской национальности охвачены обучением татарскому языку.

Введение нормы обязательного изучения республиканского государственного языка в образовательных организациях, с одной стороны, воспринимается как принуждение к изучению этнического языка как неродного и как вторжение в личное пространство индивида. С другой стороны, право республик в соответствии с Конституцией Российской Федерации регулировать обучение государственным языкам является вполне обоснованным.

Об отсутствии в обществе неразрешимых противоречий по вопросу сбалансированного обучения русскому и национальным языкам свидетельствуют результаты опросов населения, проведенных в республиках Приволжского федерального округа [17]. Положительное отношение к изучению предметов этнокультурной направленности и национальных языков высказывают не только представители коренных народов республик, но родители и школьники из русской среды. Так, среди русских родителей желают изучения национальных языков для своих детей 53%, а не желают – 47%. Среди школьников из русской среды

за обучение национальным языкам 70%, против – 30%. Что касается родителей из числа башкир, марийцев, мордвы, татар, удмуртов и чувашей, то их пожелание, чтобы их дети изучали в школах национальные языки, составляет не менее 75%, а среди школьников и студентов из числа коренных народов – не менее 80% [17, с.17].

Как показывает анализ отечественного опыта языковой политики, а также данные о предпочтениях и выборе родного языка представителями национальных сообществ, важным направлением сохранения равных возможностей государственных языков республик, помимо совершенствования нормативно-правовой базы, является создание социально-экономических и организационно-педагогических условий изучения языков и повышение престижа знания этнических языков.

Сбалансированное обучение государственным языкам должно решаться в сопряжении с реализацией стратегической цели национальной политики государства – формированием и укреплением многосоставной российской идентичности, включающей этническую и региональную идентичности. Реализация данной стратегии должна быть ориентирована на изменение как социальных представлений всех слоев общества, так и деятельности общественных институтов, участвующих в развитии общероссийской идентичности.

Предметы этнокультурного и регионального содержания образования, преподавание национальных языков прививают любовь не только к малой родине, но и содержат большой потенциал формирования у детей и молодежи российского патриотизма. Опыт многих поколений отечественных учителей свидетельствует, что без воспитания любви к малой родине невозможно вырастить настоящего гражданина и патриота России. Наличие этнокультурной составляющей в содержании образования повышает уровень гражданской зрелости учащихся, способствует развитию толерантной личности, формирует интерес к другим языкам и культурам, а в целом преодолеваются негативные этнические стереоти-

¹ Данные получены путем опроса Министерств образования и науки регионов РФ

пы и снижается межнациональная напряженность. Поэтому формирование и укрепление сбалансированного *социального билингвизма* в национальных субъектах Российской Фе-

дерации должно стать базовой основой укрепления гармоничной общероссийской гражданской идентичности.

Таблица №2

Статистические сведения, характеризующие функционирование родных языков тюркских народов (без учета КМНС) в системе общего образования Российской Федерации*

Учебный год	Является языком обучения		Изучается как учебный предмет		Всего	
	Кол-во школ	Итого, кол-во уч-ся	Кол-во школ	Итого, кол-во уч-ся	Кол-во школ	Итого, кол-во уч-ся
2004/2005	4 396	377 838	5242	951 146	9 638	1 328 984
2015/2016	2523	212 945	4059	662 688	6 582	875 633
убыль, %	-42,6	-43,6	-22,6	-30,3	-31,7	-34,1

По данным Министерства образования и науки Российской Федерации в государственной системе образования в 2015/16 учебном году тюркские языки изучали 875,6 тыс. школьников. Из них 212,9 тыс. школьников (24,3%) обучались на родных языках, тогда как большинство – 662,7 тыс. (75,7%) изучали родные языки как школьный предмет (табл. №2).

Языками школьного образования в пределах начальной школы являются алтайский и хакасский языки, а башкирский, кумыкский, крымско-татарский, татарский, тувинский, чувашский и якутский языки – на ступени среднего (полного) общего образования. Не используются в качестве языка обучения караево-балкарский и ногайский языки.

Высокая доля обучающихся на родных языках характерна для Республики Тыва – 47,2% от общего количества школьников, изучающих родные языки, Крым – 36,4%, Башкортостан – 34,2% и Саха (Якутия) – 26,5%. В Татарстане, Чувашии и Хакасии доля обучающихся на родном языке заметно ниже – 14%, 9,2% и 4,2% соответственно.

Таким образом, большая часть школьников, обучающихся на родных языках, учится в начальной школе – 56,1%, в основной средней школе – 40,8%, тогда как в 10-11 классах – только 3,1% школьников.

Как учебный предмет все тюркские языки изучаются в объеме полной средней школы.

При этом наиболее многочисленная категория школьников изучает национальные языки также в пределах начальной (40,2%) и основной средней (52,3%) школы, а в 10-11 классах родной язык есть только у 7,5% школьников.

Несмотря на рост численности тюркоязычного населения страны, общее количество школьников, изучающих тюркские языки в обеих формах, с 2005 по 2016 год уменьшилось с 1 328,9 тыс. до 875,6 тыс. человек, т.е. на 34,1% (табл. №2). Из них, например, число изучающих татарский язык уменьшилось с 681,6 тыс. до 434 тыс. школьников, башкирский – с 231,8 тыс. до 100,2 тыс., чувашский – с 137,3 тыс. до 119 тыс., якутский – с 90,4 тыс. до 76,1 тыс., балкарский – с 14,3 тыс. до 6,9 тыс., а хакасский – с 8,3 тыс. до 5,9 тыс.

Наиболее интенсивно происходит уменьшение количества школьников, обучающихся на родных языках. За десять лет количество этой категории школьников сократилось в 1,8 раз: с 377,8 тыс. до 212,9 тыс., а количество школ уменьшилось в 1,7 раз: с 4,4 тыс. до 2,5 тыс. (табл. №2).

Так, если в 2005 г. на кумыкском языке обучалось 12 тыс. школьников, то в 2016 г. – 7,6 тыс. Количество алтайских детей, обучающихся на родном языке, за это время уменьшилось с 3,2 тыс. школьников до 1,5 тыс., тувинских – с 29,3 тыс. до 19,8 тыс., а хакасских – с 341 до 249.

В совокупности количество школ, в которых изучаются тюркские языки, за 10 лет уменьшилось с 9,6 тыс. до 6,6 тыс. школ (на

*Данные по 2004/2005 учебному году рассчитаны по [18], а 2015/2016 – по [19].

31,7%).

Отрицательная динамика обучения родным языкам обусловлена совокупностью факторов: во-первых – отсутствием эффективно-го механизма реализации языковой политики государства в сфере образования, во-вторых – несоответствием организационно-педагогических условий современной школы изменившимся языковым и образовательным потребностям обучающихся и их родителей и, в-третьих – нежеланием молодежи изучать этнические языки в связи с их функциональной ограниченностью и невостребованностью.

В настоящее время в системе общего образования России по организации обучения родным языкам сформировались разные виды школ. Первый из них представлен, как правило, сельскими школами, в которых обучение ведется на национальном языке, а русский язык изучается как предмет, и с 5 (9) класса обучение переводится на русский язык. Образовательные программы таких школ характеризуются как программы обучения этническому языку «как родному» и ориентированы на глубокое освоение школьниками этнической культуры с целью ее сохранения и развития в современных условиях.

Второй вид школ, в которых обучение с первого класса проводится на русском языке, а родной язык преподается как самостоятельный предмет или как факультатив, является доминирующим в образовательном пространстве России. В таких школах изучение национального языка проводится по разным образовательным программам, в том числе, для обучения детей, которым в большей степени характерен русско-национальный билингвизм, и для школьников, которые слабо владеют или не владеют родным языком, включая русскоязычных школьников. Эти образовательные программы, разрабатываемые в рамках коммуникативной парадигмы в сфере преподавания языков, направлены на развитие у школьников умений выражать мысли, общаться, и решают задачи *обучения национальному языку как государственному или неродному*. В целом они ориентированы на развитие общей культуры личности, обогащение историко-культурной картины мира

через постижение особенностей этнической культуры коренных народов страны.

Если число школ, реализующих образовательные программы для обучения этническому языку как родному, из года в год уменьшается, то количество школьников, изучающих национальные языки как государственный (неродной), неуклонно увеличивается. Эта тенденция со временем будет только усиливаться, если государством и обществом не будут найдены эффективные механизмы реализации языковой политики в сфере языкового образования.

Об этом красноречиво говорят данные социолингвистических исследований, проведенных в образовательных учреждениях Кабардино-Балкарской Республики. Исследования показали, что доля старшеклассников, слабо владеющих либо не владеющих родным кабардинским или балкарским языком, за период с 2001 по 2014 г. увеличилась практически вдвое [20].

Сегодня отечественная система образования имеет разнообразный опыт обучения национальному языку «как родному». Однако разработка научно-методического обеспечения – нового поколения образовательных программ, учебников и учебно-методических пособий, для обучения школьников, слабо владеющих или не владеющих им (независимо от национальности), в регионах только начинается.

При этом решение проблемы совершенствования обучения родным языкам осложнено неподготовленностью педагогических кадров к работе с учащимися, слабо владеющими или не владеющими родным языком. По данным программам родные языки в лучшем случае преподают выпускники национальных отделений педагогических вузов, которых готовили для работы с детьми, владеющими родными языками. Эти педагоги мало знакомы с методиками преподавания этнических языков, которые по своей сути близки к методике обучения иностранным языкам.

Результатом несистемной организации этноязыкового образования и его методологической противоречивости является снижение эффективности обучения родным языкам в

современной российской школе, и в регионах страны общеобразовательная школа оказалась не в состоянии справиться с организацией качественного многоязыкового образования. Поэтому необходимо признать, что в настоящее время в условиях перехода России на новый этап своего развития – построения гражданского общества, *механизма реализации сбалансированной и эффективной языковой политики как элемента национальной политики государства в образовательной сфере фактически не существует.*

Принятие ГД РФ закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», закрепляющий обязательность выбора изучения родного языка, который будет сделан родителями или законными представителями несовершеннолетнего школьника, или им самим по достижению совершеннолетия, с одной стороны, закрепляет право выбора, а с другой – подчеркивает обязательность изучения родного языка. В то же время введение понятия «русский язык как родной», помимо «русский язык как государственный», когда ученикам и их семьям дается возможность выбрать любой из национальных/родных языков, в том числе и «русский как родной», приведет к росту числа школьников, выбирающих в качестве родного русский язык, и к дальнейшему их «уходу» от изучения этнических языков. В результате изменения в федеральных государственных образовательных стандартах (ФГОС) и учебных планах школ не приведут к решению проблемы гармонизации обучения в школе русского и национальных языков и «нейтрализации значимости языка как фактора раскола общества».

В качестве одного из ключевых механизмов реализации языковой политики необходимо разработать единую стратегию развития этнокультурного (этноязыкового) образования в Российской Федерации, обоснование его общих целей, принципов и приоритетов, скоординированная политика федерального центра и регионов по ее реализации, а также комплексная, системная научно-обоснованная деятельность по сохранению и развитию языков народов России.

Защита и содействие сохранению этнических и региональных культур и языков должны быть определены в качестве базовых целей ФГОС для общеобразовательной и высшей школы. При таком целеполагании формирование и развитие этнокультурной идентичности (национального самосознания) как интегральной составляющей общероссийской идентичности должно стать одним из основных показателей (индикатором) эффективности реализации задач государственной национальной политики по сохранению и развитию культурного многообразия народов России.

Необходимо также отметить, что для улучшения языковой ситуации в регионах Российской Федерации и решения проблем языкового образования и политики идентичности необходимо не только совершенствование нормативно-правовой базы и научного сопровождения этих процессов, но и инициирование социальной ответственности и активности самих народов, конструирование мотивационных механизмов гражданского поведения различных слоев населения.

Литература

1. Регулирование этнополитической конфликтности и поддержание гражданского согласия в условиях культурного разнообразия: модели, подходы, практики. Аналитический доклад / Отв. ред. И. С. Семенов. – М., 2017.
2. Выступление Путина на Валдайском Форуме. 19 сентября 2013 г. URL: <https://tg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html> (Дата обращения: 20.01.18).
3. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. – М., 1996.
4. Филиппова Е. И. Территории идентичности в современной Франции. – М., 2010.
5. Холодковский К. Г. Идентичность и сопряженные понятия: контуры исследовательского поля // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. – М., 2017. – С. 33-43.
6. Шевандрин Н. И. Основы психологической диагностики: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений. Т. 3. – М., 2003.
7. Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. – М., 1998.
8. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология: учебник для студ. вузов. – М., 2014.
9. Шнейдер Л. Б. Социально-психологические особенности национального менталитета: Учеб. пособие / Л. Б. Шнейдер, С. В. Вальцев. – М.-Воронеж, 2009.
10. Боргояков С. А., Бозиев Р. С. Этнокультурное образование как важный фактор укрепления единства многонационального народа Российской Федерации // Педагогика. – 2018. – №2. – С. 3-15.
11. Лихачев Д. С. Культура как целостная среда // Новый мир. – 1994. – №8. – С. 7-8.
12. Борисова Н. В. Политизация языка и языковая политика в этнических территориальных автономиях // Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – Т. 60. – №9. – С. 67-75.
13. Население России 2010-2011: восемнадцатый-девятнадцатый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А. Г. Вишневецкий. – М., 2013. – С. 125-139.
14. Житин Д. В. Родной язык как индикатор ассимиляционных процессов в Российской Федерации // Региональные исследования. – 2014. – №2(44). – С. 96-106.
15. Тишков В. А. Язык нации // Вестник Российской академии наук. – 2016. – Т. 86. – №4. – С. 291-303.
16. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. – М., 2001.
17. Тишков В. А., Степанов В. В. Национальные языки и этнокультурное образование в регионах России. Межэтнические отношения и этнокультурное образование в регионах России. – М., 2016.
18. Артеменко О. И. Полиэтничность России: государственная образовательная и языковая политика // Вестник образования. – 2008. – №2. – С. 4-55.
19. Сведения о распределении учреждений, реализующих программы общего образования, обучающихся по языку обучения и по изучению родного (нерусского) языка. Министерство образования и науки Российской Федерации. URL: [http://opendata/mon.gov.ru /open data/7710539135-D7](http://opendata.mon.gov.ru/open%20data/7710539135-D7) (Дата обращения: 18.04.18).
20. Башиева С. К., Улаков М. З., Хамдохова Ж. М. Формирование языковой компетенции в образовательных учреждениях Кабардино-Балкарской Республики // Педагогика. – 2015. – № 8. – С. 40-48.

ОБ ИЗУЧЕНИИ ХАКАССКОГО ЯЗЫКА В СИСТЕМЕ ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ В 2017-2018 УЧЕБНОМ ГОДУ

О. В. Доможакова

УДК 371.3

В статье описывается состояние изучения хакасского языка в системе образования Республики Хакасия в 2017-2018 учебном году. Обучение хакасскому языку в системе образования Республики Хакасия ведется на добровольной основе. Он в различных формах изучается в 145 школах. Охват школьников изучением хакасского языка в различных формах по Республике Хакасия составляет 79,8%. На основании потребностей родителей обучающихся организуются факультативные учебные курсы, дисциплины из перечня, предлагаемого общеобразовательной организацией. Охват детей, которые обучаются хакасскому языку в дошкольных организациях республики, составляет 16,4%. Изучение хакасского языка организовано в 11 муниципальных образованиях. В большинстве муниципалитетов показатель охвата в сравнении с предыдущим учебным годом увеличился. Охват изучением хакасского языка детьми коренной национальности в дошкольных организациях составляет 58,1%, в общеобразовательных организациях – 79,7%, по Республике Хакасия – 74,8%. Правительством Республики Хакасия осуществляется поддержка изучения хакасского языка. Для школ, где изучается хакасский язык, введены повышающие коэффициенты. Обеспеченность кадрами в дошкольных организациях и общеобразовательных организациях республики составляет 100%. В целом, необходимые условия (кадры, учебники, материально-техническая оснащенность) для изучения хакасского языка в школах республики имеются.

Ключевые слова: хакасский язык, изучение, система образования, дошкольные организации, общеобразовательные организации.

В системе общего образования Республики Хакасия в 2017-2018 учебном году обучение хакасскому языку осуществлялось в дошкольных и общеобразовательных организациях. На окончание 2017-2018 учебного года численность детей хакасской национальности в дошкольных организациях и общеобразовательных организациях республики, включая детей с ограниченными возможностями здоровья, составляла 12503 человека (12,4% от общей численности детей в указанных организациях), из них изучали родной язык 9238 чел. (73,9% от численности детей-хакасов). В дошкольных образовательных организациях хакасскому языку по желанию родителей (законных представителей) обучаются и дети, не являющиеся хакасами. Охват детей, которые обучаются хакасскому языку в дошкольных организациях, составляет 16,4%.

В общеобразовательных организациях республики преподаются и изучаются учеб-

ные предметы: «Хакасский язык» (1-9 кл.), «Литературное чтение на хакасском языке» (1-4 кл.), «Хакасская литература» (5-11 кл.) в обязательной части основных общеобразовательных программ. Как учебные предметы хакасский язык и литература изучаются в 87 школах, включая 37 филиалов. На основании потребностей родителей (законных представителей) обучающихся организуются факультативные учебные курсы, дисциплины (модули) по хакасскому языку и литературе из перечня, предлагаемого общеобразовательной организацией. Хакасский язык в различных формах изучается в 145 школах и филиалах. Охват школьников его изучением в различных формах по субъекту в прошедшем учебном году составлял 79,8%.

Анализ охвата школьников изучением хакасского языка в разрезе муниципальных образований Республики Хакасия показал следующее. Наибольшая доля детей-хакасов, изучающих хакасский язык, в Аскизском

районе – 95%. В сравнении с предыдущим учебным годом показатель увеличился на 2% (было 93%). Второе место по данному показателю занимают Бейский и Таштыпский районы – 91%. В городе Абаза – 82% (9 школьников из 11). В Абазинской СОШ №5 хакасский язык изучают 9 чел. (82 %) через внеурочную деятельность, клуб «Истоки». В Алтайском районе охват школьников изучением хакасского языка составляет 71%. В городе Абакан – 62%, в сравнении с предыдущим учебным годом показатель увеличился на 8%. В Орджоникидзевском районе – 59%. В Усть-Абаканском и Ширинском районах – по 56%. В городе Черногорске и городе Сорске – по 55%. В Сорске – 35,7%.

Таким образом, изучение хакасского языка организовано в 11 муниципальных образованиях. В большинстве из них показатель в сравнении с предыдущим учебным годом увеличился. Изучение хакасского языка не организовано в Боградском районе (45 детей-хакасов) и городе Саяногорск (31 ребенок).

Важным фактором сохранения и развития хакасского языка является знание, изучение родного языка детьми коренной национальности. Охват изучением хакасского языка детьми-хакасами в дошкольных организациях составляет 58,1%, в общеобразовательных организациях – 79,7%, по Республике Хакасия – 74,8%. На уровне дошкольного образования хакасскому языку обучаются 1652 чел. (58,1% от числа детей-хакасов, посещающих дошкольные организации). На уровне начального общего образования его изучают 3982 детей-хакасов (87,1% от числа учащихся-хакасов 1-4 кл.). На уровне основного общего образования родной язык изучают 3055 детей-хакасов (74% от числа учащихся 5-9 классов коренной национальности). На уровне среднего общего образования хакасский язык изучают 552 детей-хакасов (67,7% от числа учащихся-хакасов 10-11 кл.).

Правительством республики осуществляется поддержка изучения хакасского языка. Для школ, где изучается хакасский язык, введены повышающие коэффициенты. Обеспеченность кадрами в дошкольных организациях и общеобразовательных организациях

республики составляет 100%. В школах обучение хакасскому языку осуществляют 259 учителей, в том числе 186 учителей начальных классов. Высшее образование имеют 245 человек (95% от общей численности учителей, осуществляющих обучение хакасскому языку). В соответствии с Законом Республики Хакасия «Об образовании в РХ» постановлением Правительства РХ с 01 сентября 2014 года педагогическим работникам дошкольных образовательных организаций, педагогам дополнительного образования, осуществляющим обучение хакасскому языку, осуществляется доплата к базовому должностному окладу в размере 15% из республиканского бюджета.

В соответствии с постановлением Правительства РХ министерством с 01.01.2013 г. осуществлялась ежемесячная доплата в размере 2000 рублей к стипендии студентам ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», обучающимся по направлению подготовки бакалавриата «Педагогическое образование» (профиль подготовки, связанный с изучением хакасского языка и литературы) на условиях целевой контрактной подготовки для работы в сфере образования Республики Хакасия. Ежегодно школы республики пополняются молодыми кадрами. В текущем году трое студентов-«целевиков» приступят к работе. В 2017/2018 учебном году доля молодых педагогов (стаж работы до 3 лет), осуществляющих обучение хакасскому языку, составила 11,6 %.

В Москве 11 раз состоялся Всероссийский мастер-класс учителей родных, включая русский, языков. Учителя хакасского языка принимали участие 9 раз и становились победителями и призерами. В 2017 году Чебодаева Клавдия Сергеевна, учитель хакасского языка и литературы МБОУ «Куйбышевская СОШИ» Бейского района, заняла второе место.

Обеспеченность учебниками 100 процентов. Соблюдается норматив ФГОС: 1 ученик – не менее 1 учебника. Впервые разработаны учебники по хакасскому языку для 10-11 классов на базовом и углубленном уровнях. Учебники базового уровня ориентированы на общую функциональную грамотность,

получение компетентностей для повседневной жизни и общего развития. Учебники углубленного уровня ориентированы на получение компетентностей для последующей профессиональной деятельности в области хакасского языка и смежных с ним областях. Все 8 учебников прошли научную и педагогическую экспертизу в Российской академии образования.

В целом, необходимые условия (кадровое, учебно-методическое обеспечение, материально-техническая оснащенность) для изучения хакасского языка в школах республики созданы. Вместе с тем, вызывает тревогу то, что 47% школьников в республике не владеют родным языком. В первый класс школ республики поступило свыше 60% детей, не владеющих родным языком. По улучшению языковой ситуации нам предстоит серьезная работа.

Повышается роль инновационных образовательных практик обучения хакасскому языку. Аскизский центр развития ребенка – детский сад «Тополек» является Региональной инновационной площадкой по теме «Ине тілі» как инновационная технология этнокультурной ситуации развития детей в условиях внедрения ФГОС дошкольного об-

разования» сроком до 2019 года. В рамках проекта разработаны и апробируются рукописи пособий «Родные узоры» и настольная игра-лото «Птицы земли родной – Чирім хустары». Аскизский лицей-интернат является региональной инновационной площадкой по проекту «Ус холлар» (дополнительное образование). Бейская школа-интернат, используя хакасский язык для детей с ограниченными возможностями здоровья, став победителем Всероссийского конкурса «Территория образовательных проектов» с проектом «Айланьс» в номинации «Школа – центр социума», получила грант на реализацию проекта. Хакасский институт развития образования и повышения квалификации стал федеральной инновационной площадкой по теме «Разработка, апробация и внедрение учебно-методических комплексов, обеспечивающих реализацию регионального и этнокультурного содержания образования в Республике Хакасия».

Выявление и поддержка творчески работающих педагогических работников, распространение передовых форм и методов обучения хакасскому языку, развитие инновационных практик – одни из задач на ближайшую перспективу.

НАЗВАНИЯ ПТИЦ, МОТИВИРОВАННЫЕ ХАРАКТЕРНЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ И ПОВЕДЕНИЕМ ПТИЦ В АЛТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ И ЕГО ДИАЛЕКТАХ¹

Н. В. Ерленбаева

УДК 811.512.1

В данной статье рассмотрены орнитонимы – названия птиц в алтайском языке и его диалектах, мотивированные характерными действиями и поведением птиц, а также выделены основные типы семантической мотивированности указанной лексики. Они в основном образованы аффиксальным способом и словосложением, например, *суугуш* ‘утка’. Аффиксальный способ образования орнитонимов отличается особой продуктивностью. Названия могут быть произведены от основ мимем, глаголов, существительных. Способом словосложения образовались несколько орнитонимов, например, *босторкой*, *сускас*, *эчкисаган*, *каратас* и т.д. Некоторые из них в ходе исторического развития языка видоизменились, например, слово *сускас* ‘крохаль (вид уток)’, которое возникло на основе сложения компонентов *суску* ‘ковшик’ и *кас* ‘гусь’. Большинство сложных орнитонимов носит определительный характер, характеризует цвет оперения, место обитания, величину, отличительный признак.

Ключевые слова: **орнитонимы, лексика, эвфемизмы, этимология, лексема, диалект, говор, словообразование, фонетическая эволюция, глагольное образование.**

Животные и птицы всегда находились рядом с человеком и занимали важное место в его жизни. Люди наблюдали за их поведением, выделяли в них особенности, сравнивали их с собой, и все это находило отражение в лексическом фонде различных языков. Так возникли термины, которыми обозначали зверей, птиц, насекомых и др. Одними из подобных терминов являются орнитонимы. Орнитоним (от греч. *ornis (ornitos)* ‘птица’, *onima* ‘имя, название’) – это номинативная единица, представленная отдельным словом или сочетанием слов, которая служит для выделения, индивидуализации и идентификации именуемой птицы среди других птиц [1, с. 11].

В алтайском языке и его диалектах нами выявлены орнитонимы, мотивированные признаками характерного действия и поведения. Они в основном образованы аффиксальным способом и словосложением, например: *суугуш* ‘утка’, *күйкенек//күүкенек* ‘пустельга’, *каралыкай* ‘поползень’, *кускун* ‘ворон’, *тарал* ‘кедровка’, *желечи* ‘трясогузка’, *талбандуш* ‘ястреб-перепелятник’, ‘малый ястреб’, *шүүленги* ‘сокол-перепелятник’, *берчиткен* ‘воробьиный сыч – мелкая сова’, *мүркүт* ‘беркут’, *чунтай* ‘гагара’, *таралы* ‘сойка’,

томыртка ‘дятел’, *турна* ‘журавль’, *эчки сааган* ‘козодой’. Перейдем к анализу орнитонимов с выявленной словообразовательной структурой.

Лексемой *суугуш* в алтайском языке обозначают утку. Слово образовано сложением основ *суу* ‘вода’, ‘река’ + *куш* ‘птица’, *суугуш* ‘речная птица, утка’.

Слово *күйкенек//күүкенек//күйгенек* ‘пустельга’ образовано от основы глагола *күй* = ‘гореть, загораться’. Название отражает способ добывания пищи (передает моментальность действия, внезапно появление, подобное огню).

Лексема *каралыкай* ‘поползень’ отражает характерное поведение поползня: птица быстро передвигается по дереву, высматривая насекомых. Мотивирующая основа *кара* = ‘смотреть, высматривать, подсматривать’ + аффикс =л + аффикс =гы + аффикс =кай с уменьшительным значением > *каралыкай* ‘поползень’ (‘высматривающий’).

В улаганском говоре представлено сложное слово *агаштын көктөжи* ‘лесная синица’.

Для обозначения ворона существуют слова *кускун*, *кышкылар*, *секчи куш* (эвфе-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00475\18»

мизм). В алтайском литературном языке и в большинстве диалектов используется лексема *кускун* ‘ворона’. Она, возможно, образована от основы глагола *кус*= ‘рвать, блевать’ + словообразовательный аффикс =*кун*.

В алтайском языке представлены следующие слова для обозначения кедровки: *тарал*, *кеерген* (улаганский говор), *ач куш*, *торо куш*. Лексема *тарал*, вероятно, образована от древнетюркского глагола *tar*= ‘рассеивать’ [2, с. 536], в алтайском языке есть глагол *тарка*= ‘расходиться, распространяться’, к основе которого, возможно, присоединился словообразовательный аффикс =*ал* (*тарал* ‘то, что рассеивает, распространяет что-либо’). Слово отражает один из способов рассеивания кедрового ореха. Названия *ач куш*//*торо куш* ‘ненасытная, жадная птица’, возможно, являются эвфемизмами.

Желечи, *чайча*, *соклак* служат обозначениями трясогузки. Лексема *желечи* образована от основы *жел*= ‘ехать, бежать рысью’ + словообразовательный аффикс =*чи* > *желечи* (‘то, что двигается рысью’). В улаганском говоре зафиксирована лексема *чайча*, образованная от глагола *чайба*= ‘трясти’, который выражает особенность трясогузки трясти хвостом. На эту же особенность указывает и челканский вариант *соклак* > *сок*= ‘бить, ударять’ + аффикс повелительного наклонения =*ла* + словообразовательный аффикс =*к* > *соклак* букв. ‘трясущийся’.

Лексемой *талбандууш* обозначается ястреб-перепелятник или малый ястреб. Слово отражает способность ястреба болтаться на ветру: мотивировано глаголом *талбанда*= ‘взмахивать (крыльями)’ + аффикс =*ууш* > *талбандууш*.

Слово *берчиткен* имеет значение ‘воробьиный сыч – мелкая сова’, оно, возможно, образовано от основы существительного *берт* ~ *бертик* ‘вывих’ > основа *бертит*= ‘калечить, травмировать’ + словообразовательный аффикс =*кен* > *берчиткен* (‘травмировал/покалечил’ (в данном случае мелких птиц)).

Относительно слова *мүркүт* ‘беркут’ Э. В. Севортыян считает, что оно произошло от глагола *бур*= ‘хватать добычу когтями’ + =*кут* в значении носителя действия [3, с.

264]. В диалектах алтайского языка встречаются фонетические варианты *бүркүт*, *мүркүт*, *бөркүт*. Эвфемизмами данной лексемы являются *жаан куш* ‘большая птица’, *байлу куш* ‘почитаемая птица’, *бай куш* ‘особо почитаемая птица’ (сочетание *бай куш* могло относиться к названию беркута, обозначая большую и сильную птицу).

Чунтай ‘гагара’, лексема *чунтай*, возможно, образована от глагола *чунчун* ‘ощипываться (о птицах)’ > ‘то, что ощипывается’. Другая версия образования этой лексемы опирается на особенность ныряния гагары: *чунтай* > *чун/чоп эт* ‘нырнуть, нырять’ + словообразовательный аффикс =*тай* > *чунтай* ‘ныряющий’ – ‘гагара’.

Лексема *таралжы* ‘сойка’, видимо, образована от глагола *тара*= ‘чесать, расчесывать’ + аффикс =*ал* + словообразовательный аффикс =*жы* > *таралжы* со значением ‘то, что распространяет’ (в данном случае семена растений).

Слово *томыртка* ‘дятел’ мотивировано глаголом *томыр*= ‘пилить, распиливать’. Оно выражает способ добывания пищи дятлами, которые добывают корм под корой дерева, раздолбив ее, а также долбят дупло для гнезда. Нами зафиксированы названия конкретных видов дятлов: *чоокыр томыртка* ‘пестрый дятел’; *буурыл томыртка* ‘серый дятел’; *ак белдү томыртка* ‘белоспинный дятел’, *каратас* ‘желна’. Названия указывают на цвет оперения.

Для обозначения журавля в алтайском языке используется слово *турна*. Э. В. Севортыян считает, что древнеуйгурское «*turujaja*» – старейшая среди имеющихся форм, «из которой закономерно развиваются остальные формы: > *туруна* > *турна*; =*на* является рефлексом *jaja*, представляет собой стяжение, в котором участвуют элемент *тур*= ‘стоять, становиться на ноги’ (имея в виду характерную для журавля и аиста позу)» [4, с. 302].

Название *эчки сааган* (букв. ‘козодой’) птица получила из-за своего поведения. Она, летая среди пасущихся коз, ловит насекомых, а люди решили, что она сосет молоко у коз. *Эчки сааган* > *эчки* ‘коза’ + *сааган* ‘доил’ > доил козу > козодой.

Изучив собранный материал, мы пришли к выводу, что орнитонимы, мотивированные характерными действиями, поведением птиц, в основном образованы аффиксальным способом и словосложением. Аффиксальный способ образования орнитонимов отличается особой продуктивностью. Названия могут быть произведены от основ мимем, глаголов, существительных.

Способом словосложения образовано несколько орнитонимов, например, *босторкой*, *сускас*, *эчкисаган*, *каратас* и т.д. Некоторые из них в ходе исторического развития языка видоизменились, например, слово *сускас* 'крохаль (вид уток)', которое возникло на основе сложения компонентов *суску* 'ковшик', 'черпак' и *кас* 'гусь' от *суску* > *сус* + *кас* 'крохаль'. Большинство сложных орнитонимов носит определительный характер, характеризуя цветное оперение, место обитания, величину, отличительный признак. Например: *кыр казы* (*кыр* 'гора' + *казы* 'гусь' > *кыр казы* 'горный гусь'), *боро кушкаш* (*боро* 'серый' + *кушкаш* 'птица' > *боро кушкаш* 'серая птичка // птица'), *јаман куш* (*јаман* 'плохой' + *куш* 'птица' > *јаман куш* 'плохая птица').

Данный материал позволяет значительно обогатить алтайский литературный язык, дополнить словарный фонд языка.

Литература

1. Симакова О. Б. Лексико-семантическая группа «Орнитонимы» (на материале русского и французского языков): Дис. ... канд. филол. наук. – Пенза, 2003.
2. Надеяев В. М., Тенишев Э. Р., Щербак А. М. и др. Древнетюркский словарь. – Л., 1969.
3. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву 'Б'. – М., 1978.
4. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву 'В', 'Г' и 'Д'. – М., 1980.

СЛОВАРИ СОВРЕМЕННОГО ХАКАССКОГО ЯЗЫКА

З. Е. Каскаракова

УДК 81.374.4

В статье рассматривается состояние хакасской лексикографии на современном этапе. В настоящее время она располагает более чем 30 словарями разных типов (двуязычными, отраслевыми, терминологическими). Основное место среди них занимают переводные словари. Появление первых словарей связано с потребностями школьного образования. В 1928 году издается первый “Хакасско-русский словарь”, он же является и орфографическим. Автором словаря является Н. Г. Катанов. Следующим стал “Хакасско-русский словарь” для начальных школ, составленный Д. Ф. Коковой. Значимым событием для лексикографии стало издание в 1953 году “Хакасско-русского словаря” (14000 слов) с приложением очерка “Хакасский язык” (составители Н. А. Баскаков, А. И. Инкижекова-Грекул). Выход в свет в 2006 г. нового “Хакасско-русского словаря” является важным событием для хакасской науки, он содержит около 22000 слов и дает довольно полное представление об основном словарном фонде и наиболее активном слое словарного состава языка.

Ключевые слова: хакасский язык, лексика, лексикография, переводной словарь, отраслевой словарь.

Словари являются одним из основных источников для изучения словарного фонда, составляющего основу лексического богатства любого языка. Л. В. Щерба отмечает: “Словарь должен быть сокровищницей языка на протяжении многих веков, от первых письменных памятников до позднейших произведений нашей словесности. Словарь не есть выбор, но полное систематическое собрание слов, сохранившихся как в памятниках письменности, так и в устах народа” [1, с. 63]. Потребность в словарях хакасского языка возникла в первые годы после создания хакасской письменности (1926 г.). В наши дни, когда лексикография стала одной из форм пропаганды культуры речи и норм литературного языка, необходимы словари современного хакасского языка. Сегодня в хакасской лексикографии имеется более 30 словарей – двуязычных, терминологических и др. Основное место среди словарей занимают двуязычные – их 18.

В 1928 году издается первый “Хакасско-русский словарь”, он же является и орфографическим. Автором его был участник I Тюркологического съезда Н. Г. Катанов. В словарь вошли общеупотребительные слова разговорной речи абаканских качинцев (более

1050 слов), дан счет до тысячи. В приложении есть перечень общественно-политических терминов, заимствованных из русского языка, с толкованиями на родном языке.

Следующим стал “Хакасско-русский словарь” для начальных школ, составленный Д. Ф. Коковой (2400 слов). В словник включены слова из книг для чтения в 1-4 кл., общеупотребительная лексика, слова, связанные с жизнедеятельностью детей. Он был издан в 1942 году во время Великой Отечественной войны, поэтому в него были включены термины, связанные с войной. Некоторым терминам даны пояснения, например, *автобус* (*kiziler tartcañ avtomobil*). Этот словарь имел большое значение для учащихся школ и учителей, а также для лиц, слабо владеющих русским языком.

В 1948 году Ц. Д. Номинхановым и Д. Ф. Коковой подготовлен и выпущен “Хакасско-русский словарь” для начальных школ (4264 слов), призванный помочь детям в овладении русским языком. В нем впервые получает отражение многозначность слова. В этом же году Номинханов составил “Русско-хакасский словарь” для начальных школ (4600 слов).

За тридцать с лишним лет с момента вы-

хода в свет перечисленных словарей значительно обогатилась лексика, терминология и фразеология хакасского и русского языков, возросли потребности читателей, переводилось много произведений художественной и другой литературы.

Вся предшествующая работа по составлению словарей, систематизация словарного состава хакасского языка привели к созданию и выпуску в 1953 г. самого значительного для того времени “Хакасско-русского словаря” с приложением очерка “Хакасский язык” (14000 слов, сост. Н. А. Баскаков, А. И. Инкижекова-Грекул). Основой для данного словаря послужила картотека по хакасской лексике из текстов Н. Ф. Катанова. Значительное место в словаре отведено общеупотребительной и заимствованной лексике из русского языка, а также словам из различных диалектов хакасского языка. Впоследствии многие из них стали достоянием литературного языка. Как отмечает Г. И. Донидзе, “большим достоинством словаря является очень интересный и богатый фразеологический материал, извлеченный из различных письменных и устных источников” [2, с. 159]. В качестве приложения дано краткое описание хакасского языка и его диалектов, особенностей фонетики, лексики и грамматики. Есть сведения по народному календарю, список антропонимов, племенных и родовых подразделений, географических названий.

Вторым крупным трудом в сфере лексикографии является “Русско-хакасский словарь”, выпущенный в 1961 г. (31000 слов, под общ. ред. Д. И. Чанкова, сост. Н. Г. Доможаков, В. Г. Карпов, Н. И. Копкоева и др.).

В 1994 году выпущен “Хакасско-русский словарь” для начальных школ (5000 слов, сост. Д. Ф. Патачакова, Е. М. Сагалакова, А. И. Торбастаева).

Перечисленные словари остаются до сих пор неплохими справочными пособиями для учебных заведений и широкого круга читателей [3].

Выход в свет в 2006 г. нового “Хакасско-русского словаря” является важным событием для хакасской науки и общества, он содержит около 22000 слов и дает довольно

полное представление об основном словарном фонде и наиболее активном слое словарного состава языка (ред. О. В. Субракова, сост. О. П. Анжиганова, Н. А. Баскаков, М. И. Боргояков и др.).

Сектор языка ХакНИИЯЛИ подготовил “Русско-хакасский школьный словарь” (выпущен в 2014 г.). Он содержит около 9000 слов и охватывает наиболее активную общеупотребительную лексику и фразеологию современного русского, хакасского языков. В нем раскрыты различные значения слов, представлены грамматические и стилистические характеристики.

Также сектор языка ХакНИИЯЛИ подготовил к изданию электронный “Русско-хакасский школьный словарь”, который пока не опубликован.

В первое десятилетие существования хакасской письменности из-за отсутствия единой орфографии не было единства в написании одних и тех же слов. Таким образом, появилась необходимость создания орфографического словаря, требованиям которого должны следовать словари всех типов.

Первым лексикографическим пособием для учителей хакасского языка, учащихся, переводчиков, интересующихся нормами литературного языка, явился “Орфографический словарь” (сост. А. Т. Казанаков, издан в 1939 г.). Следующей ступенью унификации правил правописания явилось издание новой орфографии (ред. Н. Г. Доможаков, издан в 1947 г.). Новый текст орфографии хакасского языка был вызван настоятельной потребностью практики и необходимостью установления единых орфографических норм. Была проведена большая подготовительная работа: изучались наиболее характерные черты диалектов, уточнялась база литературного языка, рассматривался опыт составления орфографий других тюркских языков. При этом учитывались развивающееся русско-хакасское двуязычие, распространение грамотности на родном и русском языках, усвоение слов через печать, радио, телевидение и художественную литературу.

В 1948 году подготовлен “Орфографический словарь” (сост. Н. Г. Доможаков), затем

дополненный и переизданный (1953, 1962, 1988 гг.).

В настоящее время общие принципы и многие частные правила орфографии не вызывают каких-либо затруднений. Однако практика письма все же показывает, что отдельные правила требуют дальнейшей унификации (написание долгих гласных, некоторые правила аффиксации и т.д.).

Ценным вкладом в развитие хакасской терминологии явился «Краткий словарь общественно-политических терминов» (сост. Д. Ф. Патачакова, издан в 1955 г.). В нем термины впервые были подвергнуты систематизации, а некоторые – истолкованы. Именно он явился основой для создания последующих двуязычных терминологических словарей (около 10): «Русско-хакасский словарь лингвистических терминов» (сост. О. П. Анжиганова, М. И. Боргояков, Д. Ф. Патачакова, О. В. Субракова, издавался в 1976, 2001, 2012 гг.); «Русско-хакасский словарь литературоведческих терминов» (сост. А. Г. Кызласова, В. Е. Майногашева, издан в 1984 г., переиздан в 1997 г., соавтор С. А. Майнагашев); «Краткий словарь синонимов хакасского языка» (сост. Д. И. Чанков, 1999 г.); «Словарь оронимов Хакасии» (сост. Р. Д. Сунчугашев, 2001); «Русско-хакасский словарь общественно-политических терминов» (сост. З. Е. Каскаракова, 2012). Последний раскрывает содержание 4000 терминов, широко употребляемых в современной общественно-политической жизни и СМИ.

Издан также «Словарь омонимов хакасского языка» (сост. З. Е. Каскаракова, 2009 г.) – первый в хакасоведении оригинальный лексикографический труд, в котором собраны и систематизированы омонимы хакасского языка. Словарь включает 1600 словарных статей, содержащих омонимические пары или группы омонимов.

В 2013 году З. И. Султрекова подготовила «Краткий словарь архаизмов и редко используемых слов хакасского языка» (около 1500 слов). Словарь предназначен для учителей и учащихся, а также для широкого круга читателей, интересующихся хакасским языком.

Сейчас в секторе языка ХакНИИЯЛИ

лексикографическая работа продолжается. Завершена работа над «Кратким толковым словарем хакасского языка».

В целом, за последние десятилетия хакасская лексикография сделала значительные успехи: опубликованы и продолжают выходить словари самого различного характера. Ведь именно словари, в которых в полной мере использованы все возможности лексикографического описания, позволяют не только представить любой язык во всем его богатстве, но и сохранить его для последующих поколений.

Литература

1. Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии // Языковая система и речевая деятельность. – М., 1974. – С. 265-304.
2. Донидзе Г. И. Хакасско-русский словарь // Вопросы хакасского языка и литературы. – Абакан, 1955. – С. 158-169.
3. Каскаракова З. Е. История хакасской лексикографии // Ежегодник ИСАТ. Вып. I. – Абакан, 1997. – С. 20-26.

О ХАКАССКО-РУССКОМ СЛОВАРЕ Н. Г. КАТАНОВА

З. Е. Каскаракова

УДК 809.43.001

Статья посвящена первому в истории хакасской науки хакасско-русскому словарю Н. Г. Катанова. Словарь был выпущен в 1928 году, в этом году ему исполняется 100 лет. Предназначался он для учащихся начальных классов хакасских школ, одновременно был орфографическим. Труд Н. Г. Катанова содержит около 1050 общеупотребительных слов простой разговорной речи хакасского языка, объем его составляет 48 страниц. Основу словаря составил говор абаканских качинцев, с добавлением из других диалектов слов, отсутствующих у качинцев. Отражен и значительный пласт заимствований из русского языка, ставших ныне неотъемлемой частью хакасского языка, например: *арбуз, артель, газета*. В конце словаря приводится перечень наиболее употребительных общественно-политических терминов, с переводом и толкованием их значений (105 слов). Работа Н. Г. Катанова представляет большое значение для исследования лексики хакасского языка, особенно живой разговорной речи качинцев того времени.

Ключевые слова: **Н. Г. Катанов, хакасская письменность, лексикография, хакасско-русский словарь.**

Среди хакасских просветителей особое место занимает Н. Г. Катанов, один из основоположников хакасской письменности и автор первого школьного хакасско-русского словаря. Николай Гаврилович Катанов (1894-1939 гг.) – приёмный сын всемирно известного тюрколога Н. Ф. Катанова.

В данной статье мы остановимся подробнее на таком труде Н. Г. Катанова, как «Хакастаң орыс тіллерінің сөс пічігі – Хакасско-русский словарь», изданном в 1928 г. В 2018 году словарю исполняется 100 лет. Предназначался он для учащихся начальных классов хакасских школ, одновременно был орфографическим [1]. Также рассмотрим особенности жизненного пути автора словаря.

В 20-30-е годы прошлого века начинается бурное развитие национальной культуры Хакасии. В 1924 г. создается письменность, затем появляются первые хакасские учебники, газета «Хызыл аал». Эти процессы выявили талантливые кадры, которые стали бы цветом национальной интеллигенции, и внесли бы огромный вклад в развитие хакасского народа но эхо репрессий докатилось и до них [2, с. 38-39]. Судьба Николая Гавриловича не стала исключением. Его настоящая фамилия – Тюнистеев, он был средним сыном Марии Федо-

ровны, старшей сестры профессора Катанова [3, с. 2]. Катанова арестовали весной 1934 г. как члена контрреволюционной националистической организации «Союз сибирских тюрок», через пять месяцев оправдали. Но 21 октября 1937 г. – повторный арест. Причина была в следующем: Коля учился на третьем курсе Ново-Александровского института сельского хозяйства в Харькове, и в апреле 1918 г. город заняли войска генерала Деникина. Мобилизовали всех студентов, и Катанова также. Через месяц с небольшим он ушел к красным, демобилизовался в 1921 году. На родине он с головой окунулся в работу: участвовал в рождении газеты «Хызыл аал», готовил первый учебник «Грамматика хакасского языка», работал над хакасско-русским словарем. В 1929 г. участвует во Всероссийской конференции нацменьшинств в Москве. Через год едет в столицу на курсы Центриздата по подготовке редакторов учебников для национальных школ. Также Катанов работал заведующим инородческим подотделом отдела по делам национальностей Минусинского уездного исполкома. В 1932 году уехал в Аскиз, работал инструктором райисполкома, районо, заведующим начальной школы в улусе Усть-Сос, преподавал русский язык и литературу. В

1937 году поступил на литературный факультет Томского пединститута. Но на его службу в белой армии обратили внимание в НКВД. Он умер в 1939 году в местах заключения [3, с. 2].

Труд Н. Г. Катанова содержит около 1050 общеупотребительных слов разговорной речи хакасского языка (объем 48 стр.). Основу словаря составил говор абаканских качинцев, с добавлением из других диалектов слов, отсутствующих у них. В написании слов соблюдается сингармонизм, отражена долготность гласных. Отражен значительный пласт заимствований из русского языка, ставших ныне неотъемлемой частью хакасского языка, например: *арбуз, артель, газета, календарь, купорос* и т.д.

Лексемы расположены по алфавиту, в конце приводится перечень наиболее употребительных общественно-политических терминов, с толкованием их значений (105 слов). Примеры: *автор – пічікті (книганы) пүдірген (пүдірчеткен) кізі; адвокат – чаргыда кізінің кирегіне полызып турысчаң кізі; аннулировать – чох идібизерге (пірее нимені).*

Анализ словарного состава позволяет выделить следующие лексические группы: 1. Бытовая лексика: *аңмар* – амбар, *ізік* – дверь, *илгек* – сито, решето, *иб* – юрта, *түңүк* – дымовое отверстие в юрте, *тос* – береста. 2. Предметы домашнего обихода: *абдыра* – шкатулка, *аргамчы* – аркан, веревка, *ырага* – чугунный кувшин, употребляемый при винокурении. 3. Лексика питания: *мүн* – бульон, похлебка, *нымырха* – яйцо, *ачытхы* – закваска, *сүт* – молоко, *узаан сүт* – простокваша. 4. Термины родства: *абаам* – старший брат, *ага* – дедушка, *ипчі* – женщина (замужняя), *ир* – муж, мужчина. 5. Флора и фауна: *үгү* – филин, *өскі* – коза (домашняя), *ылачын* – сокол, *нир* – брусника. 6. Масти лошадей: *ой* – буланый, *ой ат* – лошадь голубой масти, *хоор//хула* – саврасый. 7. Времена года: *күскү* (*күс*) – осень, *чайгы* (*чай*) – лето, *часхы* (*час*) – весна. 8. Природные явления: *ай* – луна, месяц, *күн* – день, солнце, *күгүрт* – гром. 9. Части тела: *мойын* – шея, *нан* – бок, *мунзурух* – кулак. 10. Топонимические названия: *Хызылчар* – г. Красноярск, *Асхыс* – с. Аскиз, *Аба тура* – г. Новокузнецк, *Ким* –

р. Енисей. 11. Этнографизмы: *албан* – налог, общественный денежный сбор, *пазат* – лошадь, выплачиваемая при выплате за калым невесты.

В словаре представлены почти все части речи: существительные (*албан* – налог, общественный денежный сбор, *азырых* – протока); глаголы (*аларга* – взять, брать, *изирге* – зевать); прилагательные (*аллыг* – просторный, свободный, *ачых* – открытый); наречия (*агырин* – тихо, тише, *тіріге* – живо); местоимения (*син* – ты, *ол* – он, тот). Существительные даются в единственном числе именительного падежа, а глаголы – в неопределенной форме. Этот словарь широко использовался как пособие в хакасских школах и на ликпунктах при изучении русского языка.

Работа Н. Г. Катанова представляет большое значение для исследования лексики хакасского языка, особенно живой разговорной речи качинцев того времени. Лексическое многообразие, зафиксированное в словаре, дает полное представление об активном слое словарного фонда хакасского языка в начале XX века. Словарный материал до сих пор является ценным источником для изучения хакасского языка и его диалектов.

Литература

1. Катанов Н. Г. Хакастаң орыс тілдерінің сөз пішімі. – Ағбан-Пилтірі, 1928.
2. Тугужекова В. Н., Карлов С. В. Репрессии в Хакасии. – Абакан, 1998.
3. Котожеков Г. Г. Отец не виновен // Советская Хакасия. – 30.04.1988.

CODEX CUMANICUS VE HAKAS SÖZLÜ GELENEĞİNDEKİ ORTAK BİLMECELERİN DİLİ ÜZERİNE

G. Killi Yılmaz

УДК 811.512.1

Труд «Кодекс Куманикус» (лат. Codex Cumanicus, «Словарь кыпчакских языков»), который был составлен миссионерами-переводчиками из Италии и Германии в конце XIII и начале XIV вв., содержит самые древние записи тюркских загадок. Часть исследований, выполненных на материалах этого памятника, основана на прочтении, интерпретации и изучении лингвистических и литературных характеристик загадок, которые представлены на страницах 60a и 60b, а также на сравнении этих загадок с другими вариантами фольклорных традиций у различных тюркских народов в лингвистическом и литературном аспектах. Сравнение загадок в «Кодекс Куманикус» с хакасскими загадками показало, что 8 из 47 загадок в словаре (8, 13, 27, 28, 29, 38, 40, 43) находят параллели в хакасской устной традиции в грамматическом, лексическом, поэтическом отношениях, а также и в других аспектах. Подобные сходства показывают, что самые древние способы создания загадок были сохранены в устной традиции хакасов, и что метафоры и сравнения, которые использовались много веков тому назад, все еще вызывают аналогичные коннотации в языковом сознании хакасского народа.

Ключевые слова: **Кодекс Куманикус, древние записи, загадки, анализ, хакасский язык, сравнение.**

Halk edebiyatının kısa ve bazı şiirsel özellikler taşıyabilen türlerinden biri olan bilmece, en genel biçimiyle “Beklenmedik cevapları olan geleneksel sorular”dır [1, s. 1]. Bilmece türünün adına ilk kez XI. yüzyılda yazılmış olan Divanü Lugatı’t-Türk’te rastlanmaktadır. Divan’da Ortak Türkçe *tap- ‘bulmak’ fiilinden gelişmiş olan *tapuzyu, tapuzyük, tapzuy* [2, s. 855] sözcükleri “bilmece” anlamıyla verilmiş, ancak bilmece örnekleri yer almamıştır. XIII. yüzyıl sonu XIV. yüzyıl başlarında İtalyan ve Alman tercüman misyonerler tarafından kaleme alınmış olan Codex Cumanicus Türk bilmecelerinin en eski kaydı olarak bilinmektedir. Codex Cumanicus (bundan sonra CC) iki kısımdan oluşmaktadır: İtalyan ve Alman kısmı. İtalyan kısmı (1-55 sayfalar) Latince-Farsça-Kumanca Sözlük’ten, Alman kısmı ise (56-60 sayfalar) Kumanca-Almanca Sözlük, Latince-Kumanca Sözlük, bilmeceler ile nesir ve nazım biçimindeki Hıristiyan metinlerinden oluşmaktadır [3, s. 5-6].

Codex Cumanicus’un tamamının yayımlanması ve dil özellikleri üzerine çok sayıda çalışma yapılmıştır. CC ile ilgili çalışmaların önemli bir bölümünü de 60a ve 60b numaralı sayfalarda yer alan bilmecelerin okunması ve yorumlanmasıyla dil ve edebî özelliklerinin incelenmesi oluşturur. Bunların arasında W. Radloff’un (1887), W. Bang’ın (1912), J. Németh’in (1913, 1930), A. İnan’ın (1939), A. Tietze’nin (1966), M. Mollova’nın (1996) ve son olarak Galip Güner’in (2016) çalışmaları sayılabilir¹.

CC’deki bazı bilmecelerin başlangıç ve bitiş kısımlarının tam olarak ayırt edilememesi, bazı bilmecelerin cevaplarının yazılmamasından dolayı Codex Cumanicus ve Codex Cumanicus’taki bilmeceler üzerine yapılmış çalışmalarda bilmecelerin toplam sayısı farklı bildirilmektedir. Örneğin H. Kuun’un [4, s. 143-148], Bang’ın [5], Mefkûre Mollova’nın çalışmalarında 50 bilmeden söz edilirken

1 Radloff W. Das türkische Sprachmaterial des Codex Cumanicus // Mémoires de l’Académie Imp. des Sciences de St.-Petersbourg. Vile série. T. XXXV. № 6. 1887; Bang W. Über die Rätsel des Codex Cumanicus // Sitzungsberichte der k. Preussischen Akademie der Wissenschaften, XXI (1). 1912; Németh J. Die Rätsel des Codex Cumanicus // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. LXVII. Macaristan, 1913. S. 577-608; Németh J. Zu den Rätseln des Codex Cumanicus // Körösi Csoma Archivum, (II). Macaristan, 1930. S. 366-367; Abdülkadir İ. Codex Cumanicus Bilmecelerine Dair, Kopuz, 3-4, 1939 (Makaleler ve İncelemeler, I. Cilt, Ankara, 1939. S. 353-358); Mollova M. Nouvelle Interpretation Linguistique Des Devinettes Esoteriques Du Codex Cumanicus // Oriens. Vol. 35. 1996. Pp. 193-258; Tietze A. The Koman Riddles and Turkic Folklore. London, 1966; Galip G. Kuman Bilmeceleri Üzerine Notlar // Kesit Yayınları. İstanbul, 2016.

[6], son zamanlarda yapılan çalışmalarda (örneğin Garkavets (2014) ve Güner'in (2016) çalışmalarında) 47 bilmeden söz edilmektedir [3, s. 7].

CC'deki bilmecelerle ilgili çalışmaların bir kısmı da Kuman bilmecelerinin çeşitli Türk halklarının folklorundaki varyantlarıyla karşılaştırılmasıyla ilgilidir. Örneğin H. Ş. Maxmudov Kuman bilmecelerini Tatar bilmeceleriyle karşılaştırmış, biri deyimleşmiş olmakla birlikte (40. Bilmece) 11 bilmedenin Tatar folklorunda varyantını bulmuştur (Garkavets yayınına göre 6, 8, 15, 21, 25, 26, 28, 29, 40, 46-47) [8]. Munis Curayeva Kuman bilmeceleriyle Özbek bilmecelerini karşılaştırmış ve 5 bilmedenin uygunlaştığını tespit etmiştir (Garkavets yayınına göre 6, 8, 21, 28 ve 35 numaralı bilmeceler) [9]. A. Arabacı Türk ve Kırgız bilmeceleri ile Kuman bilmecelerini karşılaştırmış, Kuman bilmecelerinin 4'ünü Türk (Anadolu) sözlü geleneğinde (6, 24, 28, 41 numaralı bilmeceler), 6'sını ise Kırgız sözlü geleneğinde (6, 11, 21, 24, 28, 41 numaralı bilmeceler) tespit etmiştir [10].

Hakas Türkçesindeki bilmecelerin derlenip yayımlanması ile ilgili ilk çalışma N. F. Katanov'a aittir. N. F. Katanov, "Abakan Tatarları" olarak bir grup altında toplanan Sagay, Kaç, Koybal, Beltirlerden derlediği malzemeyi *Obraztsı narodnoy literaturı tyurkskix plemyon* adlı serinin IX. Cildini oluşturan *Nareçiya uryanxaytsev (soyotov), abakanskix tatar i karagasov* (S. Peterburg, 1907) isimli çalışmada yayımlamıştır [11]. Bu bilmecelerin Rusçaya tercümelemleri de Katanov tarafından yapılmış ve yayımlanmıştır [12]. Bu çalışmada Sagaylardan 111, Kaçlardan 153, Beltirlerden 1 bilmece olmak üzere 265 bilmece tespit edilmiştir.

Sovyet sonrası dönemde Hakas bilmeceleri V. İ. Domojakov tarafından 1951 yılında yayımlanmıştır [13]. Domojakov'un çalışmasında 251 bilmece vardır. Domojakov'un çalışmasında yer alan malzeme 1945-1948 yılları arasında Hakas Dil, Edebiyat ve Tarih Araştırma Enstitüsü tarafından düzenlenen araştırma gezilerinde elde edilmiştir. U. N. Kirbijekova tarafından derlenip 1960 yılında yayımlanan *Xakas çonnıñ söspekterı, çoox-çaaxtarı, sispekterı / Xakasskiye*

poslovitsı, pogovorki i zagadki başlıklı çalışmada ise çok çeşitli derleme çalışmalarında, ders kitaplarında vb. yayımlanmış olan malzeme ile Enstitünün Edebiyat Bölümü tarafından çeşitli araştırma gezilerinde derlenmiş olan malzeme bir araya getirilmiş, ayrıca yazarın kendisinin derlemelerine de yer verilmiştir [14]. Bu derlemede *Sispekter* başlığı altında 409 bilmece verilmiştir. U. N. Kirbijekova, 1968 yılında *Tak skazali mudretsi* adıyla Hakas atasözleri ve bilmecelerini tekrar yayımlamış [15], daha sonra Yakov Kozlovskiy tarafından da çevrilmiştir [16]. Buradaki malzeme, 2014 yılında U. N. Kirbijekova, N. S. Çistobayeva, Yu. İ. Çaptıkova'nın birlikte yayımladıkları *Xıyğa söş. Söspekter, sispekter paza taptırğastar / Mudroye slovo. Poslovitsı, pogovorki i zagadki* adlı çalışmada kısmen yer almıştır [17]. *Taptırğastar* başlığı altında 143 bilmedenin yer aldığı çalışmanın önsözünden anlaşıldığı kadarıyla bu çalışmada Hakasça-Rusça Sözlük'ün hazırlanmasında kullanılan malzemenin de faydalanılmıştır.

CC'deki bilmeceler ile Hakas bilmecelerinin karşılaştırılmasıyla 47 bilmeden 8'inin (8, 13, 27, 28, 29, 38, 40, 43) gramer, söz varlığı, şiirsel özellikler gibi çeşitli açılardan uyduğu tespit edilebilmektedir.

(1) CC'deki 4 dizeden oluşan 8. bilmedenin cevap kısmının açık olarak yazılmaması sebebiyle cevabının ne olduğu konusunda farklı görüşler ortaya çıkmıştır. W. Bang'a göre bilmedenin cevabı "şarap", Gy. Nemeth'e göre "güneş ve ayın ışını", Radlov'a göre "güneş ve ayın ışığı"dır [18, s. 15]. Garkavets'e göre ise bilmece ve cevabı şöyledir: *Kün altundan elçi keliyir [keliyrir] – kümiş biryi tarta keliyir [keliyr]; ay altundan elçi keliyir – altun biryi tarta keliyir. Ol, a[ydınlıq?]* «Güneş altından elçi geliyor, gümüş boru çalarak geliyor; ay altından elçi geliyor, altın boru çalarak geliyor. Bu [ışığı, ışık, ışın?]]» [3, s. 15]. Özbek ve Batı Sibiryaya Tatarlarının sözlü geleneğinde bu bilmece ile ortak özellikler taşıyan ve cevabı "turna" olan bilmece tespit edilebilmektedir [9, s. 29-30]. Maxmutov bu bilmedenin başka bir varyantını Tatar folklorunda tespit etmiştir. Kuman varyantına oldukça yakın özellikler taşıyan bilmedenin cevabı "saban sürme"dir [8, s. 89].

Hakas sözlü geleneğinde ise bilmecenin üç ayrı varyantı vardır. Bunlardan cevabı “arı, eşekarısı” olan bilmece hem gramer yapısı hem de şiirsel özellikleri bakımından Kuman bilmecesi ile büyük ölçüde uygunlaşmaktadır: *Aynıñ altınañ çortıp, altın pırğı tartıpça; künniñ altınañ çöröp, kümüs pırğı tartıpça. (Möttüg aar, saxçañ aar)* «Ayın altından koşup altın düdük çalıyor; güneşin altından gidip gümüş düdük çalıyor (arı, eşek arısı)» [14, s. 96-97]. Bilmecede aynı ses tekrarları ile ses uyumu sağlanmıştır (*ay/altın; kün/kümüs*). Hem Kuman hem de Hakas varyantlarında kişileştirme söz konusudur. Bilmecenin cevabı olan varlık aynı şekilde imgelenmiştir. Bilmecenin Hakas sözlü geleneğindeki ikinci varyantının cevabı “elbise dikilmesi”dir: *Ay altınañ çorttum, çorttum, altın pırğı tarttum, tarttum; kün altınañ çorttum, çorttum, kümüs pırğı tarttum, tarttum. (Kip tikkeni)* “Ay altından koştum, koştum, altın düdük çaldım çaldım; güneş altından koştum, koştum, altın düdük çaldım, çaldım (elbise dikilmesi)” [14, s. 104-105]. Bu varyantta da aynı benzetmeler söz konusudur. Ancak bilmece gramer bakımından cevabı temsil eden 1. kişinin ağzından ifade edilmektedir. Diğerlerine göre kısa olan üçüncü varyantın cevabı ise “sis”tir: *Aynıñ altınañ altın pırğı tarttum. (Tuban)*; Ayın altından altın düdük çaldım. (Sis) [14, s. 84-85].

Bilmecenin hem Hakas hem de diğer Türk halklarının sözlü geleneğindeki varyantları şiirsel yapı ve benzetilen unsurlar açısından büyük ortaklık göstermesine rağmen cevapların çeşitliliği dikkat çekicidir. Bilmecenin bütün varyantlarında geniş bir düzlem üzerinde hareket edip ses çıkaran varlık imgesi ortaktır. Bu ortak imge, çeşitli varyantlarda havada uçan ve vızıldayan arıyı, gökyüzünde uçan ve ötüşen turnaları, kumaş düzlemi üzerinde hareket eden iğneyi, tarla düzleminde hareket eden sabanı ya da havada yayılan sisi temsil etmektedir.

(2) CC’de dört dizeden oluşan ve cevabın açık olarak okunamadığı 13. bilmece ile ortak özellikler taşıyan bilmecelere hem Hakas hem de diğer Türk halklarının sözlü geleneğinde rastlamak mümkündür. CC’deki *Uzun ağaç başında urıuvul atlı quş olturur; anı atma är kerek, eki uçuna > yüreginä taş kerek. Ol, tın.* “Uzun ağaç başında Urguvul adlı kuş oturur;

onu vurmaya er gerek, iki ucuna > yüreğine taş gerek. O ruh” [3, s. 15] bilmecesinin cevabı Gy. Nemeth’e göre *turguñ* “karga”, W. Radloff’a göre *tüwmä* “hedef”, S. Malov’a göre *tuzak* “tuzak” veya *tumak* “şapka”dır. Ayrıca Malov Azerbaycan ve Türkmen folklorunda bu bilmecenin çeşitli varyantlarını tespit etmiştir: Türkmen varyantında bilmecenin cevabı *ilim* yani “dinî bilgi”dir (*Çınar ağacıñ başında çilten Mirat atlı guş otir; onı almağa är kerek, jüreğine kâr gerek*). Azerbaycan varyantında ise cevap *Ğuran* yani “Kuran”dır (*Ayağ başında bir guş jatar, bojnunu burmuş jatar. Onu vuran oylanin üräjindä bir daş jatar*) [18, s. 52].

Bu bilmecenin Hakas folklorunda daha kısa olan iki varyantı tespit edilebilmektedir. N. F. Katanov bu bilmeceyi Kaç soyundan iki kaynak kişiden derlemiştir. Tatar Pozırañ adındaki 25 yaşındaki kaynak kişiden *Uzun ağas pazında ulay quş odır-çadır! [Pas’qa sa:pqa keskäni]* [11, s. 272, No:120] “Uzun ağacın tepesinde iri kuş oturur (baş şapka giyilmesi)” biçiminde kaydettiği bilmeceyi “На верхушке высокого дерева сидит большая птица. (Шапка, надеваемая на голову)” [12, s. 243] biçiminde çevirmiştir. Bilmecenin ikinci varyantını ise yine Kaç soyundan 27 yaşındaki Kılaañ’dan *Uzun ağas pazında iri quş odır-ça: [Tülgü pörök]* [11, s. 387, No. 336] “Uzun ağaç başında *ulay* kuş oturur (Tilki şapka)” biçiminde derlemiş, bilmecenin Rusçaya çevirisini ise “На верхушке длинного дерева сидит большая птица. Лисья шапка (высокая шапка Качинских женщин)” [12, s. 369] biçiminde vermiştir. Hakas sözlü geleneğinden derlenmiş olan daha geç varyantlarda bilmecenin cevabı farklıdır: *Uzun ağas pazında ulay xus odırça. (Torım)* “Uzun ağaç başında iri kuş oturur. (Çam kozalağı)” [14, s. 132], Hakasça-Rusça sözlükteki varyantta ise bilmecenin cevabı “çekiç”tir: *Uzun ağas pazında ulay xus odırçadır (Pasxa)* “Uzun ağaç başında iri kuş oturur (çekiç)” [19, s. 722]. Tarihî-Etnografik Sözlük’te bilmecenin cevabı Katanov’daki varyantlarla benzerlik gösterir: *Uzun ağas pazında Ulay xus odırça (Naa pala kisçeñ saxpa)* “Uzun ağaç tepesinde Ulay kuşu oturur (Gelinin şapkası)” [20, s. 163].

Bilmecenin hem Kuman varyantında hem de çağdaş varyantlarında cevabı uzun ya da

yüksek bir ağacın tepesinde oturan gizemli bir kuş biçiminde imgelenmektedir. A. Tietze Kuman varyantındaki *urguul* adını *uryuvul biçiminde kurmaktadır. Tietze, bu kuş adının çeşitli Türk lehçelerinde “sülün” anlamında kullanılan *qırqavul* sözcüğünü anımsattığını belirtir. Bu sözcük Kazak, Karakalpak ve Başkurtçada *qiryawil*, Kırgızcada *qiryool*, Özbekçede *qiryovul*’dur, Yeni Uygurcada *qiryavul*’dur. Orta Moğolcada *yurya’ul*, Yazılı Moğolcada *yuryuul*, Çağdaş Moğolcada *gurgül*, Buryatçada *gorgol*’dur [18, s. 52]. Bilmecenin Türkmen varyantındaki “Mırat” adındaki kuş da somut olarak tanımlanabilen bir kuş türü değildir. Azerbaycan folklorunda ise sadece “bir kuş”tur, yani belirsizdir. Bilmecenin Hakas varyantlarında geçen *ulay* sözcüğüne sadece *ulay xus* öbeğinde rastlanmaktadır. Tarihî-Etnografik Sözlük’te *ulay xus* söz öbeği “gizemli bir kuşun adı” olarak açıklanmaktadır [20, s. 163]. Hakasça-Rusça Sözlük’te ise *ulay* sözcüğü “iri” olarak açıklanmış ve kullanımı *ulay xus* “iri kuş” öbeğiyle örneklenmiştir [19, s. 722]. Bilmecenin Kuman varyantı ile Türkmen ve Azerbaycan folklorundaki varyantlarındaki cevapların ortak yönü soyut ya da kişinin manevi dünyasına ilişkin varlıkları belirtmeleridir: ruh, Kuran, dinî bilgi. Yani soyut bir varlık ile mistik ya da somut olarak mevcut olmayan bir kuş arasında ilişki kurulmaktadır. Türklerde eski çağlardan beri ruh veya canın bir kuş biçiminde tasavvur edildiği bilinmektedir [21, s. 129]. Bilmecenin Hakas varyantlarında da yine mistik bir kuş söz konusu olduğu hâlde bilmecenin cevabı somut bir varlığa ilişkindir. Hakasların inanç dünyasında ruhun bir kuş olarak algılandığı biliniyorsa da Katanov döneminde bu bilmece daha somut bir varlık “şapka” için kullanılır olmuştur. Geniş bir görünüme sahip olan şapkalar Hakas geleneksel kıyafetinin de bir parçasıdır. Zamanla geleneksel giyim tarzının unutulmaya başlamasıyla, bilmecedeki metafor ve cevabı arasındaki mantıksal bağ zayıflamış, böylece bilmecenin cevabı uzun ağaç başında oturan kuş imgesinin biçimsel olarak daha çok çağrıştırdığı “çekiç” ya da “çam kozalağı” biçiminde değişmiş olabilir.

(3) CC’deki *Yazda yavli toqmaq yatir. Ol, kirpi-dir*. “Yazıda yağlı tokmak yatar. O kirpidir” [3, s. 17] biçimindeki 27. Bilmece ile *Yazda*

yavli xayış yatir. Ol, yılan-dir. “Yazıda yağlı kayış yatar. O yilandır” [3, s. 17] biçimindeki 28. bilmece şiirsel yapıları bakımından birbirlerine oldukça benzerdir. Diğer Türk lehçelerinde çeşitli varyantlarına yaygın olarak rastlanan bu bilmeceler muhtemelen şiirsel yapı ve benzer olarak kurulmuş metaforlar sebebiyle birbirine karışmış gibi durmaktadır.

CC’deki 27. Bilmecelyi neredeyse tamamen aynı biçimde Katanov’un kayıtlarında bulmak mümkündür, ancak cevap kısmı farklıdır: *Çazıda çaylı toqpaq çadır. (Çılan)* [11, s. 320, No:262]. Bu bilmecelyi Katanov “На степи лежит жирная кость (Змея)” [12, s. 293] “Yazıda yağlı kemik yatar (yılan)” biçiminde Rusçaya çevirmiştir. Ortak Türkçe *toqımaq biçiminde kurulabilecek *toxrax* sözcüğü Hakasça-Rusça Sözlük’te “kütük, odun parçası (чурбан, обрубок)”, *toxrax çiliñ* “kalça kemiği (бедренная кость)” [19, s. 656] biçiminde açıklanmıştır. Daha geç derlemelerde bilmecenin değişik bir varyantının cevabı “porsuk”tur: *Çağlı toxpağım çar altında çatça (Porsuk)* “Yağlı topağım yar altında yatar (Porsuk)” [14, s. 94-95]. Kirbijekova *toxrax* sözcüğünü Rusçaya “комок (топак, yumак)” olarak çevirmiştir. Çeşitli Türk halklarındaki bilmecelerde yerin altında yatan “yağlı yumak” ya da “börek” metaforu fare için kullanılmaktadır. Örneğin Türkiye Türklerinde *Yer altında yağlı puaça*, Stavropol Türkmenlerinde *Yer astında yağlı yumak*, Tatarlarda *Cir astında maylı yumgak*, Türkmenlerde *Yer astında yağlı yumak* [22, s. 334]. Bozkırda ya da yer altında, yatan yuvarlak hatlı, toparlak nesne imgesi, bozkırda yaşayan ve yuvarlak hatlara sahip kirpi, fare, porsuk gibi hayvanları çağrıştırmak için kullanılmıştır. Katanov’un kayıtlarındaki varyantta ise aynı imge bozkırda çöreklenmiş bir yılanı çağrıştırmaktadır.

(4) CC’deki 28. bilmece olan *Yazda yavli xayış yatir. Ol, yılan-dir*. “Yazıda yağlı kayış yatar. O yilandır” [3, s.17] bilmecesinin sadece bazı ses değişmelerine uğramış biçimine Katanov’un kayıtlarında rastlanmaktadır. Katanov, Kaç soyundan Tatar Pozıraa’ndan *Çazıda çaylı qa:s çadır. [Çılan]*. (No:109) “Yazıda yağlı kayış yatar (Yılan)” [11, s. 271, No:109] biçiminde kaydettiği bilmecenin Rusçaya çevirisini «На степи лежит ремень, вымазанный салом (Змея)» [12, s. 242]

biçiminde verir. Kirbijekova'nın kayıtlarında da bazı ses değişimleri ve dilbilgisi özellikleri dışında Katanov'daki varyant tekrarlanmaktadır: *Çazıda çağlığ xaas. (Çılan)* “Yazıda yağlı kayış (yılan)” [14, s. 98]. Bütün varyantlarda yağlı kayış parlak ve uzun bir görünüme sahip olan yılanı imgelemektedir.

Hakas sözlü geleneğinde “yılan”ı çağrıştırmak için “yağlı topak, yumak, tokmak (?)”, “yağlı kayış” dışında kullanılan bir metafor da Katanov'un Sagay soyundan kaynak kişiden derlediği *Çazıda çaylıy qala:s çat-çadır. [Çılan]* [11, s. 284, No: 136] “На степи лежит жирный калач (Змея)” [12, s. 255] “Yazıda yağlı ekmeğe yatar (Yılan)” bilmecesinde rastlanan “yağlı ekmeğe”tir. Kırım Tatarları, Uygur ve Kırgızlarda da “yağlı ekmeğe” ya da “pide” metaforuna rastlamak mümkündür: Kırım Tatarlarında *Yer tübünde maylı kalaç* “Yerin dibinde yağlı ekmeğe”, Uygurlarda *Yantak tüvide yağlık tokaç* “Dikenin dibinde yağlı pide” [22, s. 334]; Kırgızlarda *Joldo mayлуу tokoç jatat* “Yolda yağlı ekmeğe (pide) yatar” [10, s. 232]. Yağlı ekmeğe metaforu da bozkırda yaşayan, parlak ve çöreklenmiş durumdaki yılanı imgelemektedir.

(5) Kuman ve Hakas sözlü geleneğinde ortak olan bir başka bilmece ise bıçağın yiyip içip inine giren bir canlı biçiminde imgelendiği CC'deki 29. *İçer, yer, ininä kirer. Ol, biçaqdır.* “İçer, yer, inine girer. O bıçaktır” [3, s. 17] bilmecesidir. Bu bilmecenin Hakas sözlü geleneğindeki varyantını Katanov Kaç soyundan Tatar Pozıraaň'dan kaydetmiştir: *Çip çip ininä kİR parđı. [Tamaqtı çip, pıçaqtı qınyı suqqanı]* [11, s. 270: No:94] “Yiyip yiyip inine girdi” (Yemeği yiyip, bıçağın kınına sokulması). Katanov bilmeceyi Rusçaya «Евши и наевшись, вошел к себе в нору (Нож, который после крошения мяса вложен в ножны)» [12, s. 242] biçiminde tercüme etmiştir. Rusça tercümede bilmecenin cevabı “et kesildikten sonra kınına sokulmuş bıçak”tır. Kirbijekova da bu bilmeceyi benzer biçimde kaydetmiştir: *Çip-çip alıp, інге kİR parça. (Pıçax)* “Yiyip yiyip inine girdi (Bıçak ve kını)” [14, s. 125]. Bu bilmece Kuzey Altay folklorunda da belgelenmiştir. *D'ip, t'ip ünge-ijegenine kire berdi (pıçak la kın)* “Yiyip yiyip inine girdi (Bıçak ve kını)” [23, s. 101]; *İjip, t'ip ünge kirdi (pıçak)* “İçip yiyip inine girdi (Bıçak)” [23, s. 114],

İçip-t'ip içegine kire berdi (bıçak) “İçip yiyip bağırsağına girdi (bıçak)” [24, s. 143]. Hakas folklorunda “bıçak”ın kişileştirilerek doymayan ihtiyar bir adam olarak imgelendiği «*Toskay apsax tospınça (Pıçax) – İhtiyar Toskay doymaz*» [14, s. 124] bilmecesinde de “doymayan” varlık imgesi tekrarlanmaktadır. Bütün varyantlarda bıçak yemek yiyen bir varlık, kını da in olarak imgelenebilmektedir. Sadece Katanov'un kaydettiği varyantın cevabında bıçak ya da kını değil, bıçağın kınına sokulması eylemine vurgu yapılmaktadır.

(6) Bir başka ortak bilmece CC'de *Bu bardı – izi yox. Ol kemä-dir.* “Bu gitti, izi yok. O gemidir” [3, s. 17] biçiminde yer alan 38. bilmecedir. Bu bilmecenin Hakas sözlü geleneğindeki varyantını Katanov Kaç soyundan Tatar Pozıraaň'dan derlemiştir: *Çörzä, çörzä çolı çoq! [Kemänäñ suy keskänı]* [11, s. 269, No79] – “Gitse gitse izi yok (kayıkla nehrin geçilmesi)”. Katanov bu bilmecenin Rusçaya çevirisini Hakasça aslından farklı olarak, bilmecenin diğer bir varyantıyla aynı biçimde vermiştir: “Если ехать, нет следу; если-же перерезать плотку, нет крови. [Река, по которой плывут на лодке]” [12, s. 241]. “Gitse izi yok, boğazını kesse kanı yok (kayığın yüzdüğü nehir)”. Katanov'un Sagay soyundan Tatar Tarxov'dan derlediği varyant daha uzundur: *Paryan, kelgän 'çolı çoq! Mosto:zın kessä 'qanı çoq! [Kemänäñ suy keskänı]* [11, s. 300, No: 169] – “Нет дороги, по которой уезжают и приезжают! Нет и крови, если перережут плотку! [Переплывание реки в лодке]” [12, s. 272] – “Gittiği geldiği yolu yok, boğazını kesseler kanı yok (Kayıkla nehrin geçilmesi)”. Kirbijekova da bilmecenin oldukça benzer biçimlerini kaydetmiştir: *İsteze – izi çox; çıstaza – xanı çoğıl. (Kime)* “İzlenirse izi yok, koklanırsa kanı yok” [14, s. 110-111], *İstebizerge izi çoğıl, çollabızarğa çolı çoğıl. (Kimeliğ çörgeñı)* “İzlenirse izi yok, yolundan gidilse yolu yok (Kayıkla gidilmesi)” [14, s. 106-107]. Domojakov, *Parça parça çolı çoğıl, kisçe kisçe xanı çoğıl (Suğça parçatxan kime)* “Gider gider izi yok, keser keser kanı yok (Nehirde giden kayık)” biçiminde verdiği bu bilmeceyi Rus bilmecelerine benzer olan bilmeceler arasında saymıştır [13, s. 84]. M. A. Ungvitskaya, *Parça, parça – çolı çoğıl, kisçe, kisçe – xanı çoğıl. (Kime)* “Gider gider izi yok, keser keser kanı

yok (Kayık)” biçiminde verdiği bilmecenin Rus folklorunda «Еду, еду – следу нету, режу, режу – крови нету (Лодка)» biçimindeki bilmecenin içeriğinin kopyalanması ile ortaya çıktığı görüşündedir [25, s. 265]. Bu bilmecenin Altay folklorunda da çok sayıda varyantı kaydedilmiştir: *D’ortkon d’ortkon – d’oli d’ok, kesken, kesken – kanı d’ok (keme)* “Gitti gitti, izi yok; kesti kesti kanı yok (kayık)” [26, s. 85]; Çalkandularda *Kesim kesim kanı t’ok, barzım, barzım t’oli t’ok (sug)* “Kessem kessem kanı yok, gitsem gitsem izi yok (Nehir)” [23, s. 98]; *Barize t’oli t’ok, pobize kanı t’ok (keve)* “Gidilirse izi yok, boğazlansa kanı yok (kayık)” [23, s. 115]; Kumandılarda *Partın-partın, – d’oli d’ok, talgan perzem – t’ibes (keve)* “Gider gider izi yok, talkan versem yemez (kayık)” [24, s.128]; *Bar iyeze – çoli çok, kes iyeze – kanı çok (keve)* “Gitse izi yok, kesse kanı yok (Kayık)” [24, s. 167], *Kel iyeze, çoli t’ok, bar iyeze, çoli t’ok (keve)* “Gelse izi yok, gitse izi yok (kayık)” [24, s. 179], *Parzım-parzım – çulım çuk, kilzim-kilzim – çulım çuk (kibe)* “Gitsem gitsem izim yok, gelsem gelsem izim yok (kayık)” [24, s. 182]. Bilmecenin CC’de tespit edilmesi kayık ya da geminin gittiği hâlde iz bırakmayan bir varlık olarak imgeleneceğinin eskiliğini ortaya koymaktadır.

(7) CC’de 40. bilmece olan, kapı açılınca görünen ateşin ağzını açtığında ciğerleri görünen bir canlı olarak imgelendiği, 1. teklik kişinin ağzından söylenen, dolayısıyla kişileştirmenin söz konusu olduğu *Avzum açsam, öpkäm körünir. Ol: eşik açsa, ot körüngän-dir.* “Ağzımı açsam ciğerim görünür. O, kapı açılınca ateşin görünmesidir” [3, s. 18] bilmecesinin de çeşitli varyantlarını Hakas sözlü geleneğinde bulmak mümkündür. Katanov’un Sagay soyundan Tatar Arçay’dan derlediği varyantta bilmecenin cevabı olan “soba”, ağzını açmış duran beyaz bir at olarak imgelenecektir: *Aq adım aqsın açıp tur-çadır. [Pä:s]* [11, s. 266, No. 43] «Белый конь мой стоит, раскрывши свой рот» [12, s. 238] “Beyaz atım ağzını açmış durur”. Katanov’un 8 yaşında Kaç soyundan Kırarañ adlı bir erkek çocuktan derlediği varyantta ise “soba”, ağzını açıp gözlerini ayırmış bir yavru ayı olarak imgelenecektir: *Abacaq aqsın açıp-saltır; qara:n kör-çadır. [Pi:s]* [11, s. 318, No: 243] «Медвежонок рот свой открыл, а глаза

свои вытарашил [Печь] [12, s. 291] “Ayıcık ağzını açmış, gözünü ayırmış (Soba)”. Daha sonra Kirbijekova da bilmecenin sobanın ak ata benzetildiği varyantını kaydetmiştir: *Ax adım axsın açıp turçadır. (Pes)* “Ak atım ağzını açmış durur (Soba)” [14, s. 112-113]. Bilmecenin bütün varyantlarında bilmecenin cevabı olan nesne ağzı açık bir varlık imgelenecektir. Ancak, Kuman varyantında bilmecenin cevabı “Kapı açıldığında ateşin görünmesi” iken Hakas varyantlarında “soba”dır. Muhtemelen XIII-XIV. yüzyılda ateş ya da ocak yurdun kapısı açılınca hemen görünecek bir pozisyonda, yani yurdun ortasında idi. Hakas yaşam kültürüne Rus tipi soba, Rus yaşam kültürünün etkisiyle girmiştir. “Soba” anlamındaki *pes* sözcüğü de Rusçadan alıntıdır (Ru. *печь/печь*). Yurdun ortasında yanan ocak yerini sobaya bıraktığında ocak için kullanılan ağzını açan varlık imgesi de soba için kullanılmaya başlanmış olmalıdır.

(8) CC’de Hakas sözlü geleneği ile uygunlaşan başka bir bilmece de cevabı “kirpi” olan 43. bilmecedir: *Tenridän tüşkän toqmaçiq – Tört ayaqli maymaçiq. Ol, kirpi.* [3, s. 18]. Bu bilmece, konu üzerinde çalışan bilim adamları tarafından farklı yorumlanmıştır: Örneğin W. Bang “Gökten düşen tokmakçık, dört ayaklı çizmecik”, Gy. Nemeth “Tanrı’dan düşen tokmakçık, dört ayaklı, çarpık bacaklı hayvancık” biçiminde çevirirken [18, s. 121], Garkavets “Tanrı’dan düşen tokmacık, dört ayaklı hayvancık” [3, s. 18], CC’deki bilmeceler konusunda en son çalışmayı yapan Galip Güner ise “Gökten düşen tokmacık, dört ayaklı paytakçık” [7, s. 128] biçiminde çevirmiştir. A. Tietze bu bilmecenin Şor sözlü geleneğindeki iki varyantını da vermektedir: *Täñäridäñ tüşkän täkpäräk. Tört azaıy mayraıaş (Saql)* “Gökten düşen dal üstündeki kar. Dört ayağı ayrık(?)” (Sincap) ve *Tegrideñ tüşken tekperi, tört azaıy mayrıq (Qozan)* “Gökten düşen dal üstündeki kar, dört ayağı çarpık (Tavşan)” [18, s. 121].

Bu bilmecenin şiirsel yapısı Hakas sözlü geleneğinde cevabı “örümcek” olan bilmecede tekrarlanmaktadır. Katanov Kaç soyundan Tatar Pozıraañ’dan *Tegirdäñ tüşkän tekpäck! Tört azaıy pükpägäs! [İrimcäk]* [11, s. 271, No:100] biçiminde kaydettiği bilmeceyi «С неба спустился лягающийся, Все четыре ноги сло-

живший вместе!» [12, s. 242] “Gökten düştü tekme atan, dört ayağını birleştirip” biçiminde Rusçaya çevirmiştir. Katanov’un bilmecedeki *tekpäcäk* sözcüğünü *tep-* “tepmek, vurmak” fiiliyle ilişkilendirmesi ilgi çekicidir. Daha sonra hem Kirbijekova’nın eserinde, hem de Hakasça-Rusça Sözlük’te bu bilmece *Tigırdeñ tüsken tikpecek, tört azağı pükpecek (irımcık)*. “У Тикпечек, спустившегося с неба, четыре согнутых ноги (паук)” [19, s. 616; 14, s. 98-99] “Gökten inen Tikpecek’in dört ayağı bükük (örümcek)” biçiminde verilmiştir. Kirbijekova’nın çalışmasında *tikpecek* dipnotta “müzik aletinin tellerin altındaki eşik (подставка под струны музыкального инструмента)” olarak açıklanmıştır. Moğolcadan alıntı olan *tikpe* sözcüğü (Mo. *tebke*) [27, s. 474], Hakasça-Rusça Sözlükte “kertik; köprücük (müzik aletinin tellerin altındaki destek); şamandıra (зарубка; кобылка (подставка под струны музыкального инструмента); поплавок)” [19, s. 616] olarak açıklanmaktadır.

Bilmecenin bütün varyantlarında gökten inen ya da düşen, eğri, ayırık, çarpık ya da bükülmüş dört ayağı olan bir varlık imgelenmektedir. Bilmecenin cevabı “örümcek” olan Hakas geleneğindeki varyantında dört ayaklı varlık imgesinin varlığını koruması ilgi çekicidir. Çünkü örümcekler dört değil, sekiz ayaklıdır. Diğer taraftan bilmecelerde genellikle ona kadar olan sayılar nesnelere gerçek sayılarını ifade eden ipuçlarıdır. Dolayısıyla bilmece muhtemelen başlangıçta Kuman varyantında olduğu gibi dört

ayaklı bir hayvan ile ilgiliydi. Hakasya’daki hayvanlar dünyası ile ilgili çalışmalarda kirpiden söz edilmemektedir. Hakas Türkçesinde, günümüzde “kirpi” anlamında kullanılan *yoj* sözcüğü [19, s. 109] de Rusçadan alıntıdır (Ru. *ёж*). Belki de Hakasya coğrafyasında pek fazla bilinmeyen kirpi ile ilgili bilmecenin şiirsel yapısı ile ayakları bükük olan varlık imgesi bu coğrafyada bilinen ve belirli açılardan benzer özellikler gösteren örümceği çağrıştırmak üzere kullanılmış olabilir.

Sonuç olarak, Codex Cumanicus’ta kayıtlı 47 bilmecedan 8’i (8, 13, 27, 28, 29, 38, 40, 43 numaralı bilmeceler) şiirsel yapı, içerik ve dil bakımından uygunluk göstermektedir. Ortak olduğu tespit edilen Kuman ve Hakas bilmecelerinin karşılaştırmalı olarak incelenmesi Hakas sözlü geleneğinde en eski bilmece oluşturma yöntemlerinin korunduğunu, yüzyıllar öncesinde kullanılan metafor ve karşılaştırmaların Hakas halkının zihninde benzer çağrışımlar oluşturduğunu ve ayrıca toplumun içinde yaşadığı koşullardaki değişmelere uygun olarak değişim gösterdiğini ortaya koymaktadır.

Kaynaklar

1. Brunvand J. H. Bilmeceler ve Diğer Sözlü Bulmacalar. Çev. Kadriye Türkan // Milli Folkor. – 2007. – Yıl 19. – Sayı 24. – S. 137-143.
2. Ercilasun A. B., Akkoyunlu Z. Kâşgarlı Mahmud Dîvânü Lugâti't-Türk. – Ankara, 2014.
3. Гаркавец А. Н. Codex Cumanicus. Половецкие молитвы, гимны и загадки XIII-XIV веков. Краткое издание. – М., 2006.
4. Apor É. (Ed.) Codex Cumanicus / Ed. by Géza Kuun with a Prolegomena to the Codex Cumanicus by Lajos Ligeti. – Budapest Oriental Reprints. – Ser. B 1.
5. Bang W. Über die Rätsel des Codex Cumanicus // Sitzungsberichte der k. Preussischen Akademie der Wissenschaften. – XXI (1). – 1912.
6. Mollova M. Nouvelle Interpretation Linguistique Des Devinettes Esoteriques Du Codex Cumanicus // Oriens. – Vol. 35 (1996). – Pp. 193-258.
7. Güner G. Kuman Bilmeceleri Üzerine Notlar. – İstanbul, 2016.
8. Махмутов Х. Татарские параллели куманских загадок // Советская тюркология. – 1971. – № 3. – С. 87-96.
9. Curayeva M. “Kodeks Kumanikus”ta Bilmeceler ve Özbek Folkloründeki Şekilleri // Türk Dünyası İncelemeleri Dergisi. Journal of Turkish World Studies. – XI/1 (Yaz 2011). – S. 25-32.
10. Арабаджы А. Кодекс Куманикустагы кыргыз жана түрк табышмактары // Наука и новые технологии. – 2014. – № 5. – С. 232-234.
11. Катанов Н. Ф. Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. В. Радловым. Ч. IX. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. Тексты, собранные и переведенные Н. Ф. Катановым. – СПб., 1907.
12. Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. В. Радловым. Ч. IX. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. Тексты, собранные и переведенные Н. Ф. Катановым. – СПб., 1907.
13. Доможаков В. И. Хакасские загадки // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. Вып. 2. – Абакан, 1951. – С. 60-84.
14. Хакас чоннынъ сөспектері, чоох-чаахтары, сиспектері. Хакасские пословицы, поговорки и загадки / Сост. У. Н. Кирбижекова. – Абакан, 1960.
15. Так сказали мудрецы: хакасские пословицы и поговорки. Хыйғаларның созі: хакас чонының сөспектері, чоох-чаахтары / Сост. У. Н. Кирбижекова. – Абакан, 1968.
16. Мудрое слово = Хыйга сос: хакасские пословицы, поговорки и загадки / Сост. У. Н. Кирбижекова, пер. Я. А. Козловский. – Абакан, 1976.
17. Хыйга сөс. Сөспектер, сиспектер паза таптырғастар / Сост. У. Н. Кирбижекова, Н. С. Чистобаева, Ю. И. Чаптыкова. – Абакан, 2014.
18. Tietze A. The Koman Riddles and Turkic Folklore. – Berkeley and Los Angeles, 1966.
19. Анжиганова О. П., Баскаков Н. А., Боргояков М. И., Инкижекова-Грекул А. И., Патачакова Д. Ф., Сублиракова О. В., Белоглазов П. Е., Каскаракова З. Е., Кызласов А. С., Сунчугашев Р. Д., Чертыкова М. Д. Хакасско-русский словарь. – Новосибирск, 2006.
20. Бутанаев В. Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. – Абакан, 1999.
21. Ögel V. Türk Mitolojisi. 2 c. – Ankara, 1993.
22. Türkyılmaz D. Türk Dünyasında Bilmece. Hacettepe Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Türk Dili ve Edebiyatı Anabilim Dalı Türk Halkbilimi Bilim Dalı Doktora Tezi. – Ankara, 2007.
23. Баскаков Н. А. Северные диалекты алтайского языка. Диалект лебединских татар. – М., 1985.
24. Баскаков Н. А. Северные диалекты алтайского языка. Диалект кумандинцев. – М., 1972.
25. Унгвицкая М. А., Майногашева В. Е. Хакасское народное поэтическое творчество. – Абакан, 1972.
26. Укачина К. Е. Алтайские народные загадки. – Горно-Алтайск, 1984.
27. Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuches der Türksprachen. – Helsinki, 1969.

ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬ И СЕМАНТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СЛОВА

Ё. Одиров

УДК 811.512.133

Данная статья посвящена освещению сущности явления энантиосемии – противоположности – в семантической структуре слова, истории изучения данного явления, установлению причин ее возникновения. Также рассмотрены вопросы номинации энантиосемии, принципы противопоставления сем, семем. Характеристика семантической структуры языковой единицы и связанных с нею лексических явлений, определение ее роли в лексическом ярусе, обоснование форм языковой реализации категории противоположности, раскрытие социолингвистических, этнолингвистических, лингвокультурологических факторов развития противоположного значения являются актуальными проблемами языкознания.

Энантиосемия до сих пор не была объектом монографического исследования в тюркологии. Она – специфическое явление лексического яруса, основывается на наличии двух противоположных значений в одном слове. Основной фактор образования энантиосемии – семантическое развитие слова, при этом сохраняется существующее значение слова и образуется новое противоположное значение или из-за устаревания существующего значения образуется противоположное ему значение. Также она появляется в зависимости от коммуникативно-ситуативной цели говорящего и «субъективного отношения».

Ключевые слова: **противоположность, энантиосемия, полисемия, семантическое развитие слова, асимметрия, лингвистические и экстралингвистические факторы.**

Характеристика семантической структуры языковой единицы и связанных с нею лексических явлений, определение ее роли в лексическом ярусе, обоснование форм языковой реализации категории противоположности, раскрытие социолингвистических, этнолингвистических, лингвокультурологических факторов развития противоположного значения считаются актуальными проблемами мировой лингвистики.

Актуализация в повестке дня проблемы языка и культуры в последней четверти XX века на самом деле является результатом самосознания народа, обновления национального сознания и мышления. Именно поэтому утверждается, что «самосознание, выражение национального сознания и мышления, культурно-духовная взаимосвязь между поколениями отражается в языке. Существующие на земле благие качества прививаются человеческой душе прежде всего колыбельными песнями матери, неповторимой красотой родного языка» [1, с. 83]. Бесспорно, научное обоснование лингвистических и речевых особенностей энантиосемических единиц (слово

и фразеологизм с противоположным значением), выражающих дух народа, его прошлое, настоящее и будущее и являющихся образцами выразительных средств родного языка с учетом человеческого фактора, определение, соответствующая классификация и характеристика лингвистической природы, языкового механизма, источников реализации, их роли в лексическом ярусе, одним словом, раскрытие безграничных возможностей выражения и использования родного языка являются одними из актуальных проблем узбекского языкознания.

Явление энантиосемии – своеобразной формы реализации категории противоположности – давно привлекает внимание западных исследователей, прежде всего лингвистов и философов. После обретения независимости в отечественной лингвистике стали уделять особое внимание лингвистическим проблемам, направленным на всестороннее развитие узбекского языка, раскрытие его тюркской природы, в частности проблеме лингвистической противоположности. А это обуславливает потребность описания энантиосемическо-

го отношения – нового вида лингвистической противоположности в монографическом плане на примере лексических и фразеологических единиц, определения исторического развития энантиосемии в тесной связи с национально-духовным мировоззрением узбекского народа, многовековыми культурно-духовными ценностями, ознакомления мирового научного сообщества с результатами этих исследований. Кроме того, способность нашего народа оценивать явления бытия в диалектической противоположности и сквозь призму национального языка позволяет формировать новые заключения о своеобразной реализации этого способа познания, особенно в энантиосемических единицах, и семантическом развитии в целом.

Благодаря исследованиям по выявлению способов реализации энантиосемии, обоснованию лингвистических особенностей противоречия между значениями языковой единицы получен целый ряд результатов, в частности: установлено участие экстралингвистических факторов во внутренней структуре языковой единицы (University of Humboldt, Germany); раскрыто своеобразие семантической структуры слова или фразеологизма, пути образования энантиосемических значений (University of Groningen, Holland); определены семантико-прагматические особенности семантического противоречия в языковой единице (University of Leeds, University of Glasgow, England); речевая реализация энантиосемии и участие в ней иронии, раскрыта языковая природа антифразиса (University of London Research Fellowship, England); раскрыты типы семантического противоречия и их взаимоотношения с другими семантическими явлениями (University of Oxford, England); научно обоснованы лингвокогнитивные особенности семантики языковых единиц (The French National Research Agency, France); установлены отношения энантиосемии с другими лексическими явлениями и ее лингвистический статус (University of Charles, Czech Republic); раскрыта этимология энантиосемических слов (University of Minnesota, USA); обосновано обретение противоположного значения на основе этнолингвистических факторов

(University of Yale, USA); определены диахронические особенности энантиосемии (Московский государственный университет, РФ); обоснована семантическая структура слова и лингвистическая природа явлений, связанных с ним (Ташкентский государственный университет узбекского языка и литературы имени Алишера Навои, Узбекистан).

В мировой лингвистике имеется целый ряд работ, посвященных энантиосемии. В частности, согласно убеждениям западной лингвистики явление энантиосемии впервые изучено чешским лингвистом В. И. Шерцлем [2]. Однако исследования показали, что представитель Куфской лингвистической школы Абу Бакр ибн ал-Анбари за 9 веков до В. И. Шерцля, а точнее, в X веке, изучил данное явление и создал словарь «Китаб ал-аздад» («Словарь слов с противоположными значениями»). Немецкий языковед Карл Абель в книге «Über den Gegensinn der Urworte» (1884) утверждает, что пользовался словарём Анбари. К началу XX века опубликована книга ещё одного немецкого исследователя Т. Нёльдеке (Wörter mit Gegensinn (Addad). Neue Beiträge zur semitischen Sprachwissenschaft. Berlin, 1910). Работы В. И. Шерцля, К. Абеля и Т. Нёльдеке способствовали широкому исследованию данного явления среди западных исследователей. Эта проблема исследована в работах Р. А. Будагова, Й. Филипика, Ф. Чермака, А. Клегера, Л. А. Новикова, А. Шмелёва, а также узбекских языковедов С. Усмонова, Б. Юсуфова, Н. Махмудова.

Хотя энантиосемия разносторонне изучена в европейской лингвистике, она до сих пор не была объектом монографического исследования в тюркологии, в частности, в узбекском языкознании вопросы по этой проблеме поднимаются лишь в некоторых работах или рассматриваются в рамках отдельных статей [3; 4]. Недавно вышло в свет исследование Н. Махмудова о развитии в слове противоположного значения [5, с. 3-25]. В работах по энантиосемии наблюдается следующий подход к этому вопросу: 1) она рассматривается в качестве особого вида таких явлений, как антонимия, омонимия или полисемия; 2) как промежуточное явление между полисемией и

омонимией, полисемией и антонимией, омонимией и антонимией; 3) как отдельное явление лексического яруса.

Энантисемия свойственна лексическим, а также фразеологическим единицам. О наличии энантисемии во фразеологических единицах впервые даёт сведения В. В. Любкин [6, с. 40-49]. Позже она стала объектом отдельного исследования наряду с лексическими единицами [7]. Энантисемия – специфическое явление лексического яруса. Она основывается на наличии двух противоположных значений в одном слове. Слово *энантисемия* происходит от греческих *en* «внутри», *anti* «противоположный», *sema* «признак» [8, с. 526].

В языкознании проделана определенная работа по изучению энантисемии. Но, несмотря на значительное количество исследований и изученность проблемы в разной степени, до сих пор остаются спорными вопросы о причинах образования, лингвистическом статусе энантисемии, взаимоотношениях со смежными явлениями, а также вопрос о том, к какому периоду языка она относится. Это, с одной стороны, связано со сложностью и специфичностью энантисемии, во-вторых, с разнообразием подходов к ней. Обобщив работы по теме, можно увидеть следующие подходы к данному явлению: 1) энантисемия – отдельный вид определенного лексического явления; 2) энантисемия – явление на стыке двух лексических явлений; 3) энантисемия – отдельное лексическое явление.

Согласно первой группе взглядов, энантисемия – это отдельный вид антонимии, полисемии или омонимии [9, с. 75-81]. Согласно второму взгляду, энантисемия – промежуточное явление на стыке омонимии и антонимии, полисемии и антонимии или полисемии и омонимии. Согласно третьей группе взглядов, энантисемия – это самостоятельное лексическое явление [10]. В работе дадим освещение происхождения этих взглядов и выразим наше мнение относительно рассматриваемого явления.

Следует отметить, что описываемое понятие еще не получило одного общего термина, для него существуют разные термины.

Например, *энантисемия* [11, с. 259-264], *омоантонимия* [12, с. 229], *внутрисловная антонимия* [13, с. 19-23], *антонимосемия*, *антисемия* [14, с. 84-95], *энантиодромия*, *антилогия* [15], *аздад* [16, с. 9-14] и др. В настоящее время в языкознании широко используется термин *энантисемия*, по нашему мнению, это наиболее подходящий для описываемого явления термин.

В тюркологии в той или иной мере выражались мнения по поводу энантисемии. В частности, о ней упоминается в исследованиях татарского, кумыкского языков, посвященных антонимии. В узбекском языкознании впервые на это явление обратил внимание С. Усмонов, который назвал её омонимной антонимией. В последнее время опубликованы статьи Б. Юсуфа и Н. Махмудова по энантисемии. Б. Юсуф, анализируя энантисемические слова в произведениях Алишера Навои, определяет это явление как отдельное от антонимии [17, с. 33-39]. Н. Махмудов, констатируя, что энантисемия как разновидность аллофонии образуется в результате семантического развития, оценивает ее как явление, наблюдаемое во всех ярусах языка, и обращает внимание на формально-семантическую противоположность в парных словах [18, с. 16-25].

В лексическом ярусе языка также существует несоответствие формы и значения – асимметрия языкового знака. Как пишет проф. Н. Махмудов, изучивший явление энантисемии в монографическом плане, взаимоотношение формы и содержания очень сложно, а во многом даже противоречиво, в каждом ярусе языка проявляется в очень своеобразной форме [10, с. 4]. Асимметрия лексического знака четко проявляется в энантисемии – отдельной форме полисемии, это – типичная форма языковой асимметрии. Например, если выражение значения «красивый» словами *гўзал*, *сулув*, *барно* считается асимметрией в синонимии, выражение значений «продавец» и «покупатель» словом *мижоз* является асимметрией в энантисемии.

Известно, что в результате семантического развития в языковой единице образуются два или более значений. Например, слово

ширин сначала было моносемантическим и, естественно, ему было свойственна симметрия формы и содержания. Позже после того как появились производные значения в таких словосочетаниях, как *ширин сўз*, *ширин кулги*, нарушилась симметрия формы и содержания в этом слове.

В этом смысле примечательна энантиосемия, связанная с семантическим развитием слова *ўр*. Изначальная сема слова *ўр* – «подниматься»: *bulit öriüp kök örtüldi* – поднялось облако и покрыло небо [19, с. 388]. В результате семантического развития образовалось дополнительное значение данного слова «возвышенность, холм», «верх», связанное с семой «движения вверх» семемы «подниматься»: *Қамуз эрдами бўлса ерда ўру, Бундунқа берур бўлса эдгу тўру* (Ю. Х. Хаджиб, «Благодатное знание») [20, с. 495].

Благодаря дальнейшему развитию слова сформировались значения «овраг, впадина», «яма»: *Фронт орқасида ўр қазиб турганда, Мулла Обиддан ўттиз метрча нарига бир катта тўп ўқи тушиб, қаттиқ товуш чиқариб ёрилади* (А. Кадыри, «Абид кетмень»). Эти значения есть и в современном узбекском языке, проявление этих значений в рамках одной формы указывает на асимметрию в этой форме.

Существуют различные мнения о факторах образования энантиосемии. В частности, главной причиной образования энантиосемии указывается общее или смешанное значение семантики древних слов [11, с. 261]. Эта свойственность также присуща некоторым словам тюркского языка. Например, это можно увидеть и в ценном источнике культуры тюркских народов «Девону луготит турк», где слово *от* имеет значение «лекарство, лечение» (*от ичтим* – выпил лекарство) и «яд» (*Бэг аңар от бэрди* – Бек дал ему яда) (т. I, с. 71).

Основной фактор образования энантиосемии – семантическое развитие слова, при этом сохраняется существующее значение слова и образуется новое противоположное значение или из-за устаревания существующего значения образуется противоположное ему значение [21, с. 64]. Например, в современном узбекском языке в слове *авлод* обра-

зовалось значение «предки», также сохранилось и прежнее значение – «будущее поколение» (– *Хотин, – деди Илимиліқ. – Авлодизда бунақа сариқ одам ўтмаганди-ку* (Саид Ахмад, «Никто и ничто не забыто»). Из-за устаревания значения «строить, воздвигать» в слове *қўпормоқ* (*Бу иморатнинг тўрт бурчида тўрт манордек бурж (қалъа ва қўрғон бурчакларига қуриладиган бино)лар қўпориб-турларким, юқорига чиқар йўллар бу тўрт бурждиндур* (Бабур, «Бабурнаме»)) в нём образовалось значение «уничтожить».

Ещё один фактор образования энантиосемии – выражение в слове противоположных значений в зависимости от коммуникативно-ситуативной цели говорящего и «субъективного отношения» [7, с. 11]. Данный вид противопоставления, реализующийся в определенной речевой ситуации, образуется между узуальным и окказиональным значениями. Сравните: *Раҳбар Раҳбарович. Лекин хосхонани ясатиб, иссиқ-иссиқ қаҳваларни ҳозирлай-верасиз. (Хавони ҳузур билан ҳидлай-ҳидлай) Оҳ, оҳ, бунча хушбўй* (Эркин Аъзам, «Фаррош кампирнинг туши»); *Ҳисобчи. (Бурун жийириб) Бир оз «хушбўй»роқлигини айтмаса, ўзи яхши хотин... ходим деганим!* (Эркин Аъзам, «Сон старухи-уборщицы»).

Лингвисты утверждают, что образование энантиосемии путём аффиксации продуктивно в русском, английском, немецком языках [9, с. 75-80], однако в узбекском языке это не так. В целом, очень сложно понять мнение исследователей о том, что энантиосемия образуется аффиксальным способом, поскольку образования в одно и то же время двух противоположных или непротивоположных значений путём добавления к основе словообразовательного аффикса в языке не наблюдается. На самом деле, второе, противоположное, значение в языковой единице является результатом семантического развития этой единицы, то есть производное слово, образованное с помощью словообразовательного аффикса в результате семантического развития, обретает новое, в данном случае противоположное значение. Например, это случилось с узбекским словом *баҳосиз*. Сначала к слову *баҳо* присоединяется аффикс *-сиз* и образуется

значение «не имеющий никакой цены» (ҚТЛ, с. 79). Затем в результате семантического развития слова *баҳосиз* образовалось значение «бесценный, неоценимый». Энантиосемия также образуется в синтаксическом окружении, между литературным языком и диалектом. Эти особенности данного явления также подробно освещены в работе.

В целом, образование противоположных значений слова, прежде всего, связано с дуалистической природой человеческого образа мышления по причине того, что предметы и явления бытия извечно находятся в диалектическом противоречии. Также к неязыковым факторам образования энантиосемии можно причислить уровень людей в понимании и различении сути предметов и явлений, семантическое развитие, коммуникативно-ситуативную цель и субъективное отношение говорящего, а к языковым факторам образования энантиосемии – синтаксическое окружение, взаимоотношение литературного языка и диалекта.

Как отдельный вид полисемии энантиосемия имеет общие черты с омонимией и антонимией, но в то же время в корне отли-

чается от них. В отдельных исследованиях энантиосемия толкуется как разновидность омонимии, причина этого заключается в неправильном понимании сути энантиосемии, то есть утверждения, что энантиосемические слова образуются с помощью аффиксации.

Кроме того, образование в слове противоположных значений (*верно* I – правильно, точно (прилагательное); *верно* II – наверное, возможно (модальное слово)) тоже стало причиной изучения энантиосемии в рамках омонимии. В узбекских словах *кўр* I ‘видеть’ (глагол); *кўр* II ‘незрячий, слепой’ (прилагательное) также существует семантическая противоположность, однако эти слова относятся к разным частям речи. В силу того что энантиосемия – это семантическая противоположность в рамках одной языковой единицы, ее статус следует определять в рамках одной языковой единицы. При энантиосемии учитываются семантические, а в омонимии – формально-семантические аспекты. Кроме того, между значениями энантиосемической единицы существует общее семантическое отношение, чего нет в омонимических единицах.

Литература

1. Каримов И. А. Юксак маънавият – энгилмас куч. – Тошкент, 2008.
2. Шерцль В. И. О словах с противоположными значениями (или о так называемой энантиосемии) // Философские записки. – Вып. V-VI. – Воронеж, 1883.
3. Муташева Г. Р. Антонимы и антонимические отношения в лексике и фразеологии кумыкского и русского языков: Дисс. ... канд. филол. наук. – Махачкала, 2010.
4. Жусупов А. Е. Оценочная энантиосемия и амбивалентно-оценочные образования (на материале казахского языка). URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-46707.html> (Дата обращения: 20.05.2018).
5. Махмудов Н. Зиддият ва лисоний бирликда маъно тараққийети / Н. Махмудов, Ё. Одилов. Сўз маъно тараққийетида зиддият. Ўзбек тили энантиосемик сўзларининг изоҳли луғати. – Тошкент, 2014. – Б. 3-25.
6. Любкин В. В. К вопросу об энантиосемии в современном английском языке // Вопросы романо-германского языкознания. – Саратов, 1977. – С. 40-49.
7. Махмутова Л. Р. Основные типы энантиосемии в русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Казань, 2009.
8. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1969.
9. Булаховский Л. Е. Введение в языкознание. Ч. 2. – М., 1954.
10. Махмудов Н. М. Семантико-синтаксическая асимметрия в простом предложении узбекского языка: Дисс. ... д-ра филол. наук. – Ташкент, 1984.
11. Гловинская М. Я., Галанова Е. И. и др. Современный русский язык: активные процессы на рубеже XX-XXI веков. – М., 2008.
12. Новиков Л. А. Избранные труды. Т. 1: Проблемы языкового значения. – М., 2001.
13. Гельблу Я. И. К вопросу о внутренней антонимии в немецком языке // Ученые записки Башкирского ун-та. – Вып. XIII. Серия филол. наук. – 1965. – № 5. – С. 19-23.
14. Соколов О. М. Внутрилексемная семантическая поляризация грамматико-словообразовательного типа // Вопросы словообразования в индоевропейских языках. – Томск, 1985. – С. 84-95.
15. Сахнова О. И. Энантиосемия в экономической терминологии. URL: <http://dspace.nbu.gov.ua/bitstream/handle/123456789/14128/35-Sahnova.pdf> (Дата обращения: 21.05.2018).
16. Ганеев Б. Т. Первоначальная энантиосемия и диффузность в языке // Вестник ОГУ. – 2003. – № 4. – С. 9-14.
17. Юсуф Б. Алишер Навоий асарларида энантиосемиялар // Ўзбек тили ва адабиёти. – 2011. – № 1. – Б. 33-39.
18. Махмудов Н. Зиддият ва маъно тараққийети // Ўзбек тили ва адабиёти. – 2014. – № 3.

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ОБРЯД ВОЙЛОКОВАЛЯНИЕ У АЛТАЙЦЕВ И ОСОБЕННОСТИ БЛАГОПОЖЕЛАНИЙ *АЛКЫШ СӨС*¹

С. Б. Сарбашева, М. П. Чочкина

УДК 811.512.151

Связь человека и природы неразрывна, издавна мы зависели от нее, и бережное отношение к природе давало возможность человеку выжить в суровых климатических условиях. Диалог, который устанавливается между древним человеком и природой, является основой многообразных ритуалов, церемоний, обычаев и обрядов, связанных с производственной деятельностью алтайцев. Была выстроена система ритуальной коммуникации с природой, одной из ее реализаций были испрашивания, затем благопожелания. Они должны были обеспечить достаток и счастье человеку. Один из основных приемов построения таких благопожеланий – изображение желаемого как действительного, надежда на то, что испрашиваемое воплотится в жизнь. Древние люди верили, что слова имеют магическую силу, они могут повлиять и на природную стихию, и исполнить желания и чаяния человека. Специфика благопожеланий и речей обряда войлоковаляния была особой, связанной только с войлоком и процессом его изготовления.

Ключевые слова: **алтайский язык, культура, человек, природа, обычаи, обряды, благопожелание.**

Все виды народного фольклора приурочены к определенным периодам трудового календаря. Большинство народных праздников, игр, ритуалов, обрядов, связанных с животноводством, устраивалось в весенне-летний период, когда суровая зима была позади, и скот отведен на летние пастбища. Отдельные игры проводились зимой, ранней весной и осенью. Календарные обряды проводились в определенное время года. В народном календаре были выделены дни начала и окончания различных хозяйственных работ, здесь же отмечались дни, на которые приходилось проведение обрядов. Форма проведения календарного обряда призвана магическими (символическими) актами воздействовать на силы природы, на силы окружающего мира с целью обеспечения жизни человека необходимым: питанием, одеждой и жилищем. Неразрывная связь человека и природы, прямая зависимость человека от нее, бережное отношение к природе, дающей возможность ему выжить в суровых климатических условиях, порождают и страх перед стихийными силами. Диалог, который устанавливается между древним человеком и природой, является основой мно-

гообразных ритуалов, церемоний, обычаев и обрядов, связанных с производственной деятельностью алтайцев (охотой, рыбной ловлей, скотоводством, земледелием), и художественных форм поэтических произведений. Первоначальные функции испрашиваний, затем благопожеланий были магическими, они должны были обеспечить счастье и достаток человеку.

Кулја танмалу Алтайым!

С тамгой барана мой Алтай!

Ээлү эне Алтайым!

Живая, как мать, мой Алтай!

Целью этих испрашиваний (молений) было обеспечение благосостояния человеческого, растительного и животного мира и здоровья людей: рождения детей, приплода скота, диких животных и птиц, обилия пропитания, травостоя. Один из основных приемов построения таких благопожеланий – изображение желаемого как действительного и надежда на то, что испрашиваемое воплотится в жизнь. Древние люди верили, что слова имеют магическую силу, они могут повлиять и на природную стихию, и исполнить желания и чаяния человека. Некоторые исследователи

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ № 16-04-00390

считают, что алкыши являются формой шаманских заклинаний [1]. Другие рассматривают их как неотъемлемый компонент свадебного обряда [2, с. 103-105].

Предки современных алтайцев одухотворяли природу, они верили в духов гор, тайги, рек, озёр, огня. Все зависело от духов-хозяев, которые ведали зверями, птицами, рыбами. От милости «хозяев» тайги зависели промысел, удача на охоте, приплод скота, состояния пастбищ. Хозяева представлялись человеку всемогущими. Они могли ниспослать человеку добро и зло, в зависимости от его поведения. Издавна существует магия, назначение которой – умиловить, задобрить хозяев-ээзи. Так возникли культовые *алкыши*. *Алкыш*, обращенный к духам, имеет магическую функцию и должен предохранить человека от гнева грозных стихий природы, болезни. В таких ситуациях обращаются к хозяину Алтая:

*Сындап баскан Алтайыс,
Алтай наш, по которому ходим,
Сузуп ичкен талайыс,
Море наше, из которого пьем,
Койнына кондырткан,
Разрешаешь ночевать за пазухой,
Эдегине журтаткан,
У подножья разрешаешь жить,
Эржинелү бай Алтай!*

Благодатный священный Алтай!

[3, с. 18]. (Перевод М.Ч.).

Культовое благопожелание *алкыш сös* принадлежит к наиболее древним компонентам жанра, возникшим на ранних стадиях развития человеческого общества. Оно, несомненно, сыграло свою роль в развитии поэтической культуры алтайского народа и оказало значительное влияние на развитие других жанров фольклора. Люди старались жить в полной гармонии с окружающим миром, они верили в то, что от их поведения зависит и отношение природы к ним. У кочевника была целая система запретов *байланыш*, табу, с которыми его знакомили с детства. В случае нарушения запретов, человек становился грешным (*кинчектү*), за это он строго наказывался.

Традиция скотоводческих *шытшаар сös* ‘заговоров’ также тесно связана с основной формой хозяйственной деятельности алтай-

цев. Заговоры являются средством магического воздействия на самок, отказывающихся от кормления новорожденных детенышей, и по своей функции обеспечивают сохранение приплода в период его появления. Текст заговора служил магическим орудием перехода от нежелательного состояния к желаемому. Имея прикладное значение, эта традиция входит в центральную, жестко организованную часть интонационной культуры алтайцев. В отличие от традиции песенной поэзии (*кожон*) и эпоса, традиция заговоров образует в ней относительно замкнутую и, следовательно, более консервативную область. Такое положение в системе культуры делает скотоводческие заговоры уникальным источником информации о древнейших ее состояниях.

В культурной традиции алтайцев категории *обряд* и *обычай* также занимают важное место. На формирование этих категорий значительное влияние оказали древние магические формы, культы и этика шаманизма. Так, в алтайском языке для обозначения этого термина наиболее часто используются слова: *чүм-жан* ‘церемония, ритуал, обряд’, *байрам* ‘обрядовый праздник’, *кеми-аайы* ‘этикет, приличие, норма, мера’, *байланыш* ‘обычай, обряд поклонения, почитание, правила, каноны, культ’, *тайылга* ‘обряд, кровавое жертвоприношение, обмен’, *ыйык* ‘бескровное жертвоприношение, обряд, почитание, культ’.

Весенние и осенние перекочевки стада в соответствующие пастбища, земледельческие работы, кузнечное дело, искусство катания войлока, женские (шитье, вязание, готовка пищи и др.), мужские (подготовка снаряжений к сезону, строительство, уход за скотом, пастьба разных видов животных), хозяйственные работы – все это сопровождалось обрядами и устной поэзией. Изучение производственных обрядов и фольклора актуально и сегодня, представляет большой интерес как для исследователей, так и для предпринимателей, возобновляющих забытые народные промыслы, в частности, валяние войлока.

В начале осени, когда приходило время валять войлок, и была собрана шерсть летнего и осеннего настригов, группа семей, группа родственных семей или соседей выбирали

день, когда можно было начать одно из самых важных дел в хозяйстве кочевника. Все участники предстоящего события собирались с утра в одной из юрт для совместной утренней трапезы. Плотный завтрак просто необходим, так как валяние войлока – дело трудоемкое и требует от всех участников большой затраты сил. Предварительно вымытую, очищенную от колючек, высушенную шерсть раскладывали на подстеленной коже, старом войлоке или плетеной из жесткой травы циновке, потом начинали сбивать шерсть в плотную массу, периодически смачивая ее молочной сывороткой или кипяченой водой.

Размеры войлочного полотна обычно достигают размеров 4x4 м², 5x5 м², поэтому такой работой одновременно могли быть заняты до 8-10 человек. На изготовление войлока шла шерсть овец летней и осенней стрижки, а также шерсть ягнят. Шерсть верблюдов, коз, сарлыков, конский волос для войлока не годятся, так как не содержат клейкого слизистого фермента, сцепляющегося в плотную массу, не пропускающую ни воду, ни холод. Особого внимания требует изготовление традиционных орнаментов на кошме, являющихся символами долголетия, счастья и благополучия. Самые популярные узоры: меандр, бегущие волны, цветок лотоса, нить счастья, рога барана, зигзаги, плетенка и т.д. Однако вышивка по войлоку – это уже более поздний этап работы над ним.

Специфика благопожеланий и речей этого обряда была особой, связанной только с войлоком и процессом его изготовления. Во время катания войлока приговаривали особые слова, чтобы войлок был мягким, теплым и прочным. И если кто-либо из посторонних в этот момент приезжал в аил, где шла работа, он обязательно должен произнести: «*Пусть ваш войлок будет белым, как раковина, крепким, как кость, красивым, как шёлк*».

Вот пример одного из таких благопожеланий валяльщикам войлока:

*Пусть доброй будет ваша кошма,
Пусть очень большой будет ваша кошма,
Пусть будет кошма и твердой, и пышной,
Пусть будет кошма без задоринки лишней,
Пусть будет кошма белей, чем гора,*

*Пусть будет кошма ценней серебра,
Твёрже, чем кость, и глаже, чем лед.
Скорее пусть в дело она пойдет.
Пусть будет она и нежной,
Пусть будет, как раковина, белоснежной.
Для сотни юрт пусть будет покровом,
Пусть будет преградой морозам суровым* [4, с. 147].

Это древняя магическая формула благопожелания людям, делающим войлок, стала в наши дни этикетным стандартом общения в праздничные дни. В ответ обязательно следовало сказать: «*Благодарим за (благопожелания) благословенные пожелания, пусть будет по-вашему*» – «*Алкыжарга жаан быян, айтканыгарла болзын*».

«Как известно, алтайцы до революции жили в войлочных аилах. Поэтому приходилось катать войлок каждой семье. Здесь прослеживается и необходимость в коллективном труде. В «Песне катальщиц войлока» говорится, что войлок катали из хорошей шерсти и отделяли его со всех сторон материалом:

*Алтан койдын түгинен
Из шерсти шестидесяти овец
Кийис базып аалалык.
Мы, давайте, войлок скатаем.
Айландыра чүрмейле,
Кругом его украсив –
Ширдек эдип аалалык
Сделаем-ка ширдек – ковер.
Төртөн койдын түгинен
Из шерсти сорока овец
Кийис базып аалалык.
Мы, давайте, войлок скатаем.
Төрт талазын чүрмейле,
С четырех углов украсив –
Ширдек эдип аалалык.
Смастерим-ка ковер» [5, 23].*

В загадках приведена метафора о войлочном аиле, что говорит о его древней основе, валяние и катание войлока – это одно из древних и очень значимых занятий в материальной и духовной культуре алтайцев.

Таким образом, в устно-поэтическом творчестве особое место занимает обрядовый фольклор, создававшийся народом на протяжении тысячелетий и, в силу преемственной традиции поколений, дошедший до

наших дней. К обрядовому фольклору относятся произведения народного поэтического творчества, которые исполняются во время совершения какого-либо обряда; они сопровождают этот обряд, являются его составной частью.

Литература

1. Анохин А. В. Материалы по шаманству у алтайцев. – Л., 1924.
2. Вербицкий В. И. Алтайские инородцы. – М., 1893.
3. Алтай алкыштар. – Горно-Алтайск, 1998.
4. Гребнев Н. И. Песни аратов. Из монгольской народной песни. – М., 1973.
5. Алтай албатынын кожондоры (Алтайские народные песни) / Сост. Т. С. Тюхтенов. – Горно-Алтайск, 1972.

ЗАМЕТКИ ОБ ОЙКОНИМАХ АСКИЗСКОГО РАЙОНА

Р. Д. Сунчугашев

УДК 811.512.153

В статье рассматриваются ойконимы, названия населенных пунктов, которые входят в Аскизский район Республики Хакасия. Автором отмечается, что многие современные местные ойконимы и топонимы имеют в своем составе компоненты *суз* 'река', *чул* 'ручей', а также являющиеся по происхождению субстратными форманты *=зас*, *=бы*, *=ба*, которые также, предположительно, обозначали водные источники. Это говорит о важности воды и рек для создания поселений и, соответственно, номинаций населенных пунктов. Рассматриваются исконные, то есть хакасские ойконимы и их адаптированные варианты, которые используются в обиходе русскоязычными жителями Хакасии и в официально-деловом стиле русского языка. Некоторые села представлены двумя и тремя наименованиями, наличие которых объясняется процессами переименований, обусловленными советской идеологией и строем. Названия хакасских населенных пунктов Аскизского района, как свидетельствуют исторические документы XIX в. и современный реестр, преимущественно были связаны с антропонимами – именами первопоселенцев или глав родов, как правило, зажиточных людей. Часть ойконимов мотивирована образом жизни проживавших в населенных пунктах людей или мифологическими представлениями хакасского народа.

Ключевые слова: **хакасский язык, ойконим, Аскизский район, мотивация, наименование, внутренняя форма.**

Аскизский район (по-хакасски *Асхыс аймагы*) имеет давнюю и богатую историю. Он известен многочисленными памятниками древности: на его территории представлены тысячи могильных курганов, менгиры, а также оборонительные укрепления, горные плавильни, святилища и мн. др. [1]. Названия некоторых населенных пунктов и географических объектов района упоминаются еще в материалах комплексных экспедиций XVIII-XIX вв. [2, с. 6-10]. Аскизский район – это район, где наиболее массово функционирует хакасский язык. Здесь сохраняются и развиваются национальная культура, народные традиции, обычаи, в основе которых лежит, прежде всего, гармония человека с природой. В настоящей статье предлагаю обратиться к особенностям названий населенных пунктов Аскизского района, ойконимов. Последние являются одним из видов топонимов-названий мест [3, с. 515].

Названия района и районного центра, села *Аскиз* (по-хакасски: *Асхыс*), связаны с названием реки *Аскиз*, являющейся одним из главных левых притоков реки *Абакан*. Своим

названием «главной» реке в районе обязаны еще *поселок Аскиз* (по-хакасски: *Асхыс поселок*), в народе более известный как *станция Аскиз*, и село *Верх-Аскиз – Асхыс чогархы аал* (название переводится как 'аал, расположенный выше по реке Аскиз').

Многие города и села получили свои названия по рекам, у которых они расположены. Люди издревле селились вдоль рек или других водных объектов. Реки всегда играли важную роль в жизни человека. Они являются источником воды, питания, средством сообщения, удобным пограничным знаком, а также источником различных производственных процессов, например, организации системы орошения или постройки речных мельниц и др. По существующим данным науки, в структурах лексических значений большинства названий рек есть сема «большая вода, река» или просто «вода, река». Например, название одной из величайших рек мира и России, Енисей, является адаптированным русским вариантом эвенкийского названия *Ионесси*, что переводится как 'большая вода'. Названия рек или гидронимы консервативны, они дошли до

нас с глубокой древности, особенно названия крупных водных объектов. Реки не переименовываються, их названия, переходя из одного языка в другой, изменяются по звучанию и письменной передаче, подчиняясь грамматическим законам другого языка. Например, хакасское название *Töö суз* в русском варианте с адаптацией первого компонента представлено как *река Тея*, *Асхыс суз* – *река Аскиз*, *Ис суз* – *река Есь*, *Палыхтыг суз* – *река Балыкса*, *Пирік чул* – *река Бирикчуль* и т.д. В хакасском языке значение ‘река’ передает слово *суз*, а значения ‘речка’, ‘ручей’ – слово *чул*.

Рассмотрим названия сел, восходящих к названиям рек.

Относительно происхождения ойконима село *Аскиз* – *Асхыс аал* (вариант названия – *Ахыс*) – существуют различные толкования и легенды. В одном письменном источнике начала XX в. нам встретилась помета, что в древности *Асхыс аал* называли *Ас пилтірі* – т.е., *Усть-Ас*. Можем отметить, что название *Асхыс/Ахыс* имеет значение ‘чистая, прозрачная река’. Принцип номинации схож с Енисеем – первый компонент сложного термина передает особенность, т.е. характеристику реки, второй компонент – это ключевой термин *река*.

Существуют наименования трех сел с компонентом *база*, который является также обозначением реки: село *Усть-База* – *Паза пилтірі аал*, село *Нижняя База* – *Индірки Паза аал*, село *Верх-База* – *Чогархы Паза аал*. Название реки *Паза* (русский вариант *База*) до настоящего времени не имеет убедительного объяснения. Есть предположение, что гидроним *Паза* имеет самодийское происхождение и означает ‘железо’. Возможно, название появилось еще в начальный период разработки железа. Разработкой железа мелким кустарным способом на территории Хакасии занимались с древних времен. Более-менее масштабное производство металла начинается с начала 30-х годов XVIII века с открытием многих медных месторождений, в том числе и Базинского. Профессором Я. И. Сунчугашевым в Хакасии открыты сотни памятников древней металлургии [4; 5].

Река Аскиз, берущая начало с родников и

ручейков легендарной горы Карлыган, общей протяженностью русла всего 124 км, имеет 36 притоков. Это небольшие речки и ручьи. Следует отметить, что все они имеют названия, и некоторые из них также легли в основу названий населенных пунктов.

Село Бирикчуль, по-хакасски *Пирікчул аал*. Название села происходит от наименования реки, правого притока реки Аскиз. Компонент *пирік* переводится как ‘труднопроходимый’, ‘тернистый’, *чул* – как ‘речка’. Название мотивировано тем, что речка протекает в горно-таежной местности. «В хакасском языке небольшие реки и ручьи обозначаются словом *чул*. ... Этот термин оказался одним из самых распространенных в ряду географических терминов. О. Т. Молчанова, ссылаясь на материалы А. А. Бонюхова и М. А. Жевлова, Хакасию называет центром топонимов на *чул*, *йул*, *жул* (ТСГА, 43). Ареал тюркского термина ограничен южно-сибирским регионом и почти совпадает с ареалом кетского слова *ул* ‘река’. Это привело к противоположным мнениям о происхождении гидротермина *чул/жул*» [2, с. 61]. Следует отметить, что на территории соседнего субъекта, Республики Тыва, апеллятив *чул* встречается преимущественно на территории, где проживают тувинцы-тоджинцы [6, с. 68].

Станция Наныхчул свое название получила по речке *Наныхчул*, правого притока реки Аскиз. Название переводится с хакасского языка как ‘речка, текущая в обратном направлении’. Это речка с крутой лукообразной извилиной, расстояние между началом и концом которой ближе, чем длина всего русла. В гидрологии подобное явление называется *лукой*.

Село Усть-Чуль имеет хакасское название *Ўс чул аал*. Оно расположено на реке Тея. До настоящего времени нет единого мнения о правильных передаче и названии села. Вопрос этот периодически поднимается отдельными жителями или выходцами из села Усть-Чуль. Дело в том, что хакасское название *Ўс чул аал* – означает *Три речки* или *Трехречье*, а официальное название *Усть-Чуль* (из сочетания *устье реки Чул*) должно исходить из сочетания или топонима *Чул пилтірі*. В этом и

есть суть споров – *Ўс чул аал* или *Чул пилтірі аал*. С точки зрения географической вероятности оба варианта обоснованы.

Название *станции Хабзас* представлено хакасскими вариантами *Хамзас* и *Ханзас*. Вторая часть названия =зас имеет кетско-енисейское происхождение, переводится как ‘река’. Данный элемент довольно часто встречается в топонимии Южной Сибири. Например, в названиях рек *Анзас*, *Кайинзас*, *Амзас* и др. Название, предположительно, может означать «Шаман-река» или «река, протекающая в глубоком ущелье».

Наименование *станции Балыкса* по-хакасски звучит как *Палыхтыг суг аал*. Хакасское название *Палыхтыг суг* абсолютно прозрачно и означает ‘рыбная река’. По рассказам наших дедов, еще в первой половине XX в. рыбы в водоемах было очень много.

Не все названия поддаются объяснению. Могут существовать различные толкования, не имеющие ничего общего с наукой о собственных именах. Это могут быть «толкования» дилетантов, объясняющие происхождение топонима по созвучию с каким-то знакомым словом. Надо помнить, что собственные имена возникают, живут и изменяются в системе, подчиняясь различным языковым законам. К топонимам, не имеющим убедительной этимологии, можно отнести названия следующих населенных пунктов – *п. Бискамжа* – по-хакасски *Писхамчы/Пусхамчы*, *ст. Чарыш* – *Чарыс ст.*, *ст. Казынет* – *Казанет ст.* В отношении перечисленных наименований необходимы время для дополнительных специальных исследований, открытие новых источников, тогда, возможно, и эти названия раскроют секреты своего происхождения.

П. Шора и *ст. Шора* – хакасские названия *Сор суг аал*, *Сор суг ст.* Названия связаны с одноименной рекой. Существуют две наиболее вероятные версии происхождения названия реки *Шора*: 1) от этнонима *шор* ‘шорец’, ‘шорский’; 2) из хакасско-тюркского *сорыг суг* ‘солончаковая река’.

С. Оты – *Оот пилтірі аал* – букв. *Усть-Оты* (на реке Тея); отгидронимическое название – из хакасского *оот* – *солод*.

В названиях *ст. Колтас* – *Холтас ст.*,

ст. Тузуксу – *Тузах суг ст.* очевидна хакасско-тюркская основа, но конкретная мотивировка требует еще дальнейших уточнений.

Продолжая анализ названий населенных пунктов, образованных от названий рек, хочется более детально остановиться на этимологии топонима *Тея* – по-хакасски *Төө*. Ведь этой реке своим названием обязаны целых три населенных пункта: *п. Вершина Тея* – *Төө пазы п.*, *с. Верхняя Тея* – *Чогархы Төө аал*, *Нижняя Тея* – *Индірки Төө аал*. Все русские названия представляют собой буквальный перевод с хакасского языка со значением местоположения, т.е. расположением по отношению к реке (*вершина*, *верхняя*, *нижняя*). А что же означает название *Төө* (рус. *Тея*)? Вполне возможно, что слово *төө* представляет собой результат стяжения (в результате закономерных языковых процессов) общетюркского слова *тебе/тепе* со значением ‘холм’, ‘вершина’, ‘гора’. В хакасском языке данное слово в фонетическом варианте *тибе* также обозначает верблюда. Очевидна визуальная связь (связь на основе внешней схожести) между обозначаемыми объектами и понятиями: «холм», «вершина»; «гора» и «горб верблюда». Следовательно, мы можем предположить, что в основе названия реки *Төө* лежит значение ‘гора’, ‘горный’, т.е. *Төө суг* ‘горная река’. В топонимии Западных и Восточных Саян нередко названия со словом *тене/тебе/тибе* [7; 8; 9, с. 58].

Одним из основных условий появления топонимических головоломок или загадок топонимики является то, что в современном мире наблюдается процесс наименования и переименования географических объектов. С одной стороны, это связано с увековечиванием имен выдающихся людей, например: героев революции, Великой Отечественной войны, труда, ученых, писателей. Это, несомненно, является свидетельством уважения к человеку. С другой, процессы переименования связаны с идеологизацией того или иного общественного строя. Например, в советский период в названиях колхозов, совхозов, артелей часто употреблялось определение *красный* – «*Красный плуг*», «*Красный пахарь*», «*Красный охотник*» и др. Также колхозам давали имена выдающихся деятелей СССР. Где-

то, со временем, названия колхозов стали вытеснять официальные названия населенных пунктов. Таким образом в Аскизском районе появились новые ойконимы, результатом чего стала вариативность названий для одного и того же населенного пункта. Приведем примеры: *с. Молотов* – официальное название *с. Сафроново* восходит к хакасскому *Сафрон аал*. Последнее название аала связано с именем богатого скотовода Сафрона Тинникова; *с. Ворошилов* – официальное название *с. Анхаков*, восходит к хакасскому *Онхак аал*, село было названо в честь Онхака Иптышева; *с. Сталин* – официальное название *с. Абрамов* – *Абрамнар аалы*, улус образован в XIX в., населенный пункт назван именем старожилы Абрама Чепчигашева. Конечно, неофициальные названия не вытеснили исконные названия, но некоторую путаницу в общественное сознание внесли. Как тут не вспомнить старый добрый юмор или даже топонимический анекдот. Стоит человек на обочине дороги, ловит попутку. Останавливается большой грузовик. Мужчина спрашивает водителя: – До Полтаково довезешь? Водитель: – А где это? Мужчина: – Ну, Есино! Водитель только нахмурил брови. Мужчина: – Может, слышал 1 Мая? Водитель не растерялся: – Садись, хоть до Нового года довезу!

Процесс наименования, а особенно переименования должен быть всегда обоснованным. Некоторые перегибы могут разрушать историческую картину, уникальность названия и места. Например, в результате переименований исконных названий сегодня в Хакасии три населенных пункта с одинаковым названием *Кирово*. Надо всегда помнить о том, что топонимы могут стать проводником или мостом даже в глубокую древность.

Ойконим *с. Полтаков*, хакасское название *Полтах аал*, мотивирован именем Полтаха Тодинова. Названия *1 Мая* и *Есино* восходят к названию колхоза и совхоза. Название *Есино* содержит в своем составе компонент *ес*, который служит обозначением реки *Есь*, на берегу которой располагается село. Этот же компонент *ес*, *ис* содержит в своем составе ойконим *Усть-Есь* (*село Усть-Есь*, образовано в 1673 г.), хакасское название – *Ис пилтири*

аал. Название села мотивировано его местоположением, в устье реки *Есь* – *Ис*.

Следует отметить, что названия хакасских населенных пунктов, соответственно, и сел Аскизского района, как свидетельствуют исторические документы XIX в. и современный реестр населенных пунктов Хакасии, преимущественно были связаны с антропонимами – именами первопоселенцев или глав родов, как правило, зажиточных, а также родовыми наименованиями. К таковым относятся: *с. Апчинаев* – *Апчанай аал* – село носит имя основателя, богатого скотовода Апчаная Асочакова; *с. Илиморово* – *Иллимор аал* – название происходит от имени первопоселенца Илимора Боргоякова, народное название деревни *Чахсы хоных* (*чахсы* ‘хороший; лучший’, *хоных* ‘жизнь; хозяйство’) связано с названием колхоза; *с. Казановка* – *Казанов аал* – н.п. первоначально назывался *Сескин аал* (по имени бая Сески Майнагашева); современное название села происходит от антропонима *Казан* (это имя главы Казановского административного рода Казана Майнагашева); *с. Катанов* – *Катанов аал* – аал образован в 1933 г. Известное село, известная фамилия. Комментарий излишен; *с. Кызлас* – *Кызлас аал* – название н.п. произошло от антропонима *Хызлас* (от него пошла фамилия *Кызласов*); *Аев аал* – отантропонимическое название, точная дата образования села неизвестна; *с. Политов* – *Полит аал* – аал назван именем Полита Ултургашева, основан в 1929 г. *Аал Бырганов* – *Пырганнар аалы*. Название связано с именем Пыргана Топоева. Населенный пункт упоминается еще в списках XIX века. Село имеет второе название *Хызыл Агбан* – *Красный Абакан*. Неофициальное название восходит к названию бывшего колхоза; *с. Картоев*, хакасское название *Картой аал* (на реке *Большая Есь*), название происходит от антропонима *Картой* (Картой Кайнаков). В письменных источниках XIX в. значится как *Хызыл хайа аал*; *с. Бельтырское* – название *Бельтырское* является русской адаптацией хакасского наименования *Пилтир* (*Пилтир аал*). Наименование восходит к слову *пилтир*, названию хакасского рода/сеока Чебодаевых и Асочаковых. Ранее здесь были улусы *Соткалар аалы*

(основатель Сотка Чебодаев), *Апахтар аалы* (основатель Апах Асочаков); с. *Картузов* – *Халарлар аалы* – хакасское название связано с родовым подразделением хакасов *халар*.

Продолжая топонимическую экскурсию по названиям населенных пунктов Аскизского района, следует поговорить еще об одном термине, а именно – *кӧл*. В хакасском языке слово *кӧл* (диалект. *кӱл*) имеет значение ‘озеро’. В русском написании приводится в формах *коль/куль/гуль/холь*. Данное слово встречается в названиях село *Пуланкуль* (вариант – *Баланкуль*) и станция *Ханкуль*. Очевидно, что названия населенных пунктов являются сложными по составу, содержат в своем составе адаптированный к русскому произношению компонент *кӧл* и восходят к названиям озер.

Наименование *Пуланкуль/Баланкуль*, по-хакасски – *Пулан кӧл, Пуланньг кӧл*, переводится как ‘Лосиное озеро’. Первые письменные сведения об озере, окружающей природе и, конечно же, местном населении относятся к XVIII-XIX вв. Например, П. С. Паллас, немецкий учёный-энциклопедист, естествоиспытатель и путешественник, прославившийся научными экспедициями по Сибири и Южной России во второй половине XVIII в., в своих отчетах отметил озеро *Пуланньг кӧл*. Он пишет о сакральной значимости озера, здесь же, недалеко от этого озера, зафиксировал объект *Ызых таг – Поклонную гору*. У местных жителей П. С. Паллас узнал, что зимой, перед тем как озеро покрывается льдом, оттуда слышны звуки, похожие на голос какого-то неизвестного зверя. Есть немало источников и топонимов, подтверждающих присутствие или обитание величественных животных, лосей, в этой местности в недалеком прошлом.

Поселковая станция *Ханкуль* расположена вблизи одноименного озера. Не раз приходилось слышать вопросы пытливых умов: «Почему озеро называется ханским?» Видимо, в названии *Ханкуль* некоторые видят сочетание слов *хан* ‘хан’, ‘правитель’ и *куль* ‘озеро’. Действительно, в хакасской и тюркской топонимии встречаются названия со словами *хан, ханский*. Эти названия мо-

гут быть связаны с какими-то историческими событиями, легендами или с обыкновенным метафорическим переносом, т. е. подчеркиванием значимости или величия объекта. Но эти мотивы нельзя отнести к названию *Ханкуль*. Хакасское название озера – *Хааң кӧл*, а «ханским» озеро стало в результате адаптации этого сложного гидронима русским языком. Очевидно, что хакасское название *Хааң кӧл* мотивировано составом воды. Вода в озере сравнима с морской водой, лечебная, минерализованная. Следует обратить внимание на то, что, если незнакомые или иноязычные топонимы оканчиваются на *коль/куль/гуль/холь*, то данные названия, скорее всего, говорят о наличии озера, и оно может иметь тюркское происхождение. Гидротермин *кӧл* имеет общетюркское распространение. В качестве примера можно привести широко известное озеро Иссык-Куль. См. также о распространении данного термина на территории Хакасии: [2, с. 62].

В Аскизском районе названия трех населенных пунктов связаны с рекой Камышта, хакасское название *Хамыстыг*, т.е. ‘камышовая’: село *Усть-Камышта* – по-хакасски *Ӧк пилтірі*; село *Камышта* – *Ӧк ахсы*; станция *Камышта* – *Хамыстыг станция*. Река имеет три варианта названия: *Хамыстыг, Камышта* и *Ӧк*. Первый и второй варианты понятны и основаны на географической реалии, мотивированы наличием камыша. Третий вариант *Ӧк* сегодня является самым непонятным из приведенных выше названий. Некоторые «знатоки» языка, слепо переписывающие материалы «Хакасско-русского словаря», считают, что название реки мотивировано словом *ӧк* ‘подбрюшный’. Исследования показывают, что именно вариант *Ӧк* является исконным, древним названием. Современное слово представляет собой результат поздних языковых процессов, стяжения древнетюркского слова *эзүк* ‘зигзагообразный, извилистый’. Мотив номинации отражает отглагольное прилагательное, передающее характер русла реки.

Некоторые ойконимы мотивированы особенностями образа жизни жителей села. К таковым относится название села *Анчыл-Чон*.

Ойконим *Анчыл чон аал* появился путем сложения компонентов *аңчыл* ‘охотничий’ + *чон* ‘народ’ + *аал* ‘деревня’, т.е. ‘охотничья деревня’. Название мотивировано тем, что ранее в этом селе была охотничья артель. Нелегкий труд охотников аала *Анчыл-Чон* даже описан в публицистической и художественной литературе [10].

Часть названий населенных пунктов мотивирована особенностями рельефа, территории. К таковым относится название железнодорожной станции *Ала-Тау*, образованной в 1953 г. в связи со строительством железной дороги «Абакан-Новокузнецк». Наименование станции происходит от названия горы *Ала таг*, что переводится с хакасского как ‘пестрая гора’. Название мотивировано особенностью цвета слагающих пород скал. *Ала-тау* (*Ала-Тоо*) – весьма распространённый топоним на азиатском континенте. Летом горы такого типа имеют «пегую» окраску, они частично белые из-за снега, частично тёмные на бесснежных участках. Также особенностями местности мотивировано название села *Тюрт-Тас / Торттас* (хак. *Төрт тас аал*), которое располагается на берегу реки Большая Есь. Это название является сложным по своей структуре, состоит из компонентов *төрт* ‘четыре’ + *тас* ‘камень’. Оно мотивировано четырьмя вертикально стоящими курганными камнями на территории населенного пункта. Название деревни *Луговая*, хакасское название *Пүктіг аал*, – относительно новое, населенный пункт был образован в 1950-1951 гг., в результате переселения улуса *Тирек сагай*; название переводится на русский язык как ‘село с лугом’, в нем получил отражение характер местности. Относительно недавним является также название поселковой станции *Ясная поляна*. Эта станция появилась в результате строительства железной дороги «Абакан-Новокузнецк».

Некоторые ойконимы Аскизского района носят ребусный характер. В структурном отношении можно предположить их производность, и даже выделить словообразовательные средства. В процессе развития языка и использования некоторые топонимы могут изменить свой облик, у них могут выпадать

отдельные компоненты или могут нарушаться границы между ними, в результате чего происходит затемнение формы. Так слово теряет свою прозрачность, не всегда может правильно этимологизироваться.

Например, название станционного поселка *Югачи* восходит к наименованию горы, которое по-хакасски звучит как *Ўгечи*. Ойконим *Югачи* является русской адаптацией хакасского названия. Некоторые респонденты название связывают со словом *үгү* ‘филин’, к которому присоединен словообразовательный аффикс имени деятеля =*чи*. Если считать такое понимание верным, то *Ўгечи*, предположительно, можно этимологизировать как *Филин-гора*. Но считать такое мнение единственно правильным, наверное, не следует до тех пор, пока не получены новые, более убедительные данные относительно этого названия.

К трудноэтимологизируемым названиям относится наименование села *Лырсы*, расположенного на одноименной речке. Ойконим *Лырсы* является адаптированной формой хакасского названия *Ылырсы* (*Ылырсы аал*). Народное толкование поясняет, что ойконим связан с именем охотника *Ылырсы*. Возможно, что в слове *Ылырсы* окончание =*сы* представляет собой результат трансформации термина *су/суғ* ‘река’, т.е. *Ылыр су/суғ* – *река Ылыр*. Что означает *Ылыр*? Очевидно, эти названия следует отнести к категории топонимических головоломок.

Интерес представляет название села *Усть-Хойза*, которое представляет собой частичную кальку хакасского названия *Хойза пилтірі аал*. Название мотивировано местоположением села: компонент *Хойза* (название реки) + компонент *пилтір* ‘устье’ + =*i* (притяжательный аффикс третьего лица). Многие считают, что гидроним *Хойза*, не единичный в Хакасии, произошел в результате сложения компонентов *хой+суғ*, букв. ‘овечья река’. Названия домашних животных не редки в тюркской топонимии. Это связано как с хозяйственной, так и мировоззренческой значимостью этих животных. Но всегда ли гидронимы с элементом *хой*, встречающиеся в хакасской топонимии, следует соотносить со

словом *хой* ‘овца’? Исследования многочисленных тюркских топонимов показывают, что данные названия могут восходить к слову *хойын* ‘пазуха’, они применяются по отношению к объектам, находящимся в низменных местах, в логах. Отсюда *Хой суз* (рус. *Хойза*) скорее можно толковать как ‘речка, протекающая в логу, в низменной долине’, а не как ‘овечий ручей’.

Таким образом, названия населенных пунктов, входящих в муниципальное образование «Аскизский район», необходимо анализировать в номинативном аспекте с учетом исторических и культурных факторов их появления и развития. Многие современные ойконимы и топонимы имеют в своем составе компоненты *суз* ‘река’, *чул* ‘ручей’, а также субстратные форманты =*зас*, =*ас*, =*бы*, =*ба*, которые также, предположительно, обозначали водные источники. Это говорит о важности, значимости воды и рек для создания поселений и, соответственно, номинаций населенных пунктов. Выявлена вариативность в сфере номинаций некоторых населенных пунктов, которые представлены двумя и тремя наименованиями. Их появление обусловлено идеологическим фактором, отражением в названиях сел, колхозов фактов советской идеологии и строя. Часть ойконимов Аскизского района, как свидетельствуют исторические документы XIX в. и современный реестр, своим появлением обязана антропонимам – именам первопоселенцев или глав родов. Некоторые названия населенных пунктов были мотивированы образом жизни проживавших в них людей, мифологическими представлениями хакасского народа, а также особенностями рельефа местности. Не все ойконимы имеют прозрачную внутреннюю форму, необходима дальнейшая работа с целью их этимологизации.

Литература

1. Кызласов Л. Р. История Хакасии с древнейших времен до 1917 г. – М., 1993.
2. Сунчугашев Р. Д. Топонимия Хакасии. – Абакан, 2009.
3. Нерознак В. П. Топонимика // Большой энциклопедический словарь. Языкознание. – М., 2001. – С. 515-516.
4. Сунчугашев Я. И. Древнейшие рудники и памятники ранней металлургии в Хакасско-Минусинской котловине: эпоха бронзы и раннего железа. – М., 1975.
5. Сунчугашев Я. И. Древняя металлургия Хакасии: эпоха железа. – Новосибирск, 1979.
6. Ондар Б. К. Тувинская топонимия. Сопоставительный анализ топонимии Тувы с топонимией Южной Сибири и других тюркоязычных территорий. – Кызыл, 2008.
7. Боргояков М. И. Этюды по топонимике Хакасии // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. – Вып. XVIII. – Абакан, 1973. – С. 32-42.
8. Сунчугашев Р. Д. Словарь оронимов Хакасии (географические названия). – Абакан, 2001.
9. Ондар Б. К. Топонимический словарь Тувы. – Кызыл, 2007.
10. Филиппыч Е. Мал-хадариин. – Новосибирск, 1935.

РОЛЬ ХАКАССКОГО КНИЖНОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА В СОХРАНЕНИИ И РАЗВИТИИ ХАКАССКОГО ЯЗЫКА

Н. А. Толмашова

УДК 811.512.153

В статье рассматривается вклад Хакасского книжного издательства в сохранение и развитие хакасского языка. Национальное издательство, целью которого являлся выпуск учебников для хакасских школ, а также произведений хакасских писателей и поэтов, было создано 2 января 1931 года. В первые годы советской власти мир искусства и литературы были тесно связаны. Писатели, поэты, общественные деятели стояли у истоков создания Хакасского книжного издательства. Национальное издательство в 1960-1970-е гг. многое сделало для формирования и утверждения хакасской литературы. Именно в те года на хакасском языке были изданы переводы многих произведений классиков русской и зарубежной литературы. Через оригинальную и переводную литературу продолжает сохраняться и развиваться словарный фонд хакасского языка. Хакасское книжное издательство с самого момента своего основания вносило и продолжает сегодня вносить большой вклад в дело сохранения и развития хакасского языка и народа в виде выпуска научной, учебной литературы, доведения до читателя печатным словом знаний, многовекового опыта хакасского народа, отраженного в языке.

Ключевые слова: хакасский язык, развитие хакасского языка, учебники хакасского языка, научная литература, переводная литература.

История издательства тесно связана с историей страны. И ее условно можно разделить на два этапа: советский и постсоветский.

Национальное издательство, целью которого являлся выпуск учебников для хакасских школ, а также произведений хакасских писателей и поэтов, было создано 2 января 1931 года. Первые книги на хакасском языке начали издаваться в 1926 году в Минусинске, Новосибирске, Москве. Своего издательства и типографии в Хакасии не было. Изданием национальной литературы в 1926-1930-е гг. занималась литературно-издательская коллегия (И. Киштеев, А. Кузургашев, М. Спирин, М. Торосов, П. Гедымин-Тюдешева).

В 1931 году 2 января Западно-Сибирский краевой комитет ВКП(б) принял постановление об образовании при президиуме Хакасского облисполкома национального издательства. Заведующим национальным издательством и редактором газеты «Хызыл аал» был утвержден Михаил Спирин.

Переименования книжного издательства:

- Областное государственное издатель-

ство (ОГИЗ) (Постановление Западно-Сибирского краевого комитета ВКП(б) от 2 января 1931 г.) – январь 1931 г.

- Хакасское государственное издательство (Хакгиз) – 1940-е гг.

- Хакасское книжное издательство (Хаккнигоиздат) – дата неизвестна.

- Филиал Красноярского книжного издательства (Постановление бюро ЦК КПСС и Совета Министров РСФСР от 16.10.1963 г.).

- Хакасское отделение Красноярского книжного издательства – 1967 г.

- Хакасское книжное издательство исполкома Хакасской автономной области – 01.07.1991 г.

- Государственное предприятие «Хакасское книжное издательство «Айра» (Решение Абаканского городского Совета народных депутатов Хакасской ССР №400 от 20.11.1991).

- Республиканское государственное учреждение РХ «Хакасское книжное издательство» (Постановление Правительства Республики Хакасия от 20.11.2002. №303).

- Государственное бюджетное учрежде-

ние РХ «Хакасское книжное издательство» (Постановление Правительства Республики Хакасия от 06.05.2011№244).

В 1932 году уже во всех школах преподавание велось на родном языке (в 1933-1934 гг. издано на хакасском языке 24 учебника). С 1934 года особое внимание уделялось кадрам: увеличению количества авторов, переводчиков, редакторов в 2-3 раза. Все это стало фундаментом дальнейшего роста издательства (в 1926-1938 гг. вышло 276 названий).

В первые годы советской власти мир искусства и литература были тесно связаны друг с другом. Писатели, поэты, общественные деятели стояли у истоков создания Хакасского книжного издательства. 30-е гг. были результативными, но вместе с тем и траурными. Книгоиздательское дело понесло большой урон. Многие авторы учебников, писатели, переводчики подверглись репрессиям – в большинстве своем были расстреляны. Произведения репрессированных авторов и переводчиков были изъяты (перевод басен Крылова на хакасский язык был реабилитирован только в 2005 году). Творческий потенциал хакасской интеллигенции тех лет был восстановлен только в 1960-е годы. В 30-40-е годы – это время культурной революции – издается много литературы культурно-просветительского содержания (атеистическая, медицинская, сельскохозяйственная и т.д.).

В 1944 году были открыты Хакасский научно-исследовательский институт, Абаканский педагогический институт. Наблюдается рост издания научной литературы по истории, археологии, языкознанию. Со дня своего основания ученые ХакНИИЯЛИ были основными авторами учебников. Именно они создали «институт» редактирования: учили редакторов, корректоров, авторов учебных изданий работать с рукописями, с языком, словом. Нельзя не упомянуть национальную газету, кузницу национальных писателей-классиков (Балтыжаков, Чебодаев, Баинов, Нербышев и мн. др.), которые тесно сотрудничали с редакторами Хакасского книжного издательства и были большими помощниками в переводе новых терминов.

Национальное издательство в 1960-1970-

е гг. многое сделало для формирования и утверждения хакасской литературы. Изданы романы Н. Г. Доможакова «В далеком аале», М. И. Костякова «Шелковый пояс», К. Н. Нербышева «У синих утесов», произведения М. Е. Кильчичакова, М. Н. Чебодаева, М. Р. Баинова, В. Г. Майнашева, В. Г. Шулбаевой.

Именно в те года на хакасском языке были изданы переводы многих произведений классиков русской и зарубежной литературы – А. С. Пушкина, И. А. Крылова, А. П. Чехова, М. Горького, А. Барто, Г. Х. Андерсена и др.

В создании учебной литературы участие принимали ученые, методисты и опытные учителя. Признанными авторами учебной литературы стали доктор филологических наук В. Г. Карпов, кандидаты филологических наук Д. И. Чанков, В. Е. Майногашева, А. Г. Кызласова, Д. Ф. Патачакова, О. В. Субракова, О. П. Анжиганова, М. П. Боргоякова и многие другие, учителя-методисты У. Н. Кирбижекова, А. Ф. Троякова, А. Ф. Алахтаева, Е. М. Сагалакова.

Издательством выпущено более 30 томов «Ученых записок», научных работ сотрудников ХакНИИЯЛИ, высших учебных заведений.

С 1989 по 1990 гг. книжным издательством издано 80 названий книг общим тиражом около 300 тысяч экземпляров. С 1991 по 1995 гг. – более 150 названий тиражом около 650 тысяч экземпляров. Повысилось и качество изданий. Учебники, особенно для младших классов, издавались в многокрасочном полиграфическом исполнении, на двух языках – хакасском и русском.

На издание всей национальной литературы до 1990-х годов выделялись федеральные целевые финансовые средства. Это обеспечивало стабильность, материальное благополучие издательства. В годы перестройки издательство испытывает большие трудности, вплоть до банкротства, но в 2002 г. вновь начинает стабильно функционировать благодаря энтузиазму работников. В настоящее время это государственное бюджетное учреждение «Хакасское книжное издательство», учредитель – Правительство Республики Хакасия,

находится в структуре Министерства образования и науки РХ. Основные финансовые поступления идут из министерства (70%).

Издательство тесно сотрудничает с Министерством культуры Республики Хакасия, Домом литераторов Хакасии.

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории выпускает у нас научную литературу. За последние 5 лет издано около 45 научных работ, благодаря которым читатели знакомятся с хакасским языком, историей, культурой, литературой.

Сегодня издательство принимает меры по улучшению качества учебных изданий, отвечающих современным требованиям ФГОС. Основным приоритетным направлением деятельности издательства в 2012-2013 годах стала подготовка учебников «Хакасский язык» и «Литературное чтение» (1-11 кл.) к прохождению федеральной экспертизы и вхождению в федеральный перечень учебников, рекомендованных к использованию в образовательном процессе. Все учебники, согласно приказу Министерства образования и науки РФ от 23 апреля 2010 года № 428, были своевременно подготовлены. Экспертиза учебников включала в себя две оценки: педагогическую и научную. Экспертизу проводили Российская академия наук, которая проверяла учебники на соответствие содержания современным научным требованиям, и Российская академия образования, которая проверяла учебники на соответствие стандартам.

Есть опыт издания электронных учебных пособий, их актуальность состоит не только в практической значимости, но и в новизне методологии преподавания родного языка, под-

готовке будущих учителей хакасского языка и литературы.

Все учебники с 1 по 11 кл. достойно прошли экспертизы РАО и РАН, им присвоен гриф МОН РФ. Основными авторами стали ученые и методисты ХГУ им Н. Ф. Катанова (Чебодаева Л. И., Кызласова И. Л., Медведева М. А., Боргоякова М. П.), ХакНИИЯЛИ (Майнагашева Н. С., Челтыгмашева Л. В.), ХакИРОиПРО (Арчимаева М. С., Толмачева Н. Я., Балгазина А. Н., Мамышева Н. А., Толмачева Л. Н.), Хакасского книжного издательства (Толмашова Н. А., Султрекова З. И.), учителя хакасского языка и литературы (Султрекова Э. В., Чекурова Л. Л., Идимешева И. В. и др.).

Хакасское книжное издательство с 2008 года издает детские журналы «Тигір Хуры» (Радуга) и «Күнічек» (Солнышко) и художественный журнал «Инесай». Главные редакторы журналов Шулбаева В. Г., Топоев И. П., известные писатели и драматурги, в каждом номере знакомят своих читателей с молодыми и юными авторами, которые начинают писать на хакасском языке. Через оригинальную и переводную литературу продолжает сохраняться и развиваться словарный фонд хакасского языка.

Таким образом, Хакасское книжное издательство с самого момента своего основания вносило и продолжает сегодня вносить большой вклад в дело сохранения и развития хакасского языка и народа в виде выпуска научной, учебной литературы, доведения до читателя печатным словом знаний, многовекового опыта хакасского народа, отраженного в языке.

СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ И СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО *КҮРЕҢ* В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ

Т. Н. Тугужекова

УДК 811.512.153

В статье анализу подвергаются структурные, функциональные, семантические и прагматические особенности прилагательного *күрең* в хакасском языке. Лексема *күрең* принадлежит к одним из наиболее важных и частотных цветообозначений тюркских и монгольских языков. Анализ слова *күрең* проводится на основе примеров из текстов хакасской художественной литературы и лексикографических источников. В статье представлены результаты проведенной работы, которые могут быть полезны в дальнейших исследованиях.

Ключевые слова: **хакасский язык, структура, семантика, функция, прагматика, прилагательное *күрең*.**

Прилагательное *күрең* является главным словом, наиболее точно и полно репрезентирующим концепт «коричневый», в хакасском языке. Коричневый не принадлежит к основным цветам солнечного спектра и не играет существенной роли в цветовой символике, но он занимает важное место в окружающей человека действительности. Он относится к числу темных и ассоциируется в сознании с цветом земли, грязи, осени, осенней листвы, смещением огня, дыма, пепла и сажи [1, с. 943]. Лексема *күрең* относится к числу основных колоративов, входит в состав семантического поля цветообозначений в хакасском языке. Ее этимология точно не установлена, она есть в большинстве тюркских и монгольских языков [2, с. 110; 3]. В хакасоведении слово *күрең* не было предметом отдельного изучения, оно рассматривалось, наряду с другими колоративами, лишь в статье О. В. Субраковой [4].

Лексема *күрең* относится к числу многозначных слов хакасского языка [5; 6; 7; 8; 9], отличается высокими возможностями комбинаторики в современном хакасском языке. *Күрең*, обозначая важное понятие, связанное со цветовым ощущением человека, служит для характеристики различных предметов и явлений окружающего мира. Слово принадлежит к числу нейтральных лексических единиц, обладающих способностью употребляться практически в любом стиле речи. Это позволяет ему выполнять разные функции в

системе хакасского языка, вступать в многочисленные и разнообразные морфологические, синтаксические, словообразовательные, лексико-семантические связи с другими единицами языка.

Рассматриваемое слово относится к качественным прилагательным, занимает центральное место в составе лексико-семантической группы слов, объединенной понятием «коричневый». Качественные прилагательные могут вступать в сочетание со словами, относящимися к различным частям речи. Слово *күрең* может выступать в предложении в функции определения, обстоятельства и именного сказуемого. Другими членами предложения оно может выступать только в случае субстантивации. Прилагательное как определение не образует изафетного определительного сочетания. В этом одно из важнейших отличий имени прилагательного от имени существительного, выступающего определением к существительному [10, с. 83-84].

Ослабленное качество выражается путем прибавления к основе аффикса =*амзыл* (*күремзик* 'коричневатый'), =*май* (*күреңмей* 'с коричневым оттенком', 'светло-коричневый'), а также частицы *арах*. Усиленное качество выражается путем частичной редупликации основы с препозитивной частицей: *күп-күрең* 'очень коричневый', также путем повтора: *күрең-күрең*. Превосходная степень выражается путем сочетания прилагательного с препозитивными частицами *иң* 'самый',

тың и угаа ‘очень’, ‘весьма’.

В художественном тексте прилагательное *күрең* выполняет различные функции. Наибольшим количеством примеров в нашей картотеке представлена группа, в которой *күрең* выполняет функцию зависимого компонента, а основной член словосочетания выражен именем существительным. Они образуют атрибутивно-препозитивный тип словосочетания на основе примыкания со структурой $A+N$: *күрең өң* ‘коричневый цвет’, *күрең сыр* ‘коричневая краска’: *анаң сапчактың ахсын азыбысхан, андартын пуларга хайдаг-да күрең нимелер сыгарып пирчеткен* [Бурнаков 1987: 93]. Анализ лексического наполнения субстантивного элемента модели $A+N$ показал, что прилагательное вступает в сочетание с широким кругом существительных различных лексико-грамматических разрядов. Они будут более подробно рассмотрены ниже. Стержневой компонент часто выражен производным прилагательным с продуктивным аффиксом *=лыг*, при помощи которого образуются прилагательные обладания от основ существительных, в том числе и названий частей тела человека: *сырай* ‘лицо’, *сас* ‘волосы’, *харах* ‘глаза’, *хол* ‘рука’, *азах* ‘нога’ и т.п. Сложные образования со структурной схемой $A+A_1$ используются в функции определения существительных, связанных с выражением понятия «человек». Такие словосочетания, как правило, переводятся на русский язык сложными прилагательными или описательно: *күрең сырайлыг* ‘смуглолицый’, *күрең харахтыг* ‘кареглазый’, *күрең састыг* ‘с каштановыми волосами’ и т.п.

Прилагательное *күрең* принимает участие в образовании сложных глаголов путем сочетания имени прилагательного с вспомогательным, а иногда и с полнозначным глаголом. В названной функции *күрең* чаще других употребляется в сочетании с глаголом *пол=* ‘быть’, ‘стать, сделаться’ [5, с. 156]. При этом прилагательное *күрең* вместе с компонентом *пол* образуют сложные глаголы с семантикой имени [8, с. 176]. Прилагательное *күрең* остается без изменения в сложных образованиях со структурой $A+V$, в то время как глагол *пол=* может изменяться: *Пасха полчаң ма* –

хара пол, сарыг пол, күрең пол, көк харах пол? [Доможаков 1960: 90].

Күрең, выступая в качестве определения цветового прилагательного, выполняет функцию зависимого члена, а стержневой компонент выражен другим колоративом. Сложное слово этого типа имеет модель $A+A_2$. Семантика цветообозначения, используемого в качестве ведущего компонента, существенно влияет на семантику вновь образованного сложного прилагательного: *күрең хызыл* ‘темно-красный’; ‘темно-рыжий’, *күрең сарыг* ‘темно-желтый’, *күрең ноган* ‘коричнево-зеленый’, ‘хаки’. *Күрең* выполняет конкретизирующую функцию определяемого слова: *тайганың аразынаң кинетін не пір тигейі чалаас күрең-хызыл таг сыга салган* [Чебодаев 1967: 15].

Слово *күрең* способно выступать в качестве стержневого компонента, а функцию зависимого члена выполняет другое цветное прилагательное. Сложное прилагательное в данном случае имеет структурную модель A_2+A . Семантика колоратива *күрең* как ведущего компонента этой лексической единицы так же, как семантические особенности определения, оказывает значительное влияние на семантику вновь образованного сложного прилагательного: *хызыл күрең* ‘бордовый’, ‘красно-коричневый’, *порамзык күрең* ‘защитного цвета’, *хара күрең* ‘темно-коричневый’. Сравнительный анализ примеров употребления *күрең* в рассматриваемых сложных словах выявляет высокую частотность употребления этого слова в функции зависимого члена.

В своем основном номинативном значении рассматриваемое слово сочетается с существительными разнообразной семантики. Наиболее частотными являются сочетания *күрең* с существительными, называющими:

одежду и ее детали: *күрең кип* ‘коричневое пальто’, *күрең хып* ‘коричневая подкладка’: *Нартас ага хара өдіктіг, күрең таар киптіг, иңінде пистонныг мылтыхтыг полтыр* [Бурнаков 1977: 88];

обувь и ее части: *күрең маймах* ‘коричневая обувь’, *күрең өдік* ‘коричневые сапоги’;

кожу и изделия из кожи: *күрең теер* ‘коричневая кожа’, *күрең хаас* ‘коричневый ре-

мень’;

мех и изделия из меха: *күрең тон* ‘коричневая шуба’, *күрең пөрік* ‘коричневая шапка’;

ткани и изделия из ткани: *күрең торғы* ‘коричневый шелк’, *күрең хыл* ‘коричневая шерсть’, *күрең кілің* ‘коричневый бархат’;

предметы быта: *күрең сап* ‘коричневый черенок’, *күрең сара* ‘коричневый кувшин’;

мебель и ее части: *күрең орган* ‘коричневая кровать’, *күрең сірее* ‘коричневая скамейка’;

предметы внутреннего убранства: *күрең көзеге* ‘коричневая занавеска’, *күрең хып* ‘коричневый чехол’;

спальные принадлежности: *күрең чорган* ‘коричневое одеяло’, *күрең частых хыбы* ‘коричневая наволочка’;

строения и их части: *күрең сиден* ‘коричневый забор’, *күрең хыр* ‘коричневая крыша’;

растения и их части: *күрең хахпас* ‘коричневая кора’, *күрең агас чилеге* ‘коричневый корень дерева’;

горы, возвышенности: *күрең таг* ‘коричневая гора’, *күрең тасхыл* ‘коричневая высокая безлесная гора’;

земля, почва: *күрең тобырах* ‘коричневая земля’; ‘почва, грунт’: *Азахтары алтынаң көдірілген тозын күнге күрең полып турыбыстыр* [Топоев 1992: 32].

Вступая в сочетание с такими существительными, как *суғ* ‘вода’, ‘река’, *чул* ‘ручей’, *салгах* ‘волна’, прилагательное *күрең* реализует значение ‘мутный’. Очевидно, такое качество воды явилось причиной для наименования ручья и местности, где он протекает, именем *Күрең чул* (в таежной местности Аскизского района): *Ол миннең, өскен-төреен чиріңні көрерге сағынчам тіп, сурынганда, мин аны, ікі ат изерледіп алып, Оот чохтада Күрең чулзар, дояркаларнаң тоғастырағға ал чөргем* [Кильчичаков 1971: 10].

Анализ лексического наполнения субстантивного элемента наиболее частотной модели А+N показывает, что рассматриваемое прилагательное вступает в сочетание с широким кругом существительных различной семантики.

Слово *күрең* в сочетании с существительными, называющими животных, употребляет-

ся в значении ‘бурый’, характеризуя их масть и особенности окраса частей тела: *күрең чорға* ‘бурый иноходец’, *күрең инек* ‘бурая корова’, *күрең хузурух* ‘коричневый хвост’, *күрең чилін* ‘коричневая грива’.

В художественной литературе особенно часто используется сочетание прилагательного *күрең* с существительными, называющими представителей семейства лошадиных: *ат* ‘лошадь’, *чорға* ‘иноходец’, *пиш* ‘кобыла’, *асхыр* ‘жеребец’, *тай* ‘жеребенок’, *хулун* ‘жеребенок-сосунок’: *күрең пиш іргек күрең хулун агылган* [Доможаков 1960: 130]; *Өörde, харын, күрең асхыр пар* [Бурнаков 1987: 31]. Лексема *күрең* часто служит для характеристики особенности масти лошади, отличительными признаками которой является темно-рыжий цвет ее шерсти, черный хвост и такого же цвета грива.

При описании диких животных *күрең* наиболее часто встречается в сочетании с существительным *аба* ‘медведь’. Медведи характеризуются как самые крупные из современных хищных млекопитающих. Мех густой, с развитым подшерстком, относительно грубый; окраска от угольно-черной до беловато-лимонной; у некоторых на груди светлое пятно [11, с. 555-556]. Сложное образование *күрең аба* ‘бурый медведь’ служит для характеристики вида медведя. Бурые медведи обладают различной окраской – от темно-рыжей до черновато-коричневой. Для характеристики окраски меха бурых медведей в хакасском языке используются сложные прилагательные, в которых семантическим стержнем выступает лексема *күрең*, а зависимый компонент выражен прилагательным, называющим необходимый цвет: *Парып көрзе, сынап таа чоон хара күрең аба өзен түбінде чатча* [Сказки 1986: 11].

Рассматриваемые сложные прилагательные частотны как в художественном тексте, так и в разговорной речи, как правило, вступая в сочетание с существительными, называющими животных, при этом обращается внимание на особенности окраски их меха, масти. В контексте часто присутствуют лексические единицы, используемые для более детальной цветовой характеристики шерсти различных

животных. Иногда, когда речь идет об окраске меха, бывает трудно определить настоящий его цвет, как в примере, где мальчики спорят об окраске загнанного ими в нору зверька:

– *Хайдаг-да хызыл хоор аңыцах кире сүрібістібіс...* – *хостым мин.*

– *Хызыл-күрең полган – тінче Сидір.*

– *Хоор ... – тібістім.*

– *Күрең – халбинча Сидір* [Пугочаков 1986: 169].

Анализируемая лексема широко используется при наименовании и характеристике различных видов птиц, имеющих бурое оперение: *күрең пөріктіг пора тубайах* ‘буроголовый зяблик’.

Обращает на себя внимание существительное *хайлах* ‘чайка’, которое служит общим названием для всех видов чаек в хакасском языке. Чайки широко распространены в природе. Окраска их оперения сходна у самцов и самок, но сильно меняется в зависимости от возраста и сезона. Окончательный наряд приобретает лишь на третий-четвертый год. В окраске преобладают белый, серый и черный цвета [12, с. 12]. Чайки тесно связаны с водой, и живут на берегах морей, рек и озер. На территории Хакасии имеется большое количество крупных и малых озер, сосредоточенных в высокогорном и степном поясах. Очевидно, поэтому здесь чаще встречается озерная чайка, которую хакасы называют *күрең настыг хайлах* ‘буроголовая чайка’ [13, с. 198].

Привлекает к себе интерес сочетание прилагательного *күрең* с существительным *хусхун* ‘ворон’ в примере: *Ікі харындас иртен турзалар, хуу көзөде күрең хусхун одырча* [Сказки 1984: 12]. Ворон повсеместно встречается на всей территории Хакасии. Окраска этой птицы черная с синим или зеленым металлическим отливом. Близким к нему видом является пустынный ворон, имеющий коричневатую окраску. Местом его обитания являются пустыни Средней Азии [14, с. 360-361]. Возможно, именно об этом виде воронов идет речь в приведенном выше примере.

Таким образом, прилагательное *күрең* часто используется для характеристики представителей животного мира, при описании

окраски их меха или оперения, а также при определении их возраста, принадлежности к определенному виду, семейству и даже отнесения их к месту обитания.

Собранный материал выявляет интересные особенности употребления рассматриваемого слова с существительными, называющими человека. Чаще других встречаются сочетания *күрең* с существительными *кізі* ‘человек’, *ипчі* ‘женщина’, *ирен* ‘мужчина’, *оол* ‘парень’, *хыс* ‘девушка’, *пала* ‘ребенок’, *олганнар* ‘дети’ и т.п. Такие словосочетания используются для портретной характеристики личности, описания его внешности, при этом указывается на естественный цвет кожи. Наиболее часто эта лексема употребляется в сочетании с существительными, обозначающими видимые части тела человека, в сочетании с которыми оно употребляется в значении ‘смуглый’: *сырай* ‘лицо’, *мойын* ‘шея’, *чүс* ‘лицо’, *хол* ‘рука’, *азах* ‘нога’ и т.п.: *Табырах, күр пазыттыг, күрең сырайында аар, ир кізінің осхас, эктіг* [Казачинова 1979: 19]; *Күрең холын сунып, миннең изеннезін, ол күлімзіреп міні поэнаң хости одыртхан* [Чебодаев 1967: 44]. Очень частотное словосочетание *күрең сырайлыг* ‘смуглолицый’: *Көрімге ниме чох оол: ортымах сынныг, тегілек күрең сырайлыг* [Пугочаков 1986: 158]. Для передачи более темного оттенка смуглой кожи используется сложное прилагательное *хара-күрең*, семантическим центром которого выступает лексема *күрең*, а первый компонент выражен прилагательным *хара* ‘черный’, указывающим на более темный оттенок: *Пабазы аның хырында хара-күрең полган* [Тиников 1982: 45].

В семантической структуре прилагательного *күрең* может реализоваться значение ‘загорелый’, в сочетании с названиями человека, видимых частей тела, ср. фразеологические единицы, раскрывающие особенности загара персонажа: *күнге көйгерге* ‘загореть на солнце’: *Күнге көй парган күрең сырайында таң настыг күлімзірес пілдірче* [Халларов 1984: 83]; *күрең иде көй парарга* ‘очень сильно загореть на солнце’, синонимичные сложные образования: *пыс парарга* ‘сильно загореть на солнце’; *күрең иде пыс парарга* ‘очень сильно

загореть на солнце'; *кўнге-чилге кўй парарга* 'загореть, обветриться'.

Фразеологическая единица *кўнге-чилге кўй парарга* 'загореть, обветриться' служит для передачи качества признака, указывая на интенсивность приобретенного загара, полученного в результате совместных действий солнечных лучей и силы ветра на открытые участки человеческого тела, тем самым оказывая влияние на приобретение загара более темного цвета: *Марик улам на сiлiг, улам на кўрдек кўгiстiг, ах мойнычаа чылтырах кўрең иде ныс партыр* [Доможаков 1960: 321].

Слово *кўрең*, вступая в сочетание с существительным *харах* 'глаз', употребляется для характеристики цвета глаз описываемого человека, при этом происходит реализация значения 'карий': *Оңiн чiдiрiбiскен кўрең харахтары четха хази кўрчелер* [Тиников 1982: 160]. При характеристике человека прилагательное, как правило, употребляется в сочетании с другими лексическими единицами, которые своим содержанием способствуют описанию не только цветового признака этого органа, но и раскрытия его внутреннего состояния. Один из возможных способов выражения эмотивно-субъективной оценки реализуется в контексте с определенным составом лексических единиц, а именно сочетанием прилагательного *кўрең* с существительными, называющими глаза. Поскольку универсальным свойством глаза является способность не только видеть окружающий человека мир, но и выражать оттенки его эмоций и чувства: *Алаң ас парып, ол чагыннапчатхан набазының кiчицек хазыр кўрең харахтарының кўрiзiн хыйа ит полбин турган* [Топоев 1986: 113].

Часто автором особое внимание уделяется взгляду человека, который содержит в себе и передает различные состояния его души и настроения, раскрывающие переживаемые ими в процессе общения эмоции, способствующие собеседнику заметить и понять, казалось бы, неуловимые тончайшие мыслительные процессы, происходящие в человеческом сознании: *Оскен сыны пўзiк, сылагай, кўрең харахтарында ойнапчатхан харааны даа кўр салгадаг* [Казачинова 1979: 5]; *Кўрең ха-*

рахтары ла, нога аннаңар сурдың теен чiли, мўнiс тее нимес, а хайди-да сала хырыза арах чылтырап турғаннар [Карачаков 1986: 139].

Лексема *кўрең* часто вступает в сочетание с существительными, называющими волосяной покров человека: *сас* 'волосы', *кўмiске* 'брови', *кiрбiк* 'ресница', *сагал* 'борода', *кiрбiк сагал* 'усы' и т.п.: *Хысхацах кўрең састары ах сырайын салгахти иптiг чагалапча* [Халларов 1984: 134]; *Сазыңны, Нина, килiспес арах сырлап салтырзың. Пiске, кўрең кiзiлерге, сарыг сас чарабинча* [Шулбаева 1985: 152]; *Тайса кўрең хысхацах сазын сибiрек итiрiбiстiр* [Топоев 1992: 11]. При описании более темного цвета волос используются сложные прилагательные, первым компонентом которых выступают другие лексические единицы, уточняющие разные оттенки каштанового цвета: *Сўлбең сырайлыг, хара-кўрең састыг, погда даа нимес, ортымах ла сынныг оол, Александр Огнев чоохтаан* [Чебодаев 1967: 17].

Прилагательное *кўрең* может реализовать значение 'русый' и 'темно-русый', в сочетании с частицей *арах*, показывающей неполноту качества. Этим же целям могут служить производные *кўремзiк* и *кўреңмей*, передающие светлые оттенки коричневого цвета. В зависимости от контекста они могут переводиться на русский язык соотносительным прилагательным 'коричневатый', сложным словом 'светло-коричневый' и словосочетанием 'с коричневым оттенком'. В сочетании с существительным *сас* 'волосы' *кўремзiк* и *кўреңмей* употребляются в значении, которое может выступать в качестве эквивалента русскому прилагательному *русый*, а также *темно-русый*. Другим способом реализации этого значения в слове *кўрең* является его употребление в сочетании с частицей *арах* 'чуть-чуть'. И тогда сочетание *кўрең арах* может выступать в качестве синонима производным прилагательным *кўремзiк* и *кўреңмей*, как в следующем примере: *Ичемнiң сазы ла чигiрен полбаан, а хайдаг-да кўрең арах, че ах сырайлыг, кўк харахтыг* [Тиников 1982: 45]. Чтобы подчеркнуть еще большую степень ослабленного качества частица *арах* может быть использована в сочетании с производными прилагательными *кўремзiк* и *кўреңмей*, поскольку

между рассматриваемыми лексическими единицами существуют семантические связи [15, с. 22; 16].

Анализ языкового материала показывает, что прилагательное *күрең* вступает в синонимические отношения с другими словами, связанными с репрезентацией концепта «коричневый» в хакасском языке. Оно выступает доминантой этого синонимического ряда.

Прилагательное *күрең* является многозначным словом, проявляющим высокие возможности комбинаторики, поскольку относится к числу нейтральных лексических единиц основного словарного фонда, способных употребляться в различных стилях речи. Частотность функционирования этого слова дает ему возможность вступать в сочетание с другими единицами языка как на морфологическом, так и синтаксическом уровнях языковой системы. Оно принимает участие в образовании словосочетаний различных типов, выполняя функцию и стержневого, и зависимого компонента.

Эта лексема служит основой для образования производных и сложных слов. *Күрең*, вступая в сочетание с существительными, называющими человека, часто употребляется для характеристики его внешнего вида. При этом подчеркивается темный от загара или естественный для этого человека смуглый цвет кожи. Для передачи различных оттенков цвета глаз, волос, кожи человека, а также для характеристики окраски меха животных, оперения птиц, цвета различных представителей растительного мира, предметов и явлений природы в хакасском языке широко используются сложные прилагательные, первый компонент которых, как правило, выражен прилагательными, называющими различные цвета, а семантическим стержнем при этом выступает лексема *күрең*. Выступая в функции зависимого компонента в сложных образованиях, она выполняет конкретизирующую функцию, служит в качестве уточнителя основного цвета.

Литература

1. Истомина Н. А. Энциклопедический словарь символов. – М., 2003.
2. Сыдыков С. Тюрко-монгольские параллели // Источники формирования тюркских языков Средней Азии и Южной Сибири. – Фрунзе, 1966. – С. 110-229.
3. Майзина А. Н. Семантическое поле цветообозначений в алтайском языке (в сопоставлении с монгольским языком). – Горно-Алтайск, 2008.
4. Субракова О. В. Система цветообозначений в хакасском языке // Ежегодник ИСАТ ХГУ им. Н. Ф. Катанова. – Вып. IX. 2005. – С. 36-38.
5. Баскаков Н. А., Инкижекова-Грекул А. И. Хакасско-русский словарь. – М., 1953.
6. Русско-хакасский словарь / Под ред. Д. И. Чанкова. – М., 1961.
7. Патачакова Д. Ф., Сагалакова Е. М., Торбостаева А. И. Хакасско-русский словарь. – Абакан, 1994.
8. Хакасско-русский словарь / Под общ. ред. О. В. Субраковой. – Новосибирск, 2006.
9. Русско-хакасский словарь для школьников. – Абакан, 2014.
10. Грамматика хакасского языка / Под ред. проф. Н. А. Баскакова. – М., 1975.
11. Верещагин Н. К. Медведи // Большая советская энциклопедия / Под ред. А. М. Прохорова. – М., 1974. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=106146&p=13> (Дата обращения: 20.08.18).
12. Иванов А. И. Чайки // Большая советская энциклопедия. Т. 29 / Под ред. А. М. Прохорова. – М., 1978.
13. Прокофьев С. М. Природа Хакасии. – Абакан, 1993.
14. Дементьев Г. П. Ворон // Большая советская энциклопедия. Т. 5 / Под ред. А. М. Прохорова. – М., 1974.
15. Тараканова И. М. Словообразование имен существительных в хакасском языке. – Абакан, 2008.
16. Тараканова (Чебочакова) И. М. Диминутивы в хакасском языке. – Абакан, 2011.

Условные сокращения

- Бурнаков Ф. Т. Небесный огонь. – Абакан, 1977.
 Бурнаков Ф. Т. Мой друг сивка. – Абакан, 1987.
 Доможаков Н. Г. Ыраххы аалда. – Абакан, 1960.
 Казачинова. Г. Г. Той. – Абакан, 1979.
 Карачаков С. Тоғазығ // Иртенгі тан. – Абакан, 1986.
 Кильчичаков М. Е. Ленин төстеен чон үлүзі // Ах Тасхыл. – Абакан, 1971.
 Пугочаков Н. Мукул // Иртенгі тан. – Абакан, 1986.
 Хакасские народные сказки / Сост. В. И. Доможаков. – Абакан, 1986.
 Тиников Н. Е. Кавристің көглері. – Абакан, 1977.
 Тиников Н. Е. Тіріг кізі өлбечен. – Абакан, 1982.
 Топоев И. П. Кізі палазы // Иртенгі тан. – Абакан, 1986.
 Топоев И. П. Туғаннар. – Абакан, 1992.
 Халларов А. А. Акай. – Абакан, 1984с.
 Хара паар / Сост. П. А. Трояков. – Абакан, 1970.
 Чебодаев М. Н. Курганная степь. – Абакан, 1967.
 Шулбаева В. Г. Недопетая песня. – Абакан, 1985.

СӨСТЕРДЕНЕР ЧООХ: КІЗІ ПҮДІЗІН ТАНЫХТАПЧАТХАН СӨСТЕР

И. М. Чебочакова

УДК 81.362

В статье рассматриваются особенности производных слов, образованных от основ соматизмов. Большую роль в развитии этой группы слов сыграл принцип антропоморфизма, уподобления окружающего мира, его объектов телу человека, основанный на семантическом переносе. Метафорический перенос является не только источником образной речи, но и источником новых значений, а также, в случае сильного расхождения с исконным значением в результате развития языка – фактором появления новой производной единицы. В результате анализа словообразовательных гнезд, вершинами которых являются слова, называющие части тела человека, выявлены типы производных слов, образованные посредством антропоморфной метафоры. Наиболее часто человеку уподоблялась гора, названия ее частей, типов возникли на основе соматизмов. Также соматизмы пополняли состав других частей речи, в частности, послелогов и местоимений. Для сравнения привлекаются примеры реализации зооморфной метафоры в производных единицах хакасского языка и в текстах художественной литературы. Имеющиеся примеры показывают возможность образования производных слов от значений многозначных слов.

Ключевые слова: хакасский язык, словообразование, словообразовательное гнездо, производность, семантический перенос, соматизмы, антропоморфизм, наивная картина мира.

Пирілчеткен статьяның пөгіні – кизі пүдизін таныхтапчатхан сөстернің сөс пүдіриндегі тоғызын көре, тілдегі, аның лексика-грамматика тилизіндегі тиксі ондайларын көзідері. Пу пөгін толдырар үчүн хакас-орыс сөстігінең 80-ча сөс чыылған, прай олар кизінің ит-ханын, пүдизін таныхтапчалар [1]. Пүткен сөс уйалары (словообразовательные гнезда) пүдірілгеннер паза оларның аразындағы теелістер таныхталғаннар. Прай иділген салтарлар пір статьяда пиріл полбастар, аннаңар хысхачахти өөн ондайлардаңар пас пирерге итчем. Пүткен сөстер аразындағы палғалыстардаңар, тузалары паза сөс пүдірчең ондайларынаңар пасха статьяда хығырып аларға чарир [2].

Кизі пүдизін таныхтапчатхан сөстернің аразында хай-пиреелері көп тузалыг пол парғаннар, ибіркі нимелерні, кизее метафора хоостыра төйлеп (ат көзіріп), таныхтап сыханнар. Андағ ондайнаң адапчатханын наукада антропоморфизм (гректинаң: кизі + пүдіс, форма) ондайын чили пілчелер. Пу принцип хоостыра кизее төйй иде көрчелер кизі полбинчатхан ибіркі тіріг паза тіріг нимес ниме-но-

оларны: аң-хустарны, малларны, ағастарны, өзімнерні паза пасха даа нимелерні [3, с. 30]. Итсе, хакас чонның киртінізі хоостыра, ибіркі чир-чайаан прай даа тіріг полча, прай нимелернің эелері пар. Аннаңар даа чон сағызы прай нимені тірілдірчең, ныхахтарда аны іле сизінерге чарир. Хакас тілденер наукада пу хыныг сурыг тирең істезілбеен, ол поэзияның істезігчилерін сағыпча тирге чарир.

Семантика көзірістері (семантика переностары, оларға метафора, метонимия, синекдоха кірчелер), наа тузалар (значениелер) паза сөстер пүдіріп, полған на тілнің сөстіг пайын иледе пайытчалар [4, с. 296; 5]. Че алынча тілдерде олар пос ондайынча тиліпчелер. Көзідімге, орыс тілінде, терминологиясында, удаа наа сөстер метафора паза метонимия хоостыра пүткеннер паза пүтчелер. Хоа кічиглес хозымы (уменьшительный аффикс) киректелче. Көзідімнер алылғаннар орыс тілінің чарыдыглыг сөстігінең [6]:

ТЕЛО 1. Отдельный предмет в пространстве, а также часть пространства, заполненная материей, каким-н. веществом или ограниченная замкнутой поверхностью. *Твёрдое*

т. 2. Организм человека или животного в его внешних, физических формах. *Части тела*. 3. Часть этого организма, исключая голову и конечности, туловище. *Массаж тела*. 4. Основная часть, корпус чего–н. (спец.). *Т. орудия* (ствол). ТЕЛЫЦЕ 1. см. тело. 2. обычно мн. Небольшое образование в составе живой ткани человека и животного. *Красные кровяные тельца* (прежнее название эритроцитов). *Белые кровяные тельца* (прежнее название лейкоцитов).

Хакас тіліне айланза, хакас чоны, тағларны, оларның алынча көрімнерін паза чардыхтарын кізее төй көрчең. Таныхтирға кирек, алтай паза тыва чоннары тағларны ідөк кізее төйлеңер. Аннаңар Сибирьдегі чоннары істескен этнографтар пасханнар. Кізі пүдізі мифической хантигирның хоозын чайирға иң килістіре көзідім пол партыр, кізее иң іле тағ төйлеңен [7, с. 9]. Р. Д. Сунчугашев, тіл материалына төстеніп, аны монографиясында көзіт салған: *тил, харых, төс, тигей, тунчух, сын, хабырға* сөстер тағларнаң палғалыстығ пол парғаннар [8]. Тағлар удур-төдір аалласчаңнар, алысчаңнар, ыырлас таа парчаңнарын иргі кип-чоохтардаң даа пілчебіс [7].

Алынча таныхтирға кирек, хакас чоны кізіні пасха тіріг ниее төй көрчеңох, көзідімге алза, мал-хусха. Пу ниее зооморфнай метафора тіп адалча. Пүткен сөстер аразында пу принцип хоостыра таапчабыс мындағ сөс-пүдістер: хадыл сөс *хузурух сөдгі* (хузурух – ол кізіде чох, мал-хуста пар ниее), төй арах тузалығ фразеологизмнер *хузурухха түзерге* ‘хооп чөреге’ (кізінің хузуруғы пар, ағаа түзерге чарапча тіп тиңнестіріг), *хузурух поларға* ‘кемнің де соонча чөреге’ (хузурух чіли, соонда полып, хададаң хада чөреге, мында хооп чөрчеткен кізі позы хузурухнаң тиңнестірілче). Мүүстер пары чонда пірее кізінің тудысха ондайынаң палғалысчаң: «Мүүс өзібіскен ‘драчуном стал (обычно о детях)’ (букв. ‘рог вырос’); *мүүзің сындыртарзың!* ‘пообломают тебе рога (утихомирят)’» [1, с. 260]. Іле көрінче, чон удаа тудысчатхан олғанны-кізіні пуғанаң тиңнестірчең. Мүүс тудыс-хабысха иң килістіре тиріг саналчаң одыр. Ідөк кізі хусха төйлеңең, көзідімге алза, мындағ сөс тапхабыс: *ханат=тан=арға* ‘улуғсырхирға, ирті-

нерге, көдіре сабарға’, ‘ниее де итчең көнні пол килерге’, иділіс (глагол) *ханат* төстіктен пүткен, ханат, хайди пілчебіс, кізіде чох ниее. Паза көзідімнер: фразеологизмнер *ханат кизерге* ‘пос күзіне киртінмес иде идерге’, *ханат түзірерге* ‘сидіктерге пирінерге’. Хайди көрчебіс, пу сөс-фразеологизмнерде кізінің ханат парынаңар, аны көдірчеткен паза күс пирчеткен ниее-ноонаң тиңнестірілчеткен сағыс таныхтал парған.

Таныхтирға кирек, олаңай паза хоос чоохта кізіні кізі полбинчатхан тіріг ниеелернің аттарынаң адабохчалар. Көні көзірістіг тузаланыстар тиңнестіріге пирчебіс: *Сала аттырт салбаан ноза күчүгеске* (КН 1983, 71); *Пычон улуг ачыгда сыххан*. «*Пу күчүгестерні чітіг китир кирек*» (НД 1987, 179); *Асан (ниее салбин)*. *Че-е, Маниттің көйтігези парох па*. *Мин аны амыр аңычых итчем* (ВШ 1985, 11); *Іңеме, пабама чой түлгүчек полча* (КН 1983, 151); *Петяа, минің апсаама, мин ээ-чурты чох чир ибіре күлеттеп чөрчеткен хоосхачых полгам* (АТ40, 55). Пирілген көзідімнерде авторлар кізіні, мал-хус, аң-хус аттарынаң адапчалар. Мындағ тузаланыс авторның матырына хайчатханын алай матырларның удур-төдір хайысчатханнарын паза хайдағ-да пасхачыл ондайларын көзіт пирерге полысча. Іди зооморфизм ондайы хоос тексттерде тоғыныбохча, авторның сағызын таныхтирға киректелче. Хоа, зооморфизм ондайы көні адағларда ла тоғынминча, хоа ол иділістер сылтаанда даа тоғынча, көзідімге, аң на сығарчатхан үнни таныхтапчатхан иділіс кізее теелчетсе.

Ідөк метафора ондайынаң пүткен сөстер адалыстар ла полбинчалар. Антропоморфизм ондайына төстене пасха даа чоох чардыхтары тилееннер. Хай-пірее сөстер полызығлығ чоох чардыхтарының (последлогтарның) санына кір парып, орыннарны таныхтап сыхханнар: *пас* (*аал пазы, суг пазы*), *азах* (*аал азаа, суг азаа*), *соо* (*хаңаа соо*), *істі* (*стол істі, тура істі*), *төс* (*иб төзі*), *хас* (*суг хазы, чол хазы, хас* пастап көміскені таныхтаан, көміске моол тілінең алылған сөс полча). Андағох ондайынаң пүткеннер *көзіне* (*харах көзіне, көс ‘харах’*), *пурун* ‘алында’ (*пурун ‘тумзух’*), *соң* (*соонда, соонаң, соң ‘кисті’*).

Наречиелерге, орындыларга (местоимениелерге) кірген сөстер парох полтыр. Көзідімге алза, *алын* сөс пүүн алындағы чардыхты таныхтапча. Хачан-да ол хамахты таныхтаан, соонаң послелогтар паза наречиелер санына кір партыр. Піс тіпчебіс: *тура алнына агылганнар, кізі алнынча чүгүрче, алында-пурунда, алнынзар ирт*. Че огуз тілдерінде пу сөс ам даа хамахты таныхтапча [9, с. 46].

Пос сөсті пүүн местоимение чили пілчебістер (*мин позым, позың иткезиң, посха кирек ниме*). Пурунғы тюрк тілінің сөстігінде *bod* ‘ит-хан’ сөс таапчабыс [10]. Хакас тілін тюркологтар «сығырчатхан тілдер» санына кирчеткенде, *bod* сөске килістіре сөс *пос* полча. Хайди көрчебіс, пу сөс ідөк кізі идін таныхтаан полтыр.

Тіл сурыгларын істесчеткеннернің көрістері хоостыра, тілде чон хайди чуртаанын, ибіркідеңер ниме сағынғанын көріп аларға чарир. Агаа хоза, чонның менталитедін, кибірлерін, үгредіг-моральын, постаңар паза ибіркідеңер ниме сағынғанын, тилекейге хайди хайғанын іле сығарарға чарир. Аның үчүн лингвистикада метафора ондайынаң термин пүткен. Орыс тілінең чоохтаза, ол «языковая картина мира» [11; 12], хакас тіліне аны «тилекейнің тілдегі хоозы» тілбестирге чарир. Пасха сөстернең, полған на чон муңар чыл позының тілінде ибіркінің-тилекейнің хоозын хоостаан. Аның үчүн полған на чонның позының хоозы пар. Оларны наука саринаң үгрENZE, хыныг нимелерге учурап парарға чарир.

Улуғларыбыстың сағыстары хоостыра, тилекей, прай ибіркі ниме, сөстер, сағыстар тіріг полча. Прай пу пирілген сөстер паза көп істезіге тартылбаан сөстер хакас чонның хачан-да ибіркі чир-чайаанны паза тилекейні, кізі пүдізін көзідім чили алып, оңнаанын көзітчелер. Тілібісте, сөстерде хакастарның пурунғы сағыстарының істері халып одырғаннар. Иди чонның тілі тилеен, чоох чардыхтарына наа сөстер кіріп одырғаннар. Аннаңар тілібістің іле паза іле нимес, чазыт пайын, чонның сағыстарын хайраллирға кирек.

Литература

1. Анжиганова О. П., Баскаков Н. А., Боргояков М. И., Инкижекова-Грекул А. И., Патачакова Д. Ф., Субракова О. В., Белоглазов П. Е., Каскаракова З. Е., Кызласов А. С., Сунчугашев Р. Д., Чертыкова М. Д. Хакасско-русский словарь. – Новосибирск, 2006.
2. Чебочакова И. М. Соматизмы как база для словообразования в хакасском языке // Сибирский филологический журнал. – № 4. – 2017. – С. 271-281.
3. Философский энциклопедический словарь. – М., 1983.
4. Арутюнова Н. Д. Метафора // Большой энциклопедический словарь. Языкознание. – М., 2001. – С. 296-297.
5. Арутюнова Н. Д. Метонимия // Большой энциклопедический словарь. Языкознание. – М., 2001. – С. 300-301.
6. URL: <https://slovarozhegova.ru/>. (Дата обращения: 01.08.2018).
7. Львова Э. Л., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М., Усманова М. С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество. – Новосибирск, 1989.
8. Сунчугашев Р. Д. Топонимия Хакасии. – Абакан, 2009.
9. Баскаков А. Н., Голубева Н. П., Кямилаева А. А., Любимов К. М., Салимзянова Ф. А., Юсипова Р. Р. Большой турецко-русский словарь. – М., 1998.
10. Надеяев В. М., Насилов Д. М., Тенишев Э. Р., Щербак А. М. Древнетюркский словарь. – Л., 1969.
11. Кубрякова Е. С. Теория номинации и словообразование. – М., 2012.
12. Тенишев Э. Р., Благова Г. Ф., Добродомов И. Г., Дыбо А. В., Кормушин И. В., Мудрак О. А., Мусавев К. М., Насилов Д. М., Норманская Ю. В., Тадинова Р. А., Эмба З. Н. Сравнительно-историческая грамматика: Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. – М., 2006.

О РАБОТЕ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИИ ПРИ МИНИСТЕРСТВЕ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ В 2017 ГОДУ

И. М. Чебочакова

УДК 811.512.153

Цель статьи – описание деятельности Терминологической комиссии при Министерстве образования и науки Республики Хакасия в 2017 году. Отмечается, что членами этой комиссии проводились научно-прикладной, экспертно-рекомендательный, информационный виды работ. Обсуждались новые термины, представленные в работе «Русско-хакасский словарь учебно-методических терминов» А. Н. Балгазиной. Проводилась проверка правильности употребления хакасского языка в текстах фасадных вывесок в селе Таштып Республики Хакасия. По ее итогам были подготовлены рекомендации для администрации сельсовета. Также были подготовлены и утверждены перечень наименований органов государственной власти Республики Хакасия на хакасском языке и образцы основных бланков исполнительных органов государственной власти Республики Хакасия (угловой вариант расположения реквизитов) на двух государственных языках, готовились ответы на обращения ответственных лиц и граждан по проблемам хакасского языка и оказания содействия в переводах на хакасский язык. Терминологическая комиссия продолжает выполнять возложенные на нее функции консультативно-совещательного органа для обсуждения и принятия согласованного решения о проблемах развития хакасского языка. Принятые решения и разработанные ею рекомендации содействуют в определенной мере внедрению в жизнь общества хакасского как второго государственного языка в республике.

Ключевые слова: хакасский литературный язык, Терминологическая комиссия, терминотворчество, наименование, терминологические словари, обогащение литературного языка, переводы.

Целью настоящей статьи является освещение основных аспектов деятельности Терминологической комиссии при Министерстве образования и науки Республики Хакасия (далее: Терминологическая комиссия) в 2017 году.

Терминологическая комиссия была создана в 2004 году Министерством образования и науки Республики Хакасия как консультативно-совещательный орган для обсуждения и принятия согласованного решения по проблемам развития хакасского языка. В нее входят «представители Министерства образования и науки Республики Хакасия, научных и образовательных учреждений (ХакНИИЯЛИ, ХГУ им. Н. Ф. Катанова, ХакИРОиПРО), Хакасского книжного издательства, общественных объединений (Союз писателей Республики Хакасия), средств массовой информации (республиканской газеты на хакасском языке

«Хабар», ГТРК РХ). Все члены Комиссии блестяще владеют хакасским языком, являясь как учеными, изучающими хакасский язык в качестве объекта исследования, так и практиками, использующими его как орудие своей профессиональной деятельности» [1, с. 74-75]. Заседания проводятся один раз в квартал.

В 2017 году Терминологическая комиссия в соответствии с планом работы на год в основном выполняла научно-прикладную работу, а также готовила рекомендации по правильному использованию хакасского языка. Было продолжено обсуждение работы «Русско-хакасский словарь учебно-методических терминов» (автор словаря – член Терминологической комиссии, старший научный сотрудник кафедры поликультурного образования, к.пед.н. А. Н. Балгазина). Данный труд является первым опытом словарей такого типа в хакасском языкознании и методике и весьма

актуальным для учебного процесса в школе и вузе в связи с необходимостью переводческой работы. Он включает в себя 311 термин. Словарь имеет важное научное значение для развития хакасского языка, поскольку в его конечный вариант войдут новые хакасские термины, которые обогатят словарный состав литературного языка. Также он будет полезен для учителей хакасского языка, которые смогут использовать его в своей работе.

Автор словаря А. Н. Балгазина определила перечень-минимум, состоящий из учебно-методических терминов, тематически связанных с Федеральными государственными образовательными стандартами, и подготовила первый вариант словаря.

Он вначале был представлен на рассмотрение научных сотрудников сектора языка ХакНИИЯЛИ, и после внесения ими замечаний второй, исправленный, вариант словаря был вынесен на обсуждение членов Терминологической комиссии. По их рекомендации – дополнительно подключить к работе над словарем лингвиста и методиста – соавторами словаря стали старший научный сотрудник сектора языка ХакНИИЯЛИ, кандидат филологических наук З. Е. Каскаракова и методист Хакасского книжного издательства, кандидат педагогических наук М. П. Боргоякова. Были рассмотрены как сами термины с точки зрения смысловой адекватности русско-хакасского перевода, так и словарные статьи. В результате обсуждения было утверждено 270 словарных единиц, 41 единица нуждается в дополнительной исследовательской работе, по этой причине работа по «Русско-хакасскому словарю учебно-методических терминов» продолжается в 2018 г.

Также Терминологической комиссией при Министерстве образования и науки Республики Хакасия и отделом национального образования Министерства образования и науки Республики Хакасия 24 октября 2017 года был проведен мониторинг грамотности текстов фасадных вывесок на хакасском языке, принадлежащих государственным бюджетным учреждениям, расположенным в селе Таштып Таштыпского района Республики Хакасия. Фасадные вывески были сфотогра-

фированы и проанализированы с точки зрения правильности использования хакасского языка. Результаты поездки в село Таштып были представлены 09.11.2017 на заседании Терминологической комиссии при МОН РХ, на котором было принято решение – подготовить рекомендации о правильном использовании хакасского языка на фасадных вывесках организаций Таштыпского сельсовета Таштыпского района Республики Хакасия и направить их в районную администрацию.

В результате проведенного анализа были выявлены ошибки разного типа и разработаны рекомендации для устранения ошибок в текстах фасадных вывесок на хакасском языке (ошибки и правильное употребление выделены подчеркиванием, примеры – курсивом, переводы на хакасский язык даны в марровских кавычках, принадлежность вывесок конкретным организациям указана в письме):

1. Выявлены орфографические ошибки:

использование одной буквы а вместо двух в слове *айманча* ‘по району’, лишнее а в слове *Ленина*;

использование *i* вместо *e* (*чичиме* ‘суббота’ вместо *чечиме*);

пропущена буква *c* в слове *у[с]таг-пастаа* ‘администрация’;

неправильная передача хакасских знаков знаками латиницы и кириллицы (*тогыс* вместо *тогыс*, *тыназ* вместо *тыназ*, *хазых хайраллачан* вместо *хазых хайраллачаң*), *Таштып аймааның* вместо *Таштып аймааның*, *Чазынзы аптека Тас тып аал* вместо *Чагынхы аптека Тастып аал*;

слитное написание определения и определяемого: *Таштыпаймагының пөлли* (необходимо писать: *Таштып аймагының пөлли*);

заключение в скобки главного слова в сочетании *ГИБДД (пөлли)*.

2. Выявлены грамматические ошибки:

неправильный порядок слов, искажающий смысл перевода: сочетание *Хазна Федерациязының унитарнай «Почта России» предприятиези* переводится буквально как *Унитарное «Почта России» предприятие Государственной Федерации*, в то время как перевод должен соответствовать содержательно названию *Федеральное государственное уни-*

тарное предприятие «Почта России»;

постановка зависимого слова в сложном названии на место главного: *Муниципальной учреждение культураның* вместо *муниципальной культуры учреждениязі*.

3. Несоответствие перевода информации, данной на русском языке.

4. Несоответствие информации в текстах на русском и хакасском языках, например, на русскоязычной вывеске указаны часы работы в субботу с 9 до 15 ч., а в хакасском тексте – с 8 до 18 ч.

5. В фасадной вывеске на хакасском языке нет полного перевода с русского языка.

6. Использование русского слова при наличии хакасского: *управлениезі* вместо *устаа*, *избирательнай* вместо *табыг* ‘избирательный’, ‘выборы’, *район* вместо *аймаа*, *администрация* вместо *устаг-настаа*.

Также в 2017 году Терминологическая комиссия утвердила перечень наименований органов государственной власти Республики Хакасия на хакасском языке и образцы основных бланков для них (угловой вариант расположения реквизитов) на двух государственных языках.

Этот вид работы проводился в связи с письмом правительства Республики Хакасия от 11.10.2017 № ВК-2222 о необходимости оформления угловых штампов на бланках документов на двух государственных языках Республики Хакасия. Как известно, государственными языками в субъекте являются русский и хакасский языки, и таким образом документ способствовал дальнейшему продвижению хакасского языка, расширению его использования в официально-деловом стиле.

Перечень наименований органов государственной власти Республики Хакасия на хакасском языке

1. Министерство финансов Республики Хакасия – ХАКАС РЕСПУБЛИКАНЫҢ ФИНАНСТАР МИНИСТЕРСТВОЗЫ;

2. Министерство экономического развития Республики Хакасия – ХАКАС РЕСПУБЛИКАНЫҢ ЭКОНОМИКА ТИЛІЗІ МИНИСТЕРСТВОЗЫ;

3. Министерство сельского хозяйства и

продовольствия Республики Хакасия – ХАКАС РЕСПУБЛИКАНЫҢ ААЛ-ХОНИИ ПАЗА АС-ТАМАХ МИНИСТЕРСТВОЗЫ;

4. Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства Республики Хакасия – ХАКАС РЕСПУБЛИКАНЫҢ ПЎДҮРІГ ПАЗА ЧУРТ-КОММУНАЛЬНАЙ ХОНЫХ МИНИСТЕРСТВОЗЫ;

5. Министерство транспорта и дорожного хозяйства Республики Хакасия – ХАКАС РЕСПУБЛИКАНЫҢ ТРАНСПОРТ ПАЗА ЧОЛ ХОНИИ МИНИСТЕРСТВОЗЫ;

6. Министерство национальной и территориальной политики Республики Хакасия – ХАКАС РЕСПУБЛИКАНЫҢ НАЦИОНАЛЬНАЙ ПАЗА ТЕРРИТОРИАЛЬНАЙ ПОЛИТИКА МИНИСТЕРСТВОЗЫ;

7. Министерство образования и науки Республики Хакасия – ХАКАС РЕСПУБЛИКАНЫҢ ҮГРЕДІГ ПАЗА НАУКА МИНИСТЕРСТВОЗЫ;

8. Министерство здравоохранения Республики Хакасия – ХАКАС РЕСПУБЛИКАНЫҢ ХАЗЫХ ХАЙРАЛЛАЧАҢ МИНИСТЕРСТВОЗЫ;

9. Министерство социальной защиты Республики Хакасия – ХАКАС РЕСПУБЛИКАНЫҢ СОЦИАЛЬНАЙ АРАЧЫЛАНЫС МИНИСТЕРСТВОЗЫ;

10. Министерство культуры Республики Хакасия – ХАКАС РЕСПУБЛИКАНЫҢ КУЛЬТУРА МИНИСТЕРСТВОЗЫ;

11. Министерство спорта Республики Хакасия – ХАКАС РЕСПУБЛИКАНЫҢ СПОРТ МИНИСТЕРСТВОЗЫ;

12. Министерство природных ресурсов и экологии Республики Хакасия – ХАКАС РЕСПУБЛИКАНЫҢ ЧИР-ЧАЙААН ИС-ПАЙЫ ПАЗА ЭКОЛОГИЯ МИНИСТЕРСТВОЗЫ;

13. Министерство имущественных и земельных отношений Республики Хакасия – ХАКАС РЕСПУБЛИКАНЫҢ ИС-ПАЙ ПАЗА ЧИР ХАЙЫЗЫҒЛАРЫ МИНИСТЕРСТВОЗЫ;

14. Министерство труда и занятости Республики Хакасия – ХАКАС РЕСПУБЛИКАНЫҢ ІСТЕНІС ПАЗА ТОҒЫС ТАПЧАҢ МИНИСТЕРСТВОЗЫ;

15. Государственный комитет по регу-

лированию контрактной системы в сфере закупок Республики Хакасия – ХАКАС РЕСПУБЛИКАНЫҢ САДЫҒЛАР СФЕРАЗЫНДАҒЫ КОНТРАКТ СИСТЕМАЗЫНАҢ АЙҒАСЧАҢ ХАЗНА КОМИТЕДІ;

16. Государственный комитет по тарифам и энергетике Республики Хакасия – ХАКАС РЕСПУБЛИКАНЫҢ ТАРИФТЕРЧЕ ПАЗА ЭНЕРГЕТИКАЧА ХАЗНА КОМИТЕДІ;

17. Государственный комитет по охране объектов животного мира и окружающей среды Республики Хакасия – ХАКАС РЕСПУБЛИКАНЫҢ АҢ-ХУСТАРНЫ ПАЗА ЧИР-ЧАЙАННЫ ХАЙРАЛЛИРЫНЧА ХАЗНА КОМИТЕДІ;

18. Государственный комитет по делам молодежи Республики Хакасия – ХАКАС РЕСПУБЛИКАНЫҢ ЧИИТТЕР КИРЕКТЕРІНЧЕ ХАЗНА КОМИТЕДІ;

19. Комитет по мобилизационной работе при правительстве Республики Хакасия – ХАКАС РЕСПУБЛИКАНЫҢ ПРАВИТЕЛЬСТВОЗЫНДАҒЫ МОБИЛИЗАЦИЯ ТОҒЫЗЫНЧА КОМИТЕДІ;

20. Комитет записи актов гражданского состояния при Правительстве Республики Хакасия – ХАКАС РЕСПУБЛИКАНЫҢ ПРАВИТЕЛЬСТВОЗЫНДАҒЫ ГРАЖДАНСКАЙ КИРЕКТЕР АКТТАРЫН ПІЧІККЕ КИРЧЕҢ КОМИТЕТ;

21. Управление по гражданской обороне, чрезвычайным ситуациям и пожарной безопасности Республики Хакасия – ХАКАС РЕСПУБЛИКАНЫҢ ГРАЖДАНСКАЙ АРАЧЫЛАНЫСЧА, САҒЫБААН СААЙЛАРЧА ПАЗА ÖRT ХОРҒЫЗЫН ЧОХ ИДЕРІНЧЕ УСТАА;

22. Управление по обеспечению деятельности мировых судей Республики Хакасия – ХАКАС РЕСПУБЛИКАНЫҢ МИРОВОЙ ЧАРҒЫҒЫЛАР ТОҒЫЗЫНА ХАБАЗАРЫНЧА УСТАА;

23. Управление по взаимодействию с правоохранительными органами Республики Хакасия – ХАКАС РЕСПУБЛИКАНЫҢ

ПРАВО ХАЙРАЛЛАЧАҢ ОРГАННАРЫНАҢ ТОҒЫНЧАҢ УСТАА;

24. Государственная жилищная инспекция Республики Хакасия – ХАКАС РЕСПУБЛИКАНЫҢ ЧУРТ ХАЗНА ИНСПЕКЦИЯЗЫ;

25. Государственная ветеринарная инспекция Республики Хакасия – ХАКАС РЕСПУБЛИКАНЫҢ МАЛ-ХУС ИМНЕЧЕҢ ХАЗНА ИНСПЕКЦИЯЗЫ;

26. Государственная инспекция по надзору за техническим состоянием самоходных машин и других видов техники Республики Хакасия – ХАКАС РЕСПУБЛИКАНЫҢ ЧÖРЧЕТКЕН МАШИНАЛАРНЫ ПАЗА ПАСХА КÖРІМНИГ ТЕХНИКАНЫ СЫНЫХТАЧАҢ ХАЗНА ИНСПЕКЦИЯЗЫ;

27. Государственная инспекция по охране объектов культурного наследия Республики Хакасия – ХАКАС РЕСПУБЛИКАНЫҢ КУЛЬТУРА ХУМАРТХЫЗЫН ХАЙРАЛЛИРЫНЧА ХАЗНА ИНСПЕКЦИЯЗЫ;

28. Управление по обеспечению деятельности правительства Республики Хакасия – ХАКАС РЕСПУБЛИКАНЫҢ ПРАВИТЕЛЬСТВОЗЫНЫҢ ТОҒЫЗЫНА ХАБАЗАРЫНЧА УСТАА;

29. Министерство по делам юстиции и региональной безопасности Республики Хакасия – ХАКАС РЕСПУБЛИКАНЫҢ ЮСТИЦИЯ КИРЕКТЕРІНЧЕ ПАЗА РЕГИОНДАҒЫ ХОРҒЫС ЧОХ ИДЕРІНЧЕ МИНИСТЕРСТВОЗЫ.

Образцы основных бланков исполнительных органов государственной власти Республики Хакасия (угловой вариант расположения реквизитов) на двух государственных языках были обсуждены и рекомендованы на третьем в 2017 году заседании Терминологической комиссии при Министерстве образования и науки РХ (в таблице № 1 в качестве примера приводятся только три образца основных бланков исполнительных органов власти).

Образцы основных бланков исполнительных органов государственной власти Республики Хакасия (угловой вариант расположения реквизитов) на двух государственных языках

№	Наименование органа на русском языке	Предлагаемый перевод углового штампа на хакасский язык в соответствии с разработанным Миннацполитики РХ образцом
1.	Министерство финансов Республики Хакасия	<p>РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ МИНИСТЕРСТВО ФИНАНСОВ РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ (МИНФИН ХАКАСИИ)</p> <p>РОССИЯ ФЕДЕРАЦИЯЗЫ ХАКАС РЕСПУБЛИКАНЫҢ ФИНАНСТАР МИНИСТЕРСТВОЗЫ</p> <p>655017, г. Абакан, ул. Ленина, д. 67, Телефон/факс (3902) 29-91-13 E-mail: minfin@r-19.ru</p> <p>№ _____ На № _____ от _____</p>
2.	Министерство экономического развития Республики Хакасия	<p>РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ МИНИСТЕРСТВО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ (МИНЭКОНОМРАЗВИТИЯ ХАКАСИИ)</p> <p>РОССИЯ ФЕДЕРАЦИЯЗЫ ХАКАС РЕСПУБЛИКАНЫҢ ЭКОНОМИКА ТИЛІЗИ МИНИСТЕРСТВОЗЫ</p> <p>655017, г. Абакан, ул. Ленина, д. 67 Телефон/факс (3902) 29-92-00 E-mail: mineconom@r-19.ru</p> <p>№ _____ На № _____ от _____</p>

3.	Министерство сельского хозяйства и продовольствия Республики Хакасия	РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ МИНИСТЕРСТВО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА И ПРОДОВОЛЬСТВИЯ РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ (МИНСЕЛЬХОЗПРОД ХАКАСИИ) РОССИЯ ФЕДЕРАЦИЯЗЫ ХАКАС РЕСПУБЛИКАНЫҢ ААЛ-ХОНИИ ПАЗА АС-ТАМАХ МИНИСТЕРСТВОЗЫ 655017, г. Абакан, ул. Л. Комсомола, д. 3 Телефон/факс (3902) 30-51-00 E-mail: info@mexpx.ru № _____ На № _____ от _____
----	---	---

Также по запросу главы города Абакан Н. Г. Булакина были подготовлены рекомендации по переводу на хакасский язык реквизитов документов, создаваемых в процессе деятельности администрации города (представлены в таблице № 2).

Таблица № 2

Рекомендации по переводу на хакасский язык реквизитов документов, создаваемых в процессе деятельности администрации города

№	Наименования на русском языке	Перевод наименований на хакасский язык
1.	РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ	РОССИЯ ФЕДЕРАЦИЯЗЫ
2.	РЕСПУБЛИКА ХАКАСИЯ	ХАКАС РЕСПУБЛИКА
3.	ГЛАВА ГОРОДА АБАКАНА	АҒБАН ГОРОДТЫҢ ПАЗЫ
4.	СОВЕТ ДЕПУТАТОВ ГОРОДА АБАКАНА	АҒБАН ГОРОДТЫҢ ДЕПУТАТТАР ЧӨБИ
5.	АДМИНИСТРАЦИЯ ГОРОДА АБАКАНА	АҒБАН ГОРОДТЫҢ УСТАҒ-ПАСТАА
6.	ГОРОДСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ	ГОРОДТЫҢ ҮҒРЕДИГ УСТАА
7.	БЮДЖЕТНО-ФИНАНСОВОЕ УПРАВЛЕНИЕ АДМИНИСТРАЦИИ ГОРОДА АБАКАНА	АҒБАН ГОРОДТЫҢ УСТАҒ-ПАСТААНЫҢ БЮДЖЕТ-ФИНАНС УСТАА

8.	ДЕПАРТАМЕНТ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА, АРХИТЕКТУРЫ И ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВА АДМИНИСТРАЦИИ ГОРОДА АБАКАНА	АҒБАН ГОРОДТЫҢ УСТАҒ-ПАСТААНЫҢ ГОРОД ПЎДІРЕРІ, АРХИТЕКТУРА ПАЗА ЧИР СУРИИ ДЕПАРТАМЕНТІ
9.	КОМИТЕТ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ АДМИНИСТРАЦИИ ГОРОДА АБАКАНА	АҒБАН ГОРОДТЫҢ УСТАҒ-ПАСТААНЫҢ МУНИЦИПАЛЬНАЙ ЭКОНОМИКА КОМИТЕДІ
10.	УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ, МОЛОДЕЖИ И СПОРТА АДМИНИСТРАЦИИ ГОРОДА АБАКАНА	АҒБАН ГОРОДТЫҢ УСТАҒ-ПАСТААНЫҢ КУЛЬТУРА, ЧИИТТЕР ПАЗА СПОРТ УСТАА
11.	УПРАВЛЕНИЕ ПО ДЕЛАМ ГРАЖДАНСКОЙ ОБОРОНЫ, ЧРЕЗВЫЧАЙНЫМ СИТУАЦИЯМ И ПОЖАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ АДМИНИСТРАЦИИ ГОРОДА АБАКАНА	АҒБАН ГОРОДТЫҢ УСТАҒ-ПАСТААНЫҢ ГРАЖДАНСКАЙ АРАЧЫЛАНЫС КИРЕКТЕРІНЧЕ, САҒЫБААН СААЙЛАРЧА ПАЗА ӨРТ ХОРҒЫЗЫН ЧОХ ИДЕРІНЧЕ УСТАА
12.	УПРАВЛЕНИЕ КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА И ТРАНСПОРТА АДМИНИСТРАЦИИ ГОРОДА АБАКАНА	АҒБАН ГОРОДТЫҢ УСТАҒ-ПАСТААНЫҢ КОММУНАЛЬНАЙ ХОНЫХ ПАЗА ТРАНСПОРТ УСТАА
13.	АДМИНИСТРАТИВНАЯ КОМИССИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ГОРОД АБАКАН	АҒБАН ГОРОД МУНИЦИПАЛЬНАЙ ПЎДІСТІҢ АДМИНИСТРАТИВНАЙ КОМИССИЯЗЫ
14.	КОМИССИЯ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И ЗАЩИТЕ ИХ ПРАВ	ЧАЗЫ ЧИТКЕЛЕКТЕР КИРЕКТЕРІНЧЕ ПАЗА ОЛАРНЫҢ ПРАВОЛАРЫН АРАЧЫЛИРЫНЧА КОМИССИЯ

В течение года готовились ответы на обращения ответственных лиц и граждан по проблемам хакасского языка и оказания содействия в переводах на хакасский язык. В частности, поступили письма от В. Н. Герасько, начальника ГКУ «Республиканский информационный центр по предупреждению чрезвычайных ситуаций и ликвидации их последствий», А. А. Коропова, главы Копьевского сельсовета, И. В. Бундиковой, и.о. главы Копьевского поссовета, В. Н. Богдановой,

начальника административно-хозяйственного управления Аппарата Правительства Республики Хакасия и др.

Кроме этого, проводилась работа по составлению нового положения о Терминологической комиссии в связи с необходимостью отразить в документе некоторые полномочия комиссии и виды работ, связанные с новыми потребностями общества. Работу в этом направлении курировала О.В. Доможакова, начальник отдела национального образования

Министерства образования и науки Республики Хакасия, созданного в 2017 г. Положение было утверждено приказом министра образования и науки Республики Хакасия Л. Н. Гимазутиной 5 февраля 2018 г.

Комиссия получила статус научно-консультативного органа, целью ее создания провозглашено решение вопросов по использованию и развитию хакасского языка как государственного языка Республики Хакасия в сфере образования, науки, научно-технической деятельности и иных сферах в соответствии с законодательством Российской Федерации и Республики Хакасия.

Комиссия в своей деятельности руководствуется Конституцией Российской Федерации, Законом Российской Федерации от 25.10.1991 № 1807-01 «О языках народов Российской Федерации» (с последующими изменениями), Конституцией Республики Хакасия, Законом Республики Хакасия от 20.10.1992 № 11 «О языках народов Российской Федерации, проживающих в Республике Хакасия» (с последующими изменениями), Законом Республики Хакасия от 05.07.2013 № 60-ЗРХ «Об образовании в Республике Хакасия» (с последующими изменениями), Законом Республики Хакасия от 05.07.2005 № 39-ЗРХ «О научной и научно-технической деятельности в Республике Хакасия» (с последующими изменениями), другими нормативными правовыми актами Российской Федерации и Республики Хакасия, а также положением о Комиссии. Полный текст документа приведен на сайте правительства Республики Хакасия [2]. В частности, Комиссия получила полномочия рассмотрения и утверждения терминологии хакасского языка в разных сферах, осуществления мониторинга правильного использования хакасского языка в текстах, подготовки рекомендаций по использованию учебно-методических терминов для разработки учебников и учебных пособий на хакасском языке, согласования словарей хакасского языка разных типов, взаимодействия с Ономастической комиссией при правительстве Республики Хакасия.

Также этим же приказом был утвержден новый состав Терминологической комиссии

на 2018 год в связи с выбытием по разным причинам из нее некоторых членов.

Приводим список ее членов:

1. Чебочакова Ирина Максимовна, ведущий научный сотрудник сектора языка ГБНИУ РХ «Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории» (далее – ХакНИИЯЛИ), кандидат филологических наук, председатель Терминологической комиссии при Министерстве образования и науки Республики Хакасия (далее – Комиссия);

2. Субракова Вия Васильевна, старший научный сотрудник сектора языка ХакНИИЯЛИ, кандидат филологических наук, заместитель председателя Комиссии, ответственный секретарь Комиссии.

Члены Комиссии:

1. Белоглазов Петр Егорович, старший научный сотрудник сектора языка ХакНИИЯЛИ, кандидат филологических наук;

2. Боргояков Алексей Михайлович, корреспондент ФГУП «Государственная телевизионная и радиовещательная компания Республики Хакасия» (далее ГТРК «Хакасия») (по согласованию);

3. Каскаракова Зинаида Ефремовна, старший научный сотрудник сектора языка ХакНИИЯЛИ, кандидат филологических наук;

4. Кызласов Артем Самуилович, заведующий сектором языка ХакНИИЯЛИ, кандидат филологических наук;

5. Майнагашева Нина Семеновна, старший научный сотрудник сектора литературы ХакНИИЯЛИ, кандидат филологических наук;

6. Султреков Анатолий Егорович, редактор отдела культуры и спорта АУ РХ «Редакция газеты «Хабар»» (по согласованию);

7. Сунчугашев Радион Дмитриевич, главный редактор АУ РХ «Редакция газеты «Хабар»» (по согласованию);

8. Танбаева Анна Антоновна, ведущий консультант отдела национального образования Министерства образования и науки Республики Хакасия;

9. Толмачева Надежда Яковлевна, заведующая кафедрой поликультурного образования ХакИРО и ПК, кандидат педагогических

наук;

10. Толмашова Нина Антоновна, заместитель директора-начальник учебно-методического отдела ГБУ РХ «Хакасское книжное издательство»;

11. Чанкова Светлана Николаевна, шеф-редактор службы радиовещания ГТРК «Хакасия» (по согласованию);

12. Чебодаева Лариса Ильинична, доцент кафедры хакасской филологии ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», кандидат филологических наук (по согласованию);

13. Чистобаева Надежда Степановна, заведующая сектором фольклора ХакНИИЯЛИ, кандидат филологических наук.

В конце года И. М. Чебочакова представила на рассмотрение членов Терминологической комиссии при МОН РХ план работы на 2018 г., который, после внесения некоторых новых предложений, был утвержден в качестве рабочего плана (см. ниже).

1 заседание

1. Внесение предложений в План работы Терминологической комиссии при Министерстве образования и науки Республики Хакасия на 2018 год. Выступает И. М. Чебочакова.

2. О переводе аббревиатур с русского языка на хакасский язык с точки зрения их употребления в официально-деловом стиле. Выступает А. С. Кызласов.

3. Обсуждение «Краткого русско-хакасского словаря учебно-методических терминов» на предмет рекомендации к печати. Выступает А. Н. Балгазина.

2 заседание

1. Об особенностях устройства терминологической системы хакасского языка. Выступает З. Е. Каскаракова.

2. Перевод собственных имен в структуре сложных наименований организаций с русского языка на хакасский язык. Выступает И. М. Чебочакова.

3 заседание

1. Обсуждение словаря фитонимов хакасского языка. Выступает З. Е. Каскаракова.

2. О некоторых терминах в языке СМИ. Выступает С. Н. Чанкова.

4 заседание

1. Обсуждение рукописи «Словарь фитонимов хакасского языка» на предмет рекомендации к печати. Выступает З. Е. Каскаракова.

2. Обсуждение плана работы Терминологической комиссии при Министерстве образования и науки Республики Хакасия на 2019 г. Выступает И. М. Чебочакова.

Таким образом, работа Терминологической комиссии по решению вопросов и проблем хакасского языка в научно-прикладной сфере в 2018 году будет продолжена, в рамках предложенного плана.

В целях ознакомления общественности с деятельностью Терминологической комиссии информация о проведенных заседаниях размещалась на сайте ХакНИИЯЛИ в разделе «Новости». Также материалы заседаний и статьи о проблемах терминологии публиковались в республиканской газете «Хабар». В частности, обращалось внимание на необходимость правильного перевода названий организаций на хакасский язык и грамотность подачи сведений о них.

Таким образом, Терминологическая комиссия при Министерстве образования и науки продолжает выполнять возложенные на нее функции научно-консультативного органа для обсуждения и принятия согласованного решения о проблемах развития хакасского языка. Принятые решения и разработанные ею рекомендации содействуют в определенной мере внедрению хакасского как второго государственного языка РХ в жизнь общества. Это отражается на повышении значения хакасского языка как одного из государственных языков в Республике Хакасия.

Литература

1. Чебочакова И. М. Об основных аспектах деятельности в области развития хакасского языка: на примере работы Терминологической комиссии // Научное обозрение Саяно-Алтая. – № 3 (15). – Вып. 8. – 2016. – С. 74-77.
2. URL: <https://r-19.ru/upload/iblock/641/Prikaz-o-Terminologicheskoy-komissii-pri-Minobrnauki-RKH.pdf> (Дата обращения 07.07.18).

ЦЫРЕН-ДОРЖИ НОМИНХАНОВ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ХАКАССКОГО ЯЗЫКА: К 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Кызласов А. С.

УДК 809.43.001

Статья посвящена исследователю современного хакасского языка Ц.-Д. Номинханову, одному из зачинателей хакасского языкознания. В работе отмечены годы его трудовой деятельности в институте, рассматриваются главные этапы биографии и творческой работы в разных учреждениях. Дается краткое содержание отдельных научных трудов исследователя, отмечен его вклад в изучение хакасского языка. Также проводится сопоставительный анализ по материалам монгольско-хакасских лексических параллелей, выбранных из рукописной работы Номинханова.

Ключевые слова: **Ц.-Д. Номинханов, исследователь, хакасский язык, словари, лексические параллели.**

Цырен-Доржи Номинханов оставил заметный след в становлении хакасского языкознания. Он был одним из тех калмыцких спецпереселенцев, кого этапировали в годы Великой Отечественной войны в Сибирь. В связи с открытием ХакНИИЯЛИ в 1944 г. отдел культуры и пропаганды Хакасского обкома ВКП(б) пригласил его на работу. Номинханов работал научным сотрудником в секторе языка и одновременно ученым секретарем. Также он преподавал в Абаканском пединституте. До поступления на работу в институт Номинханов преподавал немецкий язык в сельской школе, а в институт был переведен по ходатайству Ф. Г. Исхакова. С 1946 года, после ухода Ф. Г. Исхакова, заведовал сектором языка [1, с. 1-2].

В рукописном фонде Хакасского НИИЯЛИ хранится личное дело Цырен-Доржи Номинханова (см. фото).

Вот как описывает Ц.-Д. Номинханов свое появление в области: «В Хакасию прибыл в январе 1944 г. с г. Астрахани, Калмыцкого НИИ, где работал ученым секретарем. С 1/1944 по VII/1944 г. работал преподавателем немецкого языка совхоза «Ужур» Красноярского края». За год до депортации (в апреле 1943 г.) он защищает кандидатскую диссертацию в Институте востоковедения АН СССР по теме: «Монгольские административно-политические и военные термины в XIII-XV вв., сохранившиеся в узбекском языке». Хорошо владел монгольским, английским, немецким, русским, бурят-монгольским, калмыцким языками, а также тибетским и узбекским. Проработав в ХакНИИЯЛИ со дня его образования в течение пяти лет в должности ученого секретаря, завсектором языка, Цырен-Доржи Номинханов был уволен в 1949 г., попав под кампанию развернувшейся в то время в СССР борьбы с «космополитизмом» и «марризмом». За период его непродолжительной работы Н. Г. Доможаков несколько раз объявлял Ц.-Д. Номинханову благодарность за успехи в работе. Есть и приказы другого содержания [2]. В 1949 г. Номинханов навсегда уезжает из Хакасии в Казахстан, где до 1960 г. работал преподавателем Казахского университета им. С. М. Кирова. В 1960 г. он вернулся в родную Калмыкию, где трудился в секторе языкознания Калмыцкого НИИЯЛИ. По результатам научных трудов 2 апреля 1966 г. ему была

присуждена ученая степень доктора филологических наук. Ц.-Д. Номинханов являлся автором множества учебников по калмыцкому, монгольскому языкам, часть его трудов была посвящена народному творчеству монголов, калмыков, казахов, хакасов и др. народов.

Несмотря на крайние трудности и лишения, Ц.-Д. Номинханову удалось внести большой вклад в изучение хакасского языка (список научных работ Ц.-Д. Номинханова составляет 31 пункт. Из них 20 – рукописных). Последняя его работа, «Хакасско-русский словарь», издана в соавторстве с Д. Ф. Коковой [3, с. 43-45]. Он предназначен для учащихся хакасских школ, главным образом, для учащихся начальных классов. Основная цель словаря – помочь детям в овладении русским языком. Составители словаря старались внести в словник наиболее употребительные слова хакасского языка, отражающие основной словарный фонд. Также приводятся и русизмы: *календарь, какао, кастрюля*. Авторы старались приводить точные эквиваленты переводимых лексем. Основой хакасского литературного языка являются качинский и сагайский диалекты. Поэтому переводы многих слов в словаре даны параллельно (качинские и сагайские), без помет. Помета диал. (*саг., кач.*) при некоторых хакасских словах в словаре показывает, что данное слово не является литературной нормой, но может быть употреблено: *таянарга* ‘опираться’, *таярга (кыз.)* ‘кататься (на коньках, на санках)’. При передаче русского инфинитива на хакасский язык используется форма на =*арга*. Словарь содержит более 2000 слов [4].

В институте Ц.-Д. Номинханов занимался проблемами хакасского языка. В рукописном фонде ХакНИИЯЛИ находятся его неизданные рукописные работы, которые ждут своих исследователей и издателей. Это рукописи словарей в соавторстве с Д. Ф. Патачаковой: «Хакасско-русский словарь (для начальных школ)»; «Русско-хакасский словарь (для начальных школ)»; «Русско-хакасский словарь (часть I)». Им подготовлены также такие работы, как «Фонетика хакасского языка», «Хакасская топонимика как источник истории хакасского народа», «Лексика бельтырского

диалекта хакасского языка» и др.

Особо следует отметить экспедиционную работу Ц.-Д. Номинханова. По результатам экспедиций им подготовлен ряд работ, в том числе «Лексические и фонетические особенности диалектов хакасского языка». Отчет по командировке в Усть-Абаканский и Ширинский районы с 10 по 20 августа 1945 г. наглядно показывает, как он работал с информаторами. Например, 15-16 августа 1945 г. из с. Половинки Ц.-Д. Номинханов вместе с информатором А. Казанакowym пешком отправился в с. Чебаки, где встретился с другими информаторами и составил для них и А. Казанакова план работы. 17 августа он был уже в улусе Трошкино у Елены Коковой, где отметил, что она провела большую работу по записи устного народного творчества, и спланировал ее дальнейшую работу. Здесь же после составления отчета об итогах командировки Номинханов делает записи, полученные от своих информаторов.

Ученые Хакасии помнят Ц.-Д. Номинханова, внесшего существенный вклад в становление ХакНИИЯЛИ и научного изучения хакасского языка [5, с. 127-128].

Номинханов за годы работы в ХакНИИЯЛИ написал целый ряд трудов по хакасскому языку. Эти исследования были выполнены в сопоставительном плане с калмыцким или монгольским языками. Такой характер изучения хакасского языка вполне объясним, так как монгольские заимствования в искомым языке явно прослеживаются. Опираясь на рукописный труд Ц.-Д. Номинханова и других исследователей, мы рассмотрим хакасско-монгольские лексические параллели в сопоставительном аспекте.

В современном хакасском языке сохранились свидетельства прежних языковых контактов в виде монголизмов. Часть их широко употребительна, часть ограничена диалектами, например, слово *ноган* ‘зеленый’ обычно употребляется в качинском и кызыльском диалектах, слова *сахсарга* ‘мерлушка’, *хутух* ‘колодец’ встречаются в сагайском диалекте хакасского языка.

Также следует отметить, что монголизмы не редки в хакасских героических сказаниях.

Как мы ранее упоминали, монголизмы – *албаты*, *минди*, *халха*, *орге*, *сире*, *обаа*, *чис*, *күлер* (*хазан*), *кирим* (*сын*), *арчол* и др. частотны в фольклорных произведениях хакасов. Приведенные слова входят в число часто употребляющихся, они обычно выступают в составе устойчивых словосочетаний. Слово *керим* в монгольском языке означает ‘стена’. В хакасском языке *кирим сын* ‘отвесный, подобный стене, горный хребет’; *албаты чон* имеет значение ‘народ, находящийся в чьей-либо власти’.

Заемствования из монгольского языка сохраняют свою семантику и в хакасском языке. В некоторых словах наблюдается семантический сдвиг в сторону переосмысления значений, к примеру: хак. *пыроо* ‘вина, проступок’ < монг. ‘ложный, ошибочный’, ‘несогласный’, ‘дурной’; ‘зablуждение’.

Морфемная структура исследуемых слов в сопоставлении с лексико-грамматическими основами монгольского языка не претерпела каких-либо изменений, например: *арага* (хак.) // *арахи* (монг.) ‘водка’, ‘вино’, *арба* (коча) // *арбай* (монг.) ‘ячмень’, *айах* (хак.) // *аяга* ‘столовая чашка’, ‘миска’, *илбек* (хак.) // *элбег* (монг.) ‘обильный’, ‘обилие’, ‘великий’, *иркин* (хак.) // *эркэн* (монг.) ‘порог двери’ [6, с. 2-30].

Основная часть монгольских слов являются условно непроизводными. Только в некоторых моментах можно наблюдать их морфологическую словообразовательную структуру. Так, по мнению О. В. Субраковой, хакасские слова *хараган*, *харгана* ‘кустарник’, *палтырган* ‘борщевник’ соответствуют монгольским словам *харгана*, *балтыргана* и являются исконно монгольскими на том основании, что аффиксы *-гана*, *-ган* являются очень продуктивными, характерными для монгольских языков [7, с. 49].

Одним из важных критериев определения заимствованности слов следует считать наличие глагольной основы в монгольских языках при отсутствии таковой в хакасском языке. Такие фонетические и морфологические признаки определяют заимствованность слов, например, для слова *хаалха* в монгольском языке находятся производящий глагол

хаа-, *хаага-* ‘закрывать’ и однокоренные с ним именные образования *хаалга* ‘ворота, дверь’, *хаалгач* ‘швейцар, привратник’; слову *оор* в монгольском языке находится соотносимое многозначное слово *агур* ‘пар’, ‘испарение’, ‘дыхание’, ‘гнев’, ‘вспыльчивость’; *пүүрек*, очевидно, восходит к монгольскому слову *бүгере* ‘почки’; хак. *салаа* ‘сук, сучок’ восходит к монгольскому полисеманту *салага* ‘развалина’, ‘ветвь’, ‘разветвление’, ‘отрасль’, ‘отделение’, ‘протока’, ‘рукав реки’ [6, с. 16-39].

Многие слова хакасского языка *арага* // *арха* (монг.) ‘водка’, *арба* // *арбай* (монг.) ‘ячмень’, *аргамчы* // *аргамчжи* (монг.) ‘аркан’, ‘веревка’, *илбек* // *элбег* (монг.) ‘обильный’, ‘обилие’ и другие имеются в других языках Южной Сибири. Это свидетельствует о том, что приведенные слова были заимствованы из монгольских языков.

Литература

1. Патачакова Д. Ф. О деятельности Ф. Г. Исхакова в Хакасии. – Рукопись, с. 1-2.
2. Личное дело Ц.-Д. Номинханова. – Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. – Л. 2, Л. 26, Л. 6, Л. 12.
3. Кышпанакон В. А. Калмыцкие спецпереселенцы в Хакасии // Вестник Калмыцкого университета. – 2017. – №35(3). – С. 43-45.
4. Номинханов Ц. Д., Кокова Д. Ф. Хакасско-русский словарь для начальных школ. – Абакан, 1948.
5. Тугужекова В. Н. Церен-Доржи Номинханов и Хакасия (к 110-летию со дня рождения) // Актуальные проблемы истории и культуры Саяно-Алтая. – Вып. 9. – Абакан, 2008. – С. 125-129.
6. Номинханов Ц.-Д. Словарь лексических сходжений хакасского и монгольского языков. – Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. Фонд № 246.
7. Субракова О. В. Язык хакасского героического эпоса. – Абакан, 2007.

АННОТАЦИИ К СТАТЬЯМ

(на английском языке)

Beloglazov P. Ye.

THE OCCURRENCE OF PRIMARY HOMONYMS IN KHAKASS LANGUAGE

In the article deals with phonetic, lexical and primary or lexical-grammatical homonyms in the Khakass language, the history of the issue, their origin and development. Primary homonyms have the following features: the expression of the same concept, but in different grammatical forms of words (and verb, and name), the pair of their forms, the sound similarity of finite consonants phonemes and the coincidence of their grammatical meanings with the values of dead or now living affixes, which speaks in favor of the secondary origin. The basis of homonymous pairs is the root with a verbal meaning. It can be assumed that the number of primary homonyms increases with the removal deep into the history of the language. This is confirmed by the fact that in the dictionary of M. Kashgar there are about fifty pairs of primary homonyms, that is, more than in any modern language.

Primary homonyms gradually disappeared, being replaced by secondary derived forms and now primary homonyms are found in the form of archaic forms. In the comparative aspect, the data of other Turkic languages are used.

Key words: **Khakass language, lexicology, homonyms, analysis.**

Borgoyakov V. A., Sarazhakov N. T.

ABOUT THE TOPONYMS IN THE RIVER BASIN YLYRSY OF REPUBLIC OF KHAKASSIA

In this article the names of geographical objects found in the basin of the river Ilyrsy of Askiz district of the Republic of Khakassia are analysed. The names of geographic features of the area, containing the components *tag, khol, khyrang, chazy, aryg, mochak, sug*. They are mostly complex in their composition, built according to the rules of word formation of Khakass language, names of unique objects of nature. The motivation of these objects is related to the reflection of separate properties of objects, for example, pointed mountain tops (*Ustyg tag* 'pointed mountain'), a predominance of objects of the same type (*Kharagay tag* 'black-rocky mountain'), a location relative to another object (*Kharagay suu tag* 'mountain (located) behind black and rocky'), depth (*Tireng osen* 'deep log'), hard passability (*Chabal khol* 'bad log'), belonging to a specific person (*Alexey khol* 'gully of Aleksei', *Apollon khol* 'gully of Apollon'), color (*Akh hol* 'white gully'), target specifications (*Apiary khol* 'apiary gully'), native trees and shrubs (*Khara tallar aryg* 'the forest of black willows'), etc. These characteristics of the named objects have enabled their creators to distinguish them from several other surrounding geographic features.

Key words: **Turkic languages, Khakass language, vocabulary, toponyms, oronyms, hydronyms.**

Borgoyakov S. A., Borgoyakova T. N.

IDENTITY POLITICS AND NATIVE LANGUAGES IN THE SCHOOL SYSTEM

The article analyses the demographic and language situation and the condition and problems of learning the native languages of Turk peoples of the Russian Federation. A typology of ethnic groups was made on the basis of the ethno-language assimilation and demographic process data.

It is shown that, while in the 90's the transformation process in the state had led to the increase of native languages education in the school, the latest years demonstrate the decrease of the number of ethno-cultural schools and first of all the schools where native languages are the languages of teaching. Same relates to the number of pupils in such schools. One of the challenges to the modern school is the problem of teaching ethnic languages as state languages of the republics. It is proved that one of the key mechanisms of efficient language education in the context of the identity policy is the determination of the general strategy of development of ethno-cultural (ethno-language) education in the Russian Federation, as well as its general goals, principles and priorities.

Key words: **identity policy, Turk peoples of Russia, demographic and language situation, ethno-cultural education, teaching of native languages as state languages.**

Domozhakova O. V.

ON THE STUDY OF KHAKASS LANGUAGE IN THE GENERAL EDUCATION SYSTEM OF REPUBLIC OF KHAKASSIA IN THE 2017-2018

The article describes the state of studying of Khakass language in the education system of Republic of Khakassia in the 2017-2018 academic year. Khakass language studying in the educational system of Republic of Khakassia is conducted on a voluntary basis. It is studied in various forms in 145 schools. The coverage of schoolchildren in the study of Khakass language in various forms in Republic of Khakassia is 79.8%. On the basis of the needs of parents of students, optional training courses, disciplines from the list offered by a general educational organization are organized. Coverage of children who are taught Khakass language in preschool institutions of the Republic is 16.4%. The study of Khakass language is organized in 11 municipalities. In most municipalities, the coverage rate increased compared to the previous school year. The coverage of children of indigenous nationality in pre-school organizations with the study of Khakass language is 58.1%, in General educational organizations 79.7%, in Republic of Khakassia 74.8%. The government of Republic of Khakassia supports the study of Khakassia language. For schools, where we study Khakas language, the entered multiplying factors. Staffing in pre-school organizations and General education institutions of Republic is 100%. In general, the necessary conditions (personnel, textbooks, material and technical equipment) for the study of Khakas language in the schools of the Republic are available.

Keywords: **Khakas language, learning, education, preschool organizations, educational organizations.**

Yerlenbayeva N. V.

BIRD NAMES, MOTIVATED BY CHARACTERISTICS OF ACTIONS AND BEHAVIOR OF BIRDS IN ALTAY LANGUAGE AND ITS DIALECTS

This article considers ornithonyms – the names of birds in Altai language and its dialects, motivated by the characteristic actions and behavior of birds, and differentiates the main types of semantic motivation of this vocabulary. They basically formed by affixation and compounding, for example, *suugush* 'duck'. Affixal method of formation of ornithonyms is particularly productive. Names can be derived from the basics of mimes, verbs, nouns. By composition formed several ornithonyms, for example, *bostorkoy*, *suckas*, *echkisagan*, *karatas* etc. Some of them in the course of the historical development of language has changed, for example, the word, *suckas* 'merganser (a kind of duck)', which appeared on the basis of addition of components *susku*

'bucket' and *kas* 'goose'. Most complex ornithonyms are attributive in nature, describing the plumage colour, habitat, size, distinguishing feature.

Key words: **ornithonyms, vocabulary, euphemisms, dialect, etymology, token, word formation, phonetic evolution, verbal education.**

Kaskarakova Z. Ye.

DICTIONARIES OF MODERN KHAKASS LANGUAGE

The article deals with the state of Khakass lexicography at the present stage. Currently, it has more than 30 dictionaries of different types (bilingual, industry, terminology). The main place among them is occupied by translation dictionaries. The appearance of the first dictionaries is related to the needs of school education. In 1928 the first "Khakass-Russian dictionary" was published, it is also an orthographical dictionary. The author of the dictionary is N. G. Katanov. The next was "Khakass-Russian dictionary" for primary schools, the author D. F. Kokova. A significant event for lexicography was the publication in 1953 of "Khakass-Russian dictionary" (14,000 words) with the application of the essay "Khakass language" (N. A. Baskakov, A. I. Inkizhekova-Grekul). The publication of the new "Khakass-Russian dictionary" in 2006 is an important event for Khakass science. It contains about 22,000 words and gives a fairly complete picture of the main vocabulary and the most active layer of the vocabulary of the language.

Key words: **Khakass language, vocabulary, lexicography, translation dictionary, branch dictionary.**

Kaskarakova Z. Ye.

ABOUT THE KHAKASS-RUSSIAN DICTIONARY OF N. G. KATANOV

The article is devoted to the first in the history of Khakass science Khakass-Russian dictionary of N. G. Katanov. The dictionary was published in 1928, this year it is 100 years old. It was intended for primary school students in Khakas schools, and at the same time it was orthographic. Writing of N. Katanov contains about 1050 common words of simple spoken language of Khakass language, its total volume is 48 pages. The basis of the dictionary was the dialect of Abakan Kachins, with the addition of other dialects of words that are absent in Kachin dialect. A significant layer of borrowings from Russian language, which have now become an integral part of Khakass language, is also reflected, for example: *watermelon, artel, newspaper*. At the end of the dictionary is a list of the most common socio-political terms, with translation and interpretation of their meanings (105 words). Work of N. G. Katanov is of great importance for the study of the vocabulary of Khakass language, especially the lively colloquial speech of Kachin people of that time.

Key words: **N. G. Katanov, Khakass writing system, lexicography, Khakass-Russian dictionary.**

Killi Yılmaz G.

ON CODEX CUMANICUS AND THE LANGUAGE OF COMMON RIDDLES IN THE KHAKASSIAN ORAL TRADITION

Codex Cumanicus (CC), which was written by Italian and German translator missionaries in the late 13th century and early 14th century, is the oldest known records of Turkish riddles. Part of the studies on CC is comprised of reading, interpretation and investigation of the linguistic and literary characteristics of the riddles, which are presented in pages 60a and 60b, as well as comparisons of these riddles with other variants in the folkloric tradition of various Turkic peoples, in terms of

linguistic and literary aspects. A comparison of the riddles in CC versus the Khakassian riddles has revealed that 8 out of 47 riddles in CC (8, 13, 27, 28, 29, 38, 40, 43) are in tune with the riddles in the Khakassian oral tradition in terms of grammar, vocabulary, poetic characteristics among other aspects. Such similarities demonstrate that the oldest methods for creating riddles have been preserved in the Khakassian oral tradition, and that the metaphors and comparisons which were used centuries ago still evoke similar connotations in the minds of the Khakassian community.

Keywords: **Codex Cumanicus, ancient records, riddles, analysis, Khakas language, comparison.**

Odilov Yo.

OPPOSITE AND SEMANTIC DEVELOPMENT OF WORD

This article is devoted to the coverage of the essence of the phenomenon of enantiosemy—the opposite in the semantic structure of the word, the history of the study of this phenomenon, the establishment of the causes of their occurrence. Also the questions of nomination of enantiosemy, principles of opposing this, of *semen* are analysed. The characteristic of the semantic structure of the linguistic unit and associated lexical phenomena, the definition of its role in the lexical tier, the justification of the forms of linguistic realization of the category of opposites, the disclosure of sociolinguistic, ethnolinguistic, linguistic and cultural factors of the development of the opposite meaning are actual problems of linguistics. Enantiosemy still not been the subject of monographic studies in Turkology. It is a specific phenomenon of the lexical level, based on the presence of two opposite meanings in one word. The main factor in the formation of enantiosemy—semantic development of the word, while maintaining the existing meaning of the word and formed a new opposite value or due to the obsolescence of the existing value is the opposite value. It also appears depending on the communicative and situational goal of the speaker and the “subjective attitude”.

Keywords: **contrast, enantiosemy, polysemy, semantic development of words, the asymmetry, the linguistic and extralinguistic factors.**

Sarbasheva S. B., Chochkina M. P.

PRODUCTION RITE FELTING BY ALTAIANS AND ESPECIALLY OF THE GOOD WISHES *ALKYSH SES*

The connection between man and nature is inseparable, we have long depended on it, and careful attitude to nature made it possible for a person to survive in harsh climatic conditions. The dialogue that is established between the ancient man and nature is the basis of various rituals, ceremonies, customs and rites associated with the production activities of the Altaians. A system of ritual communication with nature was built, one of its implementations was asking, then good wishes. They had to provide prosperity and happiness to the person. One of the main methods of constructing such benevolence is the image of the desired as real and the hope that the requested will be realized. Ancient people believed that words have magical powers, they can affect the natural element, and fulfill the desires and aspirations of man. Specifics of good wishes and speeches of a ceremony of felting was special, connected only with felt and process of its production.

Key words: **Altai language, culture, man, nature, customs, rites, benevolence.**

Sunchugashev R. D.

NOTES ON THE OIKONYMS OF ASKIZ DISTRICT

The article deals with the oikonyms, the names of settlements included in Askiz district in Republic of Khakassia. The author notes that many local placenames are composed of components *sug* 'the river', *chul* 'small river', as well as being at the origin of the substrate formants =*zas*, =*by*, =*ba*, which is also, presumably, meant water sources. This indicates the importance of water and rivers for the creation of settlements and, accordingly, nominations of settlements. Native, i.e. Khakass oikonyms and their adapted variants, which are used in everyday life by Russian-speaking residents of Khakassia and in the official business style of Russian language, are considered. Some villages are represented by two or three names, the presence of which is explained by the processes of renaming, due to the Soviet ideology and system. The names of Khakas settlements of Askiz district, as evidenced by historical documents of the XIX century and the modern register, mainly were connected with anthroponyms-names of first settlers or heads of clan, as a rule, wealthy people. Some of oikonyms are motivated by the way of life of the people living in the settlements or mythological ideas of Khakas people.

Key words: **Khakass language, oikonym, Askiz district, motivation, name, internal form.**

Tolmashova N. A.

THE ROLE OF KHAKASS BOOK PUBLISHING HOUSE IN THE PRESERVATION AND DEVELOPMENT OF KHAKAS LANGUAGE

The article considers the contribution of Khakas publishing house to the preservation and development of Khakas language. The national publishing house, which aimed to produce textbooks for Khakas schools, as well as works by Khakas writers and poets, was established on January 2, 1931. In the first years of Soviet power the world of art and literature were closely linked. Writers, poets, public figures stood at the origins of Khakass publishing house. The national publishing house in the 1960-1970s did a lot for the formation and approval of Khakass literature. It was in those years that translations of many works of classics of Russian and foreign literature were published in Khakass language. The vocabulary of the Khakas language continues to be preserved and developed through the original and translated literature. Thus, from the very moment of its Foundation Khakas book publishing house has made and continues to make a great contribution to the preservation and development of Khakas language and the people in the form of scientific and educational literature, bringing to the reader the printed word of knowledge, the centuries-old experience of Khakas people reflected in the language.

Keywords: **Khakas language, the development of Khakas language, Khakas language textbooks, scientific literature, translated literature.**

Tuguzhekova T. N.

SEMANTIC-PRAGMATIC AND STRUCTURAL-FUNCTIONAL FEATURES OF THE ADJECTIVE *KÛRENG* IN KHAKASS LANGUAGE

The article deals with the analyses of the adjective *küreng* (brown) in the Khakass language. It is one of the most important and frequently used color terms in the Turkic and Mongolian languages. The author of the article studies the structural, functional, semantic and pragmatic peculiarities of the adjective *küreng* in the Khakass language. The analyses of the word *küreng* is based on the examples from the texts of the Khakass literature and lexicographic works. The article represents

the results of the study which may be useful for further investigations.

Key words: **Khakass language, structure, semantics, function, pragmatics, adjective, küreng.**

Chebochakova I. M.

STORY ABOUT WORDS: SOMATISMS

The article discusses the features of derived words formed from the foundations of somatism. An important role in the development of this group of words was played by the principle of anthropomorphism, likening the surrounding world, its objects to the human body, based on semantic transfer. Metaphorical translation is not only a source of figurative speech, but also a source of new meanings, as well as, in the case of a strong discrepancy with the primordial meaning as a result of the development of language – a factor in the emergence of a new derived unit. As a result of the analysis of word-formative nests, the tops of which are the words that call the parts of the human body, the types of derived words formed by anthropomorphic metaphors are revealed. Most often the man was like a mountain, names of parts, types arose on the basis of somocismo. Somatism also supplemented the composition of other parts of speech, in particular, postpositions and pronouns. For comparison, examples of the implementation of zoomorphic metaphors in the derived units of Khakass language and in the texts of fiction are used. Available examples show the possibility of formation of derivative words from the meanings of polysemous words.

Key words: **Khakass language, word formation, word-formation nest, productivity, semantic transfer, somatism, anthropomorphism, naive picture of the world.**

Chebochakova I. M.

ABOUT WORK OF TERMINOLOGICAL COMMISSION AT THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF REPUBLIC OF KHAKASSIA IN 2017

The purpose of the article is to describe the activity of Terminological Commission at Ministry of Education and Science of Republic of Khakassia in 2017. It is noted that members of this commission carried out scientific-applied, expert-advisory, and information types of work. New terms, presented in A. N. Balgazina's work «Russian-Khakass Dictionary of Academic and Methodological Terms», were discussed. Validity check of the use of the Khakass language in texts of facade signs in village Tashtyp of Republic of Khakassia was conducted. Based on its results, recommendations for the Administration of Village Council were made. The list of names of state authorities of Republic of Khakassia in Khakass and samples of the main forms of executive bodies of State Authority of Republic of Khakassia (an angular version of requisites' location) in two state languages were also drafted and approved. Answers to appeals of responsible persons and citizens on problems of the Khakass language and rendering assistance in translations into Khakass were prepared. Terminological Commission continues performing its assigned functions as a consultative and advisory body for the discussion and adoption of a coordinated decision on issues of the development of Khakass language. The decisions made and recommendations worked out by it contribute, to a certain extent, to the implementation of Khakass language as the second state language of the republic into life.

Keywords: **Khakass standard language, Terminological Commission, creation of terminology, name, terminological dictionaries, enrichment of a standard language, translations.**

Kyzlasov A. S.

TSYREN-DORJI NOMINKHANOV AS A RESEARCHER OF KHAKAS LANGUAGE (TO THE 120TH ANNIVERSARY SINCE THE BIRTH OF)

The article is devoted to researcher of modern khakass language C. D. Nominkhanov, one of the founders of khakass linguistics. In this work marked the years of his work in institute, discusses the main stages of the biography and creative work in various the aforementioned academic institutions. Is made analysis of certain scientific publications of the researcher, marked by his contribution for the study of Khakass language. Also performed a comparative analysis on materials mongol-the-khakass lexical parallels with the selected ink works author.

Key words: **C.-D. Nominkhanov, researcher, Khakas language, dictionaries, lexical parallels.**

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Белоглазов Петр Егорович – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора языка Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, г. Абакан.

Боргояков Владислав Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры хакасской филологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан.

Боргояков Сергей Александрович – доктор педагогических наук, ведущий аналитик Лаборатории анализа состояния и перспектив развития образования РАО, почетный работник высшего профессионального образования РФ, г. Москва.

Боргоякова Татьяна Николаевна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник ФИРО, г. Москва.

Доможакова Ольга Васильевна – кандидат педагогических наук, доцент, начальник отдела национального образования Министерства образования и науки Республики Хакасия, г. Абакан.

Ерленбаева Надежда Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры алтайской филологии и востоковедения факультета алтаистики и тюркологии Горно-Алтайского государственного университета, г. Горно-Алтайск.

Каскаракова З. Е. – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора языка Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, г. Абакан.

Килли Йылмаз Гюлсюм – доктор, профессор кафедры современных тюркских диалектов и литератур факультета языков, истории и географии Анкарского университета, г. Анкара.

Кызласов Артем Самуилович – кандидат филологических наук, заведующий сектором языка Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, г. Абакан.

Одилов Ёркинжон – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института узбекского языка, литературы и фольклора Академии наук Республики Узбекистан, г. Ташкент.

Саражаков Николай Тимофеевич – магистрант 1 курса Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан.

Сарбашева Сурна Борисовна – кандидат филологических наук, доцент, декан факультета алтаистики и тюркологии Горно-Алтайского государственного университета, г. Горно-Алтайск.

Сунчугашев Радион Дмитриевич – кандидат филологических наук, главный редактор автономного учреждения Республики Хакасия «Редакция газеты «Хабар», г. Абакан.

Толмашова Нина Антоновна – заместитель директора-начальник отдела Хакасского книжного издательства, г. Абакан.

Тугужекова Тамара Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, г. Абакан.

Чебочакова Ирина Максимовна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора языка Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, г. Абакан.

Чочкина Майя Петровна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой алтайской филологии и востоковедения факультета алтаистики и тюркологии Горно-Алтайского государственного университета, г. Горно-Алтайск.

Выпуск 11
Серия: Филология

НАУЧНОЕ ОБОЗРЕНИЕ САЯНО-АЛТАЯ

Главный редактор
д-р ист. наук **Тугужекова В. Н.** (Россия)
Зам. главного редактора
канд. филол. наук **Чебачакова И. М.** (Россия)

Ответственный секретарь
канд. ист. наук **Данькина Н. А.** (Россия)

Подписано в печать 25.10.2018. Формат 60x90 1/8
Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Печ. л. 12.
Тираж 500 экз. Заказ № 2251.

Сверстано и отпечатано: ООО «ИПП «Журналист».
655017, Республика Хакасия, г. Абакан, ул. Советская, 71, тел. (3902) 226-206, 24-06-06.